

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

С.А. Попов

**КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор А.А. Попов

Сыктывкар, 2016

УДК 94 : 352 (470.12) – 89 "186/191"

ББК 63.3(2)5 : 66.3 (2Рос)12

П58 Попов С.А.

Попов С.А. **КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА).** Сыктывкар, 2016. 180 с.

ISBN 978-5-906394-33-0

В монографии исследуются основные тенденции развития крестьянского самоуправления в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. На основе анализа значительного комплекса источников раскрыто влияние административно-территориальных особенностей региона, социально-экономического развития общины и законодательной деятельности государства на модернизацию рассматриваемой системы управления. Выявлены общероссийские черты и региональные особенности в организации местного самоуправления.

УДК 94 : 352 (470.12) – 89 «186/191»

ББК 63.3(2)5 : 66.3 (2Рос)12

Рецензенты

доктор исторических наук В.А. Саблин

доктор исторических наук С.Н. Полторак

Рекомендовано к печати Ученым советом ФГБУН Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (протокол № 3 от 30.03.2016 г.).

На обложке: Приговор селенного схода крестьян д. Градборской Шешкинской волости Усть-Сысольского уезда. январь 1914; Фрагмент раскладочного приговора крестьян с. Парчегского Богоявленской волости Усть-Сысольского уезда. январь 1914 (Национальный архив Республики Коми. Ф. ф-26. Оп. 1. Д. 186).

ISBN 978-5-906394-33-0

© С.А. Попов, 2016

© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016

ВВЕДЕНИЕ

В результате отмены крепостного права в 1861 г. была ликвидирована власть помещиков в вотчинах, которая на протяжении долгого времени являлась оплотом бюрократической системы управления на местах. Возникла необходимость формирования чётко выстроенной структуры крестьянских органов власти, эффективно поддерживающего общественный порядок. По замыслам реформаторов, фундаментом вертикали административного управления в деревне должна была стать поземельная община, функционировавшая на принципах самоуправления. Взяв за основу вековой опыт устройства государственной деревни, правительство стремилось все категории крестьян, существовавшие до 1861 г., привести к единому социально-экономическому и социально-политическому порядку.

В современных политических реалиях, когда правительством и обществом разрабатываются принципы повышения эффективности деятельности муниципальной власти, реализуются конкретные мероприятия, направленные на модернизацию системы местного самоуправления в регионах страны, а также различных сфер российского общества¹, необходимо знать и учитывать не только позитивный, но и негативный исторический опыт. В этой связи представляется наиболее актуальным комплексное изучение реформ и пореформенных явлений второй половины XIX – начала XX в., в том числе, в отдельно взятом регионе. Исследование системы крестьянского самоуправления и мероприятий правительства по её реформированию позволяет раскрыть внутренние механизмы непростых социально-экономических, правовых и культурных процессов, протекавших в пореформенной деревне; выявить особенности взаимоотношений государственной и сельской (местной) властей; охарактеризовать роль последней в повседневной жизни крестьян. Без учёта региональной специфики невозможно создать целостное представление о важнейших процессах развития института крестьянской демократии в России. Локализация исследования в географических рамках Вологодской губернии, с одной стороны, даёт возможности для более глубокого анализа, а с другой, несомненно, позволяет понять закономерности развития крестьянского самоуправления в целом по стране.

Крестьянское самоуправление в северной деревне организовывалось в рамках поземельной общины, являвшейся одновременно объектом уп-

равления и субъектом самоуправления. Оно представляло собой структуру органов общественной власти в лице крестьянских сходов и выборной администрации, деятельность и взаимоотношения которых регламентировались законом и контролировались уездными должностными лицами. В представленной работе внимание специально не акцентируется на аспектах функционирования общественного института власти, так как эта тема заслуживает самостоятельного научного исследования. Анализ затронутой проблемы требует раскрытия содержания наиболее значимых понятий, таких как крестьянское общинное управление и крестьянское общественное самоуправление. Под первым понимается деятельность центральных и губернских органов власти, направленная на регулирование жизнедеятельности крестьянской общины и основывавшаяся на законодательных актах Российской империи. Крестьянское общественное самоуправление – это функционирование схода и выборного крестьянского аппарата, действовавшего на основе как законов, так и обычного права.

Настоящее исследование охватывает довольно длительный и насыщенный крупными историческими событиями период с 1861 по 1917 г. В эти годы параллельно протекали такие новые социально-экономические процессы, как аграрное перенаселение, развитие капитализма, социальное расслоение сельских жителей и многие др. Активная законодательная деятельность велась правительством Российской империи. Реализованный комплекс реформ – Великие реформы 1860-х гг., контрреформы 1880-х гг. и столыпинское аграрное законодательство начала XX в. – состоял из мероприятий, направленных на реформирование системы управления в деревне. Все это вносило существенные изменения в традиционную, зачастую замкнутую, крестьянскую общину («мир»). Приспосабливаясь к новым условиям жизнедеятельности и постепенно превращаясь в социально-политическую структуру общества, она не только трансформировала некоторые свои институты и функции, но и стремилась сохранить устоявшиеся традиции.

Принятие Манифеста 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта»² поставило точку в многовековой истории существования в Российском государстве крепостного права. Обнародованное одновременно с ним Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости³, положило начало изменению, в первую очередь в помещичьей деревне, общественного порядка, основанного на крестьянском самоуправлении. Последовавшие затем реформы привели к значительным переменам в социально-правовом положении сельских жителей. В 1917 г. в России произошли революционные преобразования,

результатом которых стали падение монархии и формирование новой государственной-правовой системы, что внесло существенные коррективы во все сферы жизнедеятельности крестьянства.

Географически работа охватывает территорию Вологодской губернии в границах её административного деления (прил. 1). Являясь крупным северным регионом Российской империи, во второй половине XIX – начале XX в. она состояла из 10 уездов: Вельского, Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Никольского, Сольвычегодского, Тотемского, Велико-Устюжского, Усть-Сысольского и Яренского.

По теме предлагаемой монографии нет ни одного специального исследования. Тем не менее ряд вопросов затрагивался в отечественных трудах, как общероссийских, так и региональных. В целом историю изучения рассматриваемой проблемы условно можно подразделить на три периода: дореволюционный (вторая половина XIX в. – 1917 г.), советский (1918–1991 гг.) и постсоветский, или современный (1990-е гг. – по настоящее время).

В научной литературе, посвящённой крестьянской общине как сословному институту самоуправления, наблюдается разнообразие в понимании ключевой терминологии. С начала прошлого столетия предпринимались попытки интерпретации понятий «управление» и «самоуправление»⁴, причём некоторые учёные не разграничивали общественное управление и самоуправление. На это указывает, в частности, С.А. Андреев: «Термин самоуправление прочно вошёл в обиход именно в пореформенный период, когда он использовался как синоним понятия “общественное управление”»⁵. Характеризуя сельский сход и выборный крестьянский аппарат в качестве органов самоуправления, авторы анализировали их деятельность как выполнение «сословными корпорациями функций местного управления, делегированных государством»⁶. В таком подходе прослеживалась разработанная дореволюционными авторами (В.П. Безобразовым, А.Д. Градовским и др.) государственная теория местного самоуправления, согласно которой под ним понималось возложение на местное общество решения задач государственного управления. Передавая дела в ведение общественных учреждений, государство сохраняло контроль над их деятельностью, потому что самоуправление – «не обособление местного общества от государства, а, напротив, призыв этого общества к службе государственным интересам и целям»⁷.

Вопросы развития и функционирования общественного самоуправления в крестьянской среде были объектом пристального внимания уже в последней четверти XIX в. Это было связано с тем, что, во-первых, в этот период стали проявляться результаты буржуазных реформ. Во-вто-

рых, к концу 1870-х гг. в России начался политический кризис, причины которого современники пытались найти в административном управлении, в том числе и на деревенском уровне. Институт общественного самоуправления нередко рассматривали параллельно с деятельностью выстроенной вертикали административной власти в лице губернских и уездных органов управления. Исследуя административное управление сельской местностью, специалисты обращались к оценке эффективности деятельности уездных институтов власти⁸.

Изучение общественного самоуправления в дореволюционной историографии осуществлялось по следующим направлениям: а) функционирование и эволюция структуры общественного самоуправления⁹; б) взаимоотношения выборных должностных лиц и уездных институтов власти¹⁰; в) эволюция обычного и гражданского права¹¹.

При обсуждении особенностей сформированных в крестьянской общине органов власти отмечалась постепенная демократизация в формировании сельских сходов, что выражалось в увеличении в них представительства крестьян¹². Характеризуя структуру самоуправления, некоторые авторы указывали на неудовлетворительное положение дел в деревне¹³. И хотя причины этого они видели в недоработке и несовершенстве ряда существующих постановлений и законов, решения предлагали разные. Ф.А. Преображенский, связывая неэффективность работы сходов с низким уровнем нравственного развития и образования большей части домохозяев, считал, что сокращение представительства последних на законодательном уровне изменит ситуацию в лучшую сторону¹⁴. В свою очередь его оппоненты полагали, что только расширение образования на селе позволит решить данную проблему¹⁵.

Отрицательное влияние на деятельность выборных должностных лиц и крестьянский сход оказывали уездные и губернские чиновники. А.И. Кошелев, проанализировав сформированную в Российской империи систему местного управления, в том числе функции губернского присутствия по крестьянским делам, сделал вывод о постепенном загнивании системы самоуправления в общине. «С образованием данного института управления, – подытожил автор, – крестьянское самоуправление было практически уничтожено»¹⁶. К подобным выводам пришёл и С.А. Приклонский. Изучив функции крестьянских должностных лиц, он отметил, что они были полностью подчинены губернской администрации, а предоставленные волостному и сельскому начальству полномочия сводились к одной цели – осуществлению фискальных мероприятий (собираанию налогов и недоимок с крестьян)¹⁷.

Капиталистические отношения, проникавшие в деревню, а также происходившие в крестьянской среде социально-политические процессы нахо-

дили отражение в изменении норм обычного права. Это не могло не заинтересовать исследователей. Так, Н.М. Дружинин обратился к рассмотрению отношений в сельском обществе с позиций обычая и гражданского права. На примере волостного суда он попытался проследить, когда должностные лица обязаны были руководствоваться законами, а в каких случаях имели право обратиться к традициям. В итоге автор констатировал: «Действие обычая <...> представляется условным»: должностные лица могли разрешать дела на основании местных традиций только «между крестьянами»¹⁸. М.М. Ковалевский также указывал на двойственность системы гражданского судопроизводства в общине, выражавшуюся в применении как писаного, так и обычного права. Проанализировав волостное судопроизводство, он пришёл к заключению, что применение того или иного права зависело от фигурантов, но в большинстве случаев дела разбирались на основе обычного права, толкователями которого являлись сами выборные лица¹⁹.

Из вышеизложенного видно, что изучение развития крестьянского самоуправления в форме общих собраний домохозяев (сходов) и выборных должностных лиц вызвало заметный интерес современников. В большинстве случаев, отмечая отрицательные моменты в функционировании общественных органов власти, они стремились объяснить их причины и найти выход из сложившейся ситуации. Особенности изысканий на данном этапе являлись: обширность затрагиваемых авторами проблем; отсутствие разграничений по категориям крестьянства, существовавшим в деревне до 1861 г.

В советский период местное самоуправление вплоть до второй половины 1970-х гг. не являлось предметом специального исторического исследования в связи с тем, что данный институт толковался как явление буржуазного общества, следовательно, чуждое идеологии марксизма-ленинизма. Эту особенность отметил и В.Б. Безгин: «О сельских сходах писали крайне мало»²⁰. Более того, до 1950-х гг. практически не изучалась сама община. В.В. Кабанов, отметив данный факт, писал: «Создавалось впечатление, что о ней как будто забыли»²¹.

Активное развитие темы крестьянской общины началось с 1954 г., когда была опубликована монография П.А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» (в 1960 г. она была переиздана в преддверии столетия отмены крепостного права²²), посвящённая процессу разработки и реализации реформы 1861 г., где крестьянское самоуправление рассматривалось лишь в небольшом параграфе²³. Изучив Общее Положение, П.А. Зайончковский охарактеризовал сформированные органы волостного и сельского управления, показал подчинённость крестьянских выборных

лиц губернской администрации. В итоге он констатировал, что созданная структура общественного управления никакой самостоятельностью не обладала и находилась в полной зависимости от дворянства и уездных властей, а самоуправление являлось фикцией²⁴.

В 1950–1960-е гг. издавались коллективные труды по истории отдельных республик СССР, содержащие фрагментарные сведения о крестьянском самоуправлении²⁵. В рамках изучения реализации крестьянской реформы 1861 г. в регионах авторы коротко охарактеризовали структуру сформированного института, обратились к вопросу взаимоотношений представителей губернской администрации и функционировавших в деревне общественных органов самоуправления. В результате они отметили полную подчинённость крестьянских должностных лиц и сходов уездным чиновникам, что выражалось в беспрекословном исполнении их распоряжений, предоставлении им права приостановить реализацию любого приговора схода и т.д.

Со второй половины 1970-х по 1980-е гг. в исторической литературе наблюдается активизация интереса к проблемам развития и функционирования общественного самоуправления в пореформенной деревне. Господствовавшая в науке марксистско-ленинская методология оказала влияние на взгляды специалистов в области крестьянского управления и самоуправления. Как справедливо отметила Н.Г. Суворова, классовый подход, с одной стороны, выражался в отрицательной характеристике любых форм воздействия со стороны правительства на крестьянскую общину. С другой – позитивно воспринимались черты, привнесённые в этот институт народными массами²⁶. Крестьянское общественное самоуправление нередко рассматривалось с позиции угнетения его органов правительством и губернской администрацией. Н.М. Дружинин, характеризуя созданную в деревне систему управления, показал вертикаль власти, выстроенную с подчинением низовых общественных органов вышестоящим инстанциям. Ведя полицейско-финансовую деятельность, выборные лица являлись исполнителями желаний уездных и губернских чиновников²⁷.

С 1980-х гг. в советской историографии стал наблюдаться отход от отрицательной оценки функционировавшего в деревне института самоуправления как придатка фискального аппарата самодержавия. Это было обусловлено изменением отношения исследователей к трактовке сущности местного самоуправления – она стала менее идеологизированной и более объективной. Анализируя структуру общественного самоуправления, историки по-прежнему относили её к низовому уровню административной власти в общине. Более того, вновь стали рассматривать крестьянские общественные органы как местное самоуправление²⁸.

В 1970–1980-е гг. изучались такие проблемы, как эволюция структуры общественных органов самоуправления и их функций²⁹; значение обычного права в системе общественного самоуправления³⁰; роль общественного самоуправления и Великих реформ³¹ и др. Привлекая широкий круг источников, авторы ставили перед собой разные задачи. Например, П.Н. Зырянов проследил эволюцию института общественного самоуправления в рамках развивавшихся социально-экономических процессов в деревне, мероприятий правительства, трансформаций, происходивших в патриархальных устоях крестьянской семьи, и, как следствие, изменений в обычном праве. Сравнив положение выборных должностных лиц в крестьянском обществе до реформы и после 1861 г., он пришёл к выводу о постепенном падении авторитета сельского старосты в «мире»³².

Л.И. Кучумова рассматривала структуру крестьянского общественного самоуправления в рамках выделенных ею двух основных видов общины: простой и сложной. Первый был характерен для территорий, заселённых бывшими помещичьими крестьянами. Второй – для поземельных общин бывших государственных крестьян. Основное внимание было обращено на выявление сходных и отличительных черт в формировании сельских сходов в общинах отмеченных видов в первое двадцатилетие пореформенной деревни. В результате она пришла к выводу о сохранении традиционной структуры мирской власти, но более сложной, чем унифицированная законом структура самоуправления сельских обществ. Исследовательница отметила отсутствие различий в формировании данной структуры между общинами на землях бывших государственных и помещичьих крестьян³³.

В связи с изучением ряда функций общины в центре внимания Н.П. Денисовой оказались проблемы развития сельской администрации в лице волостных и сельских сходов в Чувашии³⁴. Она сконцентрировала внимание на положении должностных лиц, составе и полномочиях сходов государственных и удельных крестьян XIX в. в национальной общине. В результате ею сделан вывод об отсутствии значительных изменений во взаимоотношениях чувашской общины и низших звеньев административной системы. В то же время Н.П. Денисова указала на ряд новшеств в положении последних, что было связано с постепенным ограничением самоуправления и усилением опеки со стороны уездных властей.

Итак, в советской историографии изучение крестьянского самоуправления фактически началось лишь со второй половины XX в., а широкое распространение получило с 1970-х гг. И хотя, с одной стороны, специалистами было продолжено исследование проблемы по вопросам, поставленным в дореволюционной историографии, ими преследовались другие цели и решались иные задачи. Они стремились проследить модернизацию

института общественного самоуправления, раскрыть функции выборных должностных лиц и крестьянских сходов на протяжении длительного исторического периода; выявить общие и особенные черты в формировании и функционировании структуры общественного самоуправления, исходя из вида крестьянской общины или занимаемой ею территории и т.д.

С другой стороны, в связи с тем, что основным вектором деятельности советских учёных являлось рассмотрение социально-экономических процессов, протекавших в сельской местности, к проблемам развития и функционирования общественного самоуправления они обращались в рамках изучения капитализма в крестьянской общине, а также аграрной политики правительства, направленной на её реформирование. Основывались эти исследования на марксистско-ленинской методологии. Одной из черт историографии этого времени являлось отсутствие обобщающих монографий по проблеме развития крестьянского общественного самоуправления.

С 1990-х гг. наблюдается постепенный отход от советской теоретико-методологической основы постижения исторических процессов. Как следствие, началось переосмысление аспектов в изучении системы крестьянского самоуправления, функций общественных органов власти, взаимоотношений чиновников и сельского общества. В результате начавшихся в последнее десятилетие прошлого столетия в Российской Федерации процессов государственного строительства проблема местного самоуправления приобрела особую актуальность.

В 1992 г. была опубликована монография П.Н. Зырянова «Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг.»³⁵, в которой акцент сделан на судьбу деревни в годы столыпинских преобразований – наиболее критическое время в истории русской общины. Невзирая на обозначенные хронологические рамки, автор исследовал структуру крестьянского самоуправления начиная с 1861 г. Разбирая процессы, происходившие в сельском обществе после отмены крепостного права, он сосредоточил внимание на выявлении и объяснении факторов, позволивших общине выжить в начале нового столетия. П.Н. Зырянов пришёл к выводу о сохранении в крестьянской общине дуализма, который проявлялся в существующей структуре общественного управления, несмотря на происходившие в деревне социально-экономические и социально-политические процессы³⁶.

В 1990-е – первые десятилетия 2000-х гг. продолжилось расширение проблематики изучения пореформенной деревни, в том числе функционировавшего в ней института самоуправления. Параллельно с использованием накопленного предшественниками фактического материала учёными активно вводится в оборот новая информация, чему способствует открытие для свободного пользования ряда архивных источников, расширяется

проблематика научных трудов. В этот период разрабатываются новые подходы исследования: этнокультурный, национальный, антропологический и др. В частности, в монографии Г.А. Никитиной впервые в отечественной этнографической науке представлен феномен удмуртской национальной общины – *бускель*³⁷. Автор обстоятельно проанализировала принципы формирования и функционирования института общественного самоуправления в соответствии со структурой общины, её поселенной организацией и национальным составом.

В постсоветский период в отечественной историографии рассматриваемая проблема представлена публикациями разного жанра и уровня. Издано большое количество научных статей, касавшихся или специально посвящённых разработке конкретных аспектов истории крестьянского самоуправления³⁸. На современном этапе появляются коллективные обобщающие труды, в которых освещается эволюция сельской администрации на протяжении длительного хронологического периода³⁹. Вопросы развития института местного управления пореформенной России сегодня стали предметом широкого обсуждения на научных форумах различного уровня⁴⁰.

В последние годы значительно увеличилось число докторских и кандидатских диссертаций, что позволяет говорить об усилении интереса к рассматриваемой теме. К ним относятся работы, посвящённые истории крестьянской общины в русских областях и национальных регионах. В данных трудах содержатся сведения по введению и функционированию местного общественного самоуправления, проанализированы нормативные и законодательные акты, регулировавшие деятельность данного института⁴¹. Уделяется внимание проблемам эволюции обычного права, выступавшего одним из основных регуляторов жизнедеятельности общины и функционирования её органов управления⁴². Защищены диссертации, предметом исследования которых являлась непосредственно система крестьянского общественного самоуправления⁴³. В них основательно проработан широкий круг вопросов: эволюция структуры и функций сельских и волостных органов власти, их взаимоотношения с уездными и губернскими чиновниками, аграрная политика правительства Российской империи и т.д.

Активное изучение истории крестьянской общины в целом и функционирования органов общественного самоуправления в частности осуществлялось также на Европейском Севере России. Одной из первых к этой теме обратилась в 1953 г. Л.И. Сурина. На основе трёх волостных правлений (Благовещенского, Богоявленского и Вильгортского) Усть-Сысольского уезда она рассмотрела обязанности выборных должностных лиц и отношение крестьянства к общественной службе⁴⁴. Основное внимание было

уделено влиянию капиталистических отношений на исполнение крестьянами возлагавшихся на них должностных обязанностей.

Проблема реализации крестьянами предоставленного им Общим Положением права избрания должностных лиц была поднята А.З. Цинманом⁴⁵. В своей работе он обратился к выявлению причин крестьянских выступлений, зафиксированных в Вологодской губернии в первые годы реализации реформы. Автор указал на неприязнь общинников к должностным лицам, избранным «по рекомендации бывших помещиков и дворян»⁴⁶. Как следствие, крестьяне требовали увольнения неугодных с общественной службы: они стремились к тому, чтобы волостные и сельские правления возглавляли общинники, пользовавшиеся уважением в «мире».

В целом в трудах исследователей регионального уровня прослеживались тенденции и проблемы, аналогичные рассматриваемым общероссийской историографией. Основное внимание уделялось вопросам социально-экономического развития крестьянской общины на Севере. В 1970–1980-е гг. издан ряд научных работ, защищены диссертации, посвящённые землевладению и землепользованию⁴⁷.

В 1976 г. была опубликована статья П.А. Колесникова⁴⁸, проследившего эволюцию социально-экономических отношений в общине Вологодской губернии в контексте развития региона и правительственной политики. Изучая северную деревню в отдельные исторические периоды (феодализм и империализм), он сделал акцент на экономические вопросы – право собственности на землю, формы землевладения, перераспределение земель и т.д.

Развитие социально-экономических отношений в крестьянской общине во многом определялось государственной политикой. В связи с этим Г.И. Просвирина выявила влияние мероприятий государственных учреждений в области сельского хозяйства на развитие сельскохозяйственного производства в регионе⁴⁹. Она показала противоречивое воздействие трёх сил, определявших жизнедеятельность крестьянского хозяйства на рубеже веков: правительственной политики, деятельности местных земских учреждений и внутренних сил в крестьянском хозяйстве. К проблеме реформирования государственной деревни обратилась Н.И. Голикова⁵⁰.

Крупнейшим трудом, посвящённым северной общине, является «История северного крестьянства» в двух томах. Интересующий нас хронологический период был выделен в отдельный том⁵¹. Внимание коллектива авторов было сфокусировано на процессах развития капиталистических отношений в северной деревне, а также их влиянии на социально-экономическое положение крестьянства. На материалах трёх губерний Европейского Севера (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) был дан

анализ реализации в деревне реформ 1860-х гг., изучены проблемы землепользования и землевладения, выполнения крестьянами возложенных на них государством повинностей и др. Отдельное внимание было уделено промыслам и неземледельческим занятиям крестьянства. Используя широкий круг источников, авторы выявили региональные особенности развития капитализма, а также закономерности в эволюции российской крестьянской общины.

Вопросы крестьянского самоуправления в монографии не получили значительного освещения. Говоря о реализации реформ в помещичьей, удельной и государственной деревне, авторы лишь упомянули о передаче контроля над ней реорганизуемому сельскому самоуправлению⁵². Следуя за общероссийской тенденцией, региональные исследователи указывали на подчинённость крестьянских органов местной (губернской) администрации: «Волостные сходы и правления находились под пятой земских начальников, державших в своих руках всю полноту административной власти на местах»⁵³.

В начале XXI в. вопросам крестьянского общественного самоуправления уделялось эпизодическое внимание. Ярким тому подтверждением является отсутствие специальных научных исследований. Опубликованные труды посвящены преимущественно отдельным аспектам: структуре управления в общине, взаимодействию сельского населения и губернской власти, взаимоотношениям в сельском обществе⁵⁴. Всё чаще история регионального крестьянского самоуправления во второй половине XIX – начале XX в. становится предметом докладов на научных конференциях. При этом сообщения, как правило, посвящаются узкой проблематике⁵⁵. Так, Ф.Я. Коновалов на примере принятия приговоров сельскими сходами показал ограниченность общинной демократии. Выражалось это, по его мнению, в «подчинении личных интересов общественным», при этом вплоть до столыпинской аграрной реформы (1906 г.) это активно поддерживалось государством⁵⁶.

Фундаментальным трудом, в котором развитие крестьянского общественного самоуправления выступило одним из аспектов изучения, стал научный отчёт В.И. Чупрова и В.В. Шаньгиной⁵⁷. Авторы обратились к комплексному анализу эволюции крестьянской общины в 1861–1917 гг. в пределах небольшого региона – они ограничились территорией Коми края. В 2013 г. на основе этого отчёта была издана монография⁵⁸.

Проанализировав Общее Положение, широкий круг архивного материала, В.И. Чупров и В.В. Шаньгина проследили развитие крестьянского самоуправления на территории Коми края в качестве административной функции общины. Ими было рассмотрено влияние развития капиталисти-

ческих отношений в деревне на отношение крестьян к выборным должностям. В работе историки показали зависимость двухуровневой системы самоуправления от губернской администрации и усиление этого влияния в период контрреформ Александра III⁵⁹. В большей степени их интересовал процесс выполнения должностными лицами и сходом функций, связанных с социально-экономическими вопросами: распределение и взимание пошлин, переделы земли, занятие неземледельческим промыслом и т.д.

Таким образом, изучение развития структуры крестьянского общественного самоуправления, функций выборных должностных лиц и схода на региональном уровне происходило по направлениям, характерным для общероссийской историографии. Однако как было указано ранее, в настоящее время отсутствует обобщающая работа, посвящённая анализу крестьянского общественного самоуправления на территории Вологодской губернии.

Целью представленной работы является исследование основных тенденций развития крестьянского самоуправления в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В соответствии с этим сформулированы следующие задачи:

- охарактеризовать социально-экономические условия, оказывавшие влияние на развитие института крестьянского самоуправления в Вологодской губернии;
- определить виды крестьянской общины в указанном регионе, её состав;
- выявить и систематизировать комплекс государственных законов в сфере крестьянского самоуправления как на уровне Российской империи, так и Вологодской губернии;
- рассмотреть способы внедрения в сельское общество законодательных актов, регламентировавших крестьянское самоуправление;
- выделить общее и особенное в процессе организации структуры общественного самоуправления в российской северной деревне;
- представить взаимоотношения органов самоуправления между собой и с уездной администрацией.

Источники изучения истории крестьянского самоуправления в 1861–1917 гг. представлены большим количеством документов разнообразных видов: законодательными актами, делопроизводственными и статистическими материалами и периодической печатью, часть из которых опубликована⁶⁰. Анализ внешней и внутренней критики источников (законодательные акты, губернаторские отчёты, приговоры крестьянских сходов и т.д.) осуществлён в ряде научных работ⁶¹.

К первой группе отнесены нормативные акты, санкционированные верховной властью: Высочайшие манифесты, Высочайшие мнения, указы и положения. Наиболее многочисленным комплексом законов выступали положения, регламентировавшие права и обязанности должностных лиц крестьянского самоуправления, волостных и сельских сходов, например, «О замене на сельских сходах домохозяев, находящихся в отлучке»⁶².

Отдельно стоит отметить указы, которые составляли два блока: одни издавались в «развитие» или в дополнение принятых ранее положений, другие содержали нормы более общего характера и вносили незначительные изменения в законодательство относительно деятельности волостных и сельских должностных лиц. К ним примыкали «Высочайше утверждённые мнения Государственного Совета», такие как «О порядке разделения селений, составляющих одно сельское общество, на отдельные общества»⁶³. Как правило, данными нормативными актами утверждались предложения Госсовета по совершенствованию правовой базы в сфере крестьянского самоуправления и функционирования сельского общества, а также вносились уточнения и разъяснения в ранее принятые акты. Привлечение нормативных документов в качестве источников позволило раскрыть принципы государственной политики в отношении крестьянской общины и сельского общества в целом, определить её цели и задачи, содержание, характер, основные направления, проследить её эволюцию.

Во время исследования нормативных актов использовалось Полное собрание законов Российской империи, охватывающее хронологические рамки с 1861 по 1913 г.⁶⁴ Для представления более полной картины законодательной деятельности правительства в сфере крестьянской общины привлекался «Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии», который ежегодно переиздавался Министерством внутренних дел⁶⁵. Основным документом каждого издания являлось Общее Положение, его статьи в качестве примечания дополнялись принятыми указами и решениями Департаментов Правительствующего Сената. Это помогло выявить и проанализировать вновь принимавшиеся нормативные акты, которые касались жизнедеятельности крестьянской общины и функционирования сформированного в ней самоуправления.

Во вторую группу источников – делопроизводственные документы – входят: переписка губернских и уездных учреждений, а также волостных и сельских правлений; внутренние материалы и документы, содержащие жалобы и прошения; документы делопроизводства Министерства внутренних дел и других правительственных ведомств. Их достоинством является комплексный характер формирования и последующего хранения. Внушительными массивами они отложились в архивных фондах: представите-

лей губернских и уездных органов власти; управлений государственных имуществ, осуществлявших контроль над деятельностью крестьянской общины и исполнением ею правительственных распоряжений на подведомственной им территории; волостных и сельских правлений. В делах отмеченных фондов встречаются все разновидности делопроизводственных материалов: циркуляры, отношения, прошения, отчёты и т.д.

Наибольшее количество источников по вопросам крестьянского управления и общественного самоуправления сохранилось в фондах земских начальников – лиц, осуществлявших непосредственный надзор за деятельностью волостных и сельских правлений и сходов. В архивных фондах сосредоточен достаточно большой комплекс дел, отражающий все стороны общинной жизни.

Особого внимания требует фонд Канцелярии Вологодского губернатора⁶⁶, где собраны документы не только по делопроизводству высшего аппарата управления губернии, но и направленные в регион правительственными чиновниками (циркуляры МВД и его отделов, а также копии указов Сената). Благодаря этим материалам рассмотрена проблематика взаимоотношений между губернской администрацией и правительством в сфере регулирования крестьянского самоуправления.

Большой интерес представляют циркуляры уездных начальников и ответы на них волостных и сельских правлений: с их помощью не только выявлен круг вопросов, которые повседневно решались крестьянскими должностными лицами, а также их отношение к выполняемым обязанностям, но и определена степень самостоятельности выборных лиц в своей деятельности. Комплексное исследование этих документов дало возможность реконструировать общую картину взаимодействия представителей губернских и уездных учреждений с общиной.

Одними из ключевых источников являлись приговоры волостных и сельских сходов, сохранившиеся как в фондах соответствующих правлений, так и в качестве копий в фондах земских начальников. В этом есть свои преимущества: в канцелярии начальников приговоры комплектовались по годам. Следовательно, знакомство с данными делами способствовало изучению решений сходов территориально, а также помогло представить целостную картину развития общины.

Приговоры принимались непосредственно в крестьянской среде и несли на себе печать социального быта, традиций, взглядов, настроений общинников, а также экономического развития общества. Это уникальный тип документа: с одной стороны, он отражал отдельно взятый период (фрагмент) деятельности крестьянской общины и с этой точки зрения содержал меньше информации о функционировании сельского схода, чем,

например, отчёт или акт по обследованию земским начальником волости или сельского общества. С другой – рассмотрение приговоров в совокупности (за целый год или в нескольких правлениях) позволило выявить тенденцию развития деревни в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в., проследить общую проблематику обсуждавшихся на сходе вопросов.

Отдельный блок делопроизводственной документации составили годовые обзоры Вологодской губернии⁶⁷. Являясь частью отчётов губернаторов, с 1870 г. они публиковались отдельными изданиями⁶⁸. Здесь была представлена общая характеристика социально-экономического и социально-политического развития региона за отчётный период; освещалась культурная сторона жизни губернии; содержались сведения о деятельности крестьянских должностных лиц. Обзоры сопровождались статистическими материалами в виде таблиц, располагавшихся в приложении. Несмотря на широкую информативность, содержащиеся в данном историческом источнике сведения требуют критического анализа. Во-первых, система сбора данных для написания отчётов была несовершенна (не было чётко сформулированной формы вопросника), что приводило к фактическим неточностям. Во-вторых, (на что указывает А.С. Минаков) губернаторы в процессе составления документа нередко утаивали или смягчали информацию по вопросам, которые могли вызвать критику и возмущение со стороны правительства⁶⁹.

Таким образом, комплексное изучение делопроизводственной документации позволило исследовать следующие аспекты: взаимоотношения представителей губернской и уездной власти с крестьянской общиной; обязанности, возложенные на должностных лиц и их права; вопросы, волнующие крестьянское общество в определённый исторический период; систему делопроизводства в крестьянских правлениях и т.д.

Статистические источники представлены «Материалами для оценки земель Вологодской губернии»⁷⁰ и «Памятными книжками Вологодской губернии»⁷¹. В первом случае в нашем распоряжении оказались количественные данные, собранные Губернским статистическим бюро в результате проведённой в начале XX в. подворной переписи крестьянских хозяйств, которые позволили изучить интересовавшие нас аспекты социально-экономического развития губернии. При этом их можно отнести к наиболее достоверным и точным, так как, во-первых, сбор информации осуществлялся по чётко разработанным программам, «охватывающим все стороны хозяйственной жизни крестьян»⁷², а во-вторых, они дополнительно проверялись штатными сотрудниками бюро.

Достоинство «Памятных книжек...» состояло в ежегодном издании статистических данных о населении и территории губернии, характеристике

земельных угодий и т.д. Сравнение источника данного вида с «Обзорами Вологодской губернии» дало возможность детально проанализировать социально-экономическое развитие региона и его уездов на протяжении исследуемого хронологического периода.

С целью изучения поселенного состава крестьянских общин Вологодской губернии привлекались данные переписи поземельной собственности и населённых мест, собранные Центральным статистическим комитетом в 1877–1878 гг., а в 1885 г. опубликованные⁷³. В частности, в источнике представлены поуездные и поволостные сведения о числе сельских обществ, крестьянских общин, селений и дворов.

Следующая группа источников – периодическая печать – представлена материалами «Вологодских губернских ведомостей». В целом для характеристики крестьянского самоуправления они менее информативны, чем законодательные акты и делопроизводственная документация. Несмотря на это, в них содержатся сведения, которые не встречаются в указанных ранее документах. Например, публикации, раскрывающие отношение крестьян к уездным чиновникам⁷⁴, отражающие развитие общественных отношений в сельском обществе⁷⁵. Кроме того, обнаруженные в них данные позволили дополнить выявленные ранее факты, а в отдельных случаях сопоставить их между собой.

В «Вологодских губернских ведомостях» размещались законодательные акты и делопроизводственные материалы правительственных и губернских учреждений. Первые были представлены указами Правительствующего Сената, располагавшимися в первом или втором отделении официальной части. Многие из них совпадали с законодательными актами⁷⁶, опубликованными в Полном собрании законов Российской империи. В большинстве случаев они содержали в себе комментарии к отдельным статьям «Высочайше утверждённых Положений...». Вторую группу представляли циркуляры МВД, которые выполняли ту же функцию, что и указы Сената, – знакомили местное население с законодательной деятельностью государства. Подтверждением тому – содержащаяся в них информация: отдельные статьи из указов и положений, принятых правительственными органами. Однако это весьма субъективный источник, так как выборка и дальнейшая публикация нормативных актов осуществлялась губернской администрацией. Следовательно, она определяла, какие законодательные материалы представители общины должны знать, а что им знать не стоит. Изучение «Ведомостей» дало возможность проследить тенденции внутренней политики губернской администрации по отдельным аспектам, выявить вектор её направления в зависимости от социально-экономической ситуации в губернии.

К отдельному виду источников относятся этнографические материалы. Они представлены рукописями корреспондентов, составленными во время опроса крестьян Центральных губерний Европейской России, в том числе Вологодской губернии, по специально разработанной «Программе» в 1897–1901 гг. и собранными «Этнографическим бюро» князя В.Н. Тенишева. Материалы находились в архивном фонде с одноимённым названием в Российском этнографическом музее, а в 2007–2008 гг. были опубликованы⁷⁷. Опросники оформлялись со слов крестьян, являвшихся очевидцами происходивших в конце XIX в. в северной деревне социально-экономических изменений, и были изданы в виде, максимально приближенном к первоначальному. С привлечением указанного источника были детально исследованы следующие вопросы: процесс созыва крестьянских сходов и их проведение; взаимодействие крестьян с губернской властью; отношение сельских жителей к исполнению выборных должностей и др.

Таким образом, в совокупности представленный комплекс источников, использованных в процессе исследования, позволил раскрыть структуру крестьянского самоуправления, сформированную в рамках общины, проследить её эволюцию на протяжении второй половины XIX – начала XX в. с точки зрения как социально-экономического развития Вологодской губернии, так и внутренней политики правительственного аппарата и деятельности губернской администрации.

В целом монография представляет собой первое специальное исследование крестьянского самоуправления в Вологодской губернии, преобразованного в результате Великих реформ. На основе анализа многочисленных источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, было установлено преобладание в регионе крестьянской общины сложного вида, которая территориально совпадала с образованными в пореформенный период сельскими обществами. Показано отличие юго-западных уездов от остальной территории по типам, количеству входивших в неё деревень и дворов, а также плотности расселения «миров». При разработке выявленных нормативных правовых актов Российской империи, регламентирующих функционирование системы крестьянского самоуправления, на примере отдельно взятого региона определены и раскрыты основные направления реформирования изучавшегося института, отмечены причины принятия новых законов. В ходе изучения распространённых в Вологодской губернии методов повышения правовой грамотности крестьян и лиц, непосредственно осуществлявших самоуправление в обществе, охарактеризованы их эффективность и доступность для понимания сельского жителя. В результате рассмотрения модернизации института крестьянского самоуправления доказано влияние на принцип формирования сельских ор-

ганов власти, отношение крестьян к исполнению выборных должностей и т.д., социально-экономического развития общества, а также типологии общины. Впервые были раскрыты общероссийские черты и особенности в формировании крестьянского самоуправления в губернии, характерные как для всего региона, так и отдельных его уездов.

Примечания

1. См., например: Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 165-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014. 25 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/25/samoupr-dok.html> (дата обращения: 23.07.2014); Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. 12 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (дата обращения: 23.07.2014); Петров В. Валентина Матвиенко предложила возродить институт сельских старост [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014. 22 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/22/obuchenie.html> (дата обращения: 23.07.2014).

2. Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗ). Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36650.

3. Там же. № 36657.

4. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 235 с.; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России (XV – начало XX в.). 2-е изд. М., 1968. С. 200–257; Бардаков Д.А. Современное доктринальное и легальное понимание местного самоуправления [Электронный ресурс] // Философия права. 2008. № 2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15260331> (дата обращения: 29.11.2011); Шутов А.Ю. Исторические традиции местного самоуправления в Европе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 5. С. 86–116.

5. Андреев С.А. Англоязычная историография земской реформы: основные направления, критерии, проблематика // Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение (к 150-летию отмены крепостного права в России): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Киров, 19–21 мая 2011 г.) / под ред. Ю.А. Балыбердина. Киров, 2011. С. 142.

6. Попов С.А. К вопросу о самоуправлении в крестьянской общине Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы X Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции (г. Сыктывкар, 22 апреля 2011 г.): в 3 ч. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 188–189; Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половины 60-х гг. XIX в. (организация, функции, правовая регламентация): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 25–26.

7. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинности, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 7–8.

8. Демерт Н. Наши общественные дела // Отечественные записки. СПб., 1873. № 9. С. 93–108; Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. 2-е изд. СПб., 1904. 131 с.

9. Преображенский Ф.А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893. 87 с.; Беннигсен Э.П. К вопросу о пересмотре законодательства о крестьянах из заметок практика. СПб., 1902. 159 с.; Боровский А.К. Обязанности должностных лиц и делопроизводство крестьянского сельского управления. Петрозаводск, 1909. 140 с.

10. Кошелев А.И. О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам. М., 1881. 19 с.; Приклонский С.А. Очерки самоуправления: земского, городского и сельского. СПб., 1886. 384 с.

11. Дружинин Н.М. Крестьяне и общее гражданское право // Журнал юридического общества. 1896. № 5. С. 1–32; № 6. С. 1–28; Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 155–169.

12. Дедюлин С.А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах (ответы на вопросы министра внутренних дел). СПб., 1902. 192 с.; Чарушин А.А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск, 1911. 16 с.

13. Записки публициста // Отечественные записки. СПб., 1884. № 4. С. 184–204; Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. 447 с.

14. Преображенский Ф.А. Указ. соч. С. 7.

15. Беннигсен Э.П. Указ. соч. С. 9–18; Дедюлин С.А. Указ. соч. С. 85–96.

16. Кошелев А.И. Указ. соч. С. 4.

17. Приклонский С.А. Указ. соч. С. 168–175.

18. Дружинин Н.М. Крестьяне ... // Журнал юридического общества. 1896. № 6. С. 12–13.

19. Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 167–168.

20. Безгин В.Б. Повседневный уклад русского села в условиях модернизации конца XIX – начала XX в. (историографический обзор) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (г. Вологда, 23–26 сентября 2008 г.): в 2 кн. / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 280.

21. Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М., 1984. Т. 111. С. 100.

22. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 2-е изд. М., 1960. 367 с.

23. Там же. С. 142–149.

24. Там же. С. 309.

25. Очерки истории Мордовской АССР: в 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1917 г. / под ред. В.Н. Бочкарёва. Саранск, 1955. С. 289; История Татарской АССР (С древнейших времён до наших дней) / под ред. В.И. Белокопытова, Э.А. Вагапова. Казань, 1968. С. 183, 184 и др.

26. Суворова Н.Г. Указ. соч. С. 12.

27. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978. С. 41–43.

28. Захарова Л.Г. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1986. № 5. С. 36–42; Краснова В.Б. Положение 19 февраля 1861 г. и образование крестьянского самоуправления // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1989. № 1. С. 67–77.

29. Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. / под ред. В.Л. Янина. Вильнюс, 1974. С. 380–387; Его же. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М., 1982. Т. 107. С. 226–302; Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 27–33; Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1981. Т. 106. С. 323–347.

30. Громыко М.М. Община в обычном праве сибирских крестьян XVIII – 70-х гг. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. / под ред. В.Л. Янина. Вильнюс, 1974. С. 388–396; Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР: ежегодник по аграрной истории / отв. ред. П.А. Колесников. Вологда, 1976. Вып. 6: Проблемы истории русской общины. С. 91–101.

31. Краснова В.Б. Указ. соч. С. 67–77.

32. Зырянов П.Н. Социальная структура ... С. 240.

33. Кучумова Л.И. Указ. соч. С. 343.

34. Денисова Н.П. Административно-фискальные и правовые функции общины у чувашей // Вопросы истории дореволюционной Чувашии: сборник статей / под ред. Н.Е. Егорова, В.А. Прохорова. Чебоксары, 1984. С. 46–71.

35. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. 256 с.

36. Там же. С. 27–35, 233–237.

37. Никитина Г.А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск, 1993. 160 с.

38. Александров А.А. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX в.: сборник статей / отв. ред. Н.П. Лигенко. Ижевск, 1996. С. 82–140; Прокофьева Т.П. Местное самоуправление в России глазами крестьян // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нём. М., 1998. С. 390–406; Крюкова С.С. Правовая культура русских крестьян в России XIX в.: проблемы и интерпретации // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 98–123; Зименков А.П. Традиции самоуправления в дореволюционной России // Обозреватель. 2008. № 4. С. 35–46; Бакиева Т.Г. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 156–164; Григорьев А.В. Развитие крестьянского общественного управления во второй половине XIX в. (на материалах средневолжских губерний) // Вестник Екатеринбургского института. 2011. № 1 (13). С. 100–103 и др.

39. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, М.А. Миненко, И.В. Побережников. М., 2003.

381 с.; Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2012. 407 с. и др.

40. Кабытов П.С. Власть и крестьянство Поволжья в период проведения Столыпинской земельной реформы // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.) / отв. ред. В.А. Юрченков. Саранск, 2004. С. 234–243; Земцов Л.И. Власть и крестьянский сословный суд («временные правила о волостном суде» 1912 г.) // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI в.: сборник статей к Международной научно-практической конференции (г. Коломна, 25–27 октября 2007 г.) / отв. ред. А.И. Шевельков. Коломна, 2007. Ч. I. С. 45–51; Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины Европейской России во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Среднего Поволжья // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всероссийской (XI межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск, 2010. С. 265–271; Трушков С.А. Специфика деятельности мировых посредников в Вятской губернии (1861–1874 гг.) // Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение (к 150-летию отмены крепостного права в России): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Киров, 19–21 мая 2011 г.) / под ред. Ю.А. Балыбердина. Киров, 2011. С. 67–71 и др.

41. Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995. 22 с.; Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 174 с.; Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1861–1906 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Псков, 1999. 254 с.; Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община в пореформенный период 1861–1900 гг.: на материалах Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2009. 569 с. и др.

42. Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998. 26 с.; Петров Н.А. Община и обычное право чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2000. 277 с.; Спицина О.В. Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011. 265 с. и др.

43. Суворова Н.Г. Указ. соч.; Нежина М.В. Система самоуправления в Приамурском крае: исторический опыт формирования: вторая половина 50-х гг. XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2007. 216 с.; Егоров Д.В. Деятельность мирского суда чувашского крестьянства во второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010. 261 с. и др.

44. Сурина Л.И. Крестьяне Приустысьсольских волостей Вологодской губернии в конце XIX и начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. С. 311, 324–326.

45. Цинман А.З. Новые данные о крестьянском движении в Вологодской губернии (1861–1863 гг.) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1980. С. 50–68.

46. Там же. С. 50–52.

47. Беловинский Л.В. Наделы и повинности бывших крепостных крестьян Вологодской, Вятской и Олонецкой губерниях накануне и после реформы 1861 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 21 с.; Просвирина Г.И. Крестьянское хозяйство Европейского Севера в конце XIX – начале XX в. (по материалам Вологодской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 16 с.; Её же. Сельское народонаселение и крестьянская семья на Севере в начале XX в. // История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.А. Куратова. Вологда, 1986. С. 115–121 и др.

48. Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР: ежегодник по аграрной истории / отв. ред. П.А. Колесников. Вологда, 1976. Вып. 6: Проблемы истории русской общины. С. 3–35.

49. Просвирина Г.И. Деятельность различных государственных учреждений России в области сельского хозяйства в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Вологодской губернии) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период): сборник статей / отв. ред. П.А. Колесников. Вологда, 1981. С. 65–77.

50. Голикова Н.И. Политика царизма в государственной деревне Европейского Севера (60–80-е гг. XIX в.) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1980. С. 72–82.

51. История северного крестьянства: в 2 т. Т. 2: Период капитализма / под ред. Ю.А. Полякова. Архангельск, 1985. 385 с.

52. Там же. С. 21, 26, 32.

53. Там же. С. 47.

54. Трошина Т.И. Население и власть на Севере России // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 3–12; Мухин Д.А. Практика проведения сходов крестьянами Вологодской губернии [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 17 online. С. 154–174. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/17online/> (дата обращения: 15.03.2013) и др.

55. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянское общественное управление в Коми крае во второй половине XIX в. и современность // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции (г. Сыктывкар, 16 апреля 2010 г.): в 3 ч. Сыктывкар, 2010. Ч. 3. С. 217–220; Мухин Д.А. Служба общественная как служба военная (к вопросу о восприятии сельских выборов в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в.) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всероссийской (XI межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск, 2010. С. 291–294 и др.

56. Коновалов Ф.Я. Взаимоотношения внутри крестьянской общины (на материалах северной деревни второй половины XIX – начала XX вв.) // Европейский Север: история и современность: тезисы Всероссийской научной конференции

(г. Петрозаводск, 14–15 сентября 1990 г.) / отв. ред. А.И. Афанасьева, Н.А. Кораблев, Л.В. Суни. Петрозаводск, 1990. С. 36–37.

57. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.). Научный отчет. Сыктывкар, 2008 // Научный архив (Далее – НА) Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 757.

58. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.). Сыктывкар, 2013. 328 с.

59. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община ... // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 757. Л. 256.

60. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1: Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). 795 с.; Приговоры крестьянских сходов в Вологодской губернии в революции 1905–1907 гг. // Вологодский архив: сборник документов и материалов. Вологда, 1963. Вып. 2. С. 30–40; Документы по истории крестьянской общины. 1861–1880 гг. / сост. Л.И. Кучумова, отв. ред. А.М. Анфимов, Б.Г. Литвак: в 5 т. Т. 5. М., 1991. 222 с., и др.

61. Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко: учебник. М., 1973. С. 288–319; Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 123–186, 259–267; Ганелин Р.Ш., Куликов С.В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: учебное пособие. СПб., 2000. С. 9–41; Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX вв. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170–175; Барыкина И.Е. Сравнительные обозрения Всемилошвейших манифестов как источник по истории государственного управления // Клио. 2013. № 3 (75). С. 36–44 и др.

62. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1877. Т. 50. Отд. 2. № 55291.

63. Там же. Собр. 3. СПб., 1889. Т. 7. № 4378.

64. Там же. Собр. 2. Т. 36–55. СПб., 1863–1884; Собр. 3. Т. 1–33. СПб., 1885–1913.

65. Сборник узаконений и распоряжений правительства, относящихся до крестьянского общественного управления и крестьянских учреждений / сост. А. Скоров. М., 1883; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX. Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906 г.). 2-е изд. СПб., 1908 и последующие переиздания.

66. Государственный архив Вологодской области (Далее – ГАВО). Ф. 18.

67. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881; Обзор Вологодской губернии за 1884 г. Вологда, 1885 и др.

68. Минаков А.С. Указ. соч. С. 170.

69. Там же. С. 173.

70. Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. 1: Грязовецкий уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. М., 1903; Т. 2: Вологодский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1907; Т. 3: Тотемский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1908; Т. 4: Вельский уезд.

Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1909; Т. 6: Велико-Устюгский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1914.

71. Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 и 1863 гг. Вологда, 1863; Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 гг. Вологда, 1866 и др.

72. Материалы для оценки земель ... Т. 1. Вып. 1 ... С. 1.

73. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 217–268.

74. О мировых посредниках // Вологодские губернские ведомости (Далее – ВГВ). 1861. 8 апреля. С. 87–91.

75. Общинно-земельные порядки крестьян Воробинской волости Сольвычегодского уезда // ВГВ. 1879. 13 августа. С. 1–2; 16 августа. С. 1–2; 20 августа. С. 1–2.

76. Имеется в виду указы, содержащие полный текст, так как много нормативных актов публиковалось редакцией без текста, с указанием лишь его названия.

77. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния: в 4 ч. СПб., 2007–2008.

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анализ развития Вологодской губернии способствует более точному представлению и осознанию основных тенденций организации крестьянского самоуправления, характерных не только для исследуемого региона, но и для Российской империи в целом. Происходившие после февраля 1861 г. в сельском обществе социально-экономические процессы оказали непосредственное влияние на структуру общественного самоуправления, модернизация которой осуществлялась в рамках общероссийской тенденции. В то же время административно-территориальные и природно-климатические особенности Вологодской губернии повлияли на её региональную специфику.

Нами очерчена территория губернии на протяжении исследуемого периода. На основе природно-климатических и хозяйственно-экономических условий жизнедеятельности сельского населения выделены три группы уездов: юго-западная, центральная и северо-восточная. Изучены протекавшие в сельском обществе демографические процессы, а также социально-экономическое развитие крестьянства, составлявшего основную долю населения Вологодской губернии.

Начавшееся в 1860-е гг. формирование сельских обществ, относившихся к низшей административной единице управления на местах, происходило в рамках крестьянской поземельной общины. Как следствие, присущие ей черты находили отражение в составе и функциях крестьянских сходов и должностных лиц. В связи с этим отдельное внимание уделено анализу особенностей распространения по территории губернии крестьянской общины по видам, а также количеству входивших в неё деревень и крестьянских дворов.

§ 1. Социально-экономические особенности северной губернии

Во второй половине XIX – начале XX в. Вологодская губерния относилась к территории Европейского Севера Российской империи. Охватываемая пространство в 36,8 млн дес. (30% общей площади Европейского Севера).

ра), она занимала второе место, уступая Архангельской губернии, которая простиралась на 77,3 млн дес. (более 60% всей территории северного региона). Во второй половине XIX в. общая площадь её претерпела незначительные изменения (табл. 1). В начале XX в. она оставалась неизменной, что подтверждается данными отчётов губернатора¹.

Таблица 1

**Территория Вологодской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.**

Год	Общая площадь, дес.	В том числе, дес.		
		Под лесами	Полевые земли*	Неудобные земли
1861	34458229	32289254	1108386	1020789
1865	34458242	32288954	1108385	1020792
1870	34460000	32370000	1140000	1050000
1875	34458440	27881205	1108385	1020792
1893	36807229	33603000	1967000	—**
1896	36807000	33603000	1967842	—
1899	36807229	31333000	—	2367000
1912	36807229	—	—	—

Составлено по: Статистический очерк Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г. Вологда, 1861. С. 33; Статистические материалы // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 гг. Вологда, 1866. С. 5–6; Статистический очерк // Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 г. Вологда, 1870. С. 8; Статистические материалы // Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 гг. Вологда, 1875. С. 4–5; Статистический временник // Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 гг. / под ред. Н.А. Полиевктова. Вологда, 1893. С. 41. Общие сведения о Вологодской губернии // Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг.: в 2 ч. / под ред. Н.А. Полиевктова. Вологда, 1896. Ч. 1. С. 6, 7; Статистический временник // Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899 и 1900 гг. / под ред. Н.А. Полиевктова. Вологда, 1899. С. 1, 2; Справочные сведения // Памятная книжка Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1912. С. 110.

Исследователь И.И. Демкин относил Вологодскую губернию к тем регионам России, «где земли и много, да она не пригодна, климат там суровый, зима холодная и длинная, лето короткое – непостоянное, так что хлеб не всегда созревает»². И действительно, не во всей губернии были одинаково благоприятные условия для жизни. Отчасти это было связано

* Включали в себя земли, отведённые под пашни и сенокосы.

** В использованном источнике нет данных.

*Рис. 1. Административно-территориальное деление
Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

с тем, что большая часть территории была покрыта лесами. В начале XX в., по подсчётам агронома С. Кузницкого, в среднем по губернии на одного едока приходилось 2,9 дес. удобной земли, в то время как в Велико-Устюгском уезде – 3 дес., а в европейской части России – 2,3 дес.³ Аналогичные цифры указывали советские исследователи: 2,5 дес. на душу или 14 дес. на крестьянское хозяйство⁴.

В административно-территориальном отношении регион делился на 10 уездов. По увеличению площади они распределялись следующим образом: Вологодский, Грязовецкий, Велико-Устюгский, Кадниковский, Тотемский, Вельский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский. Последние два уезда занимали более половины всей губернии – 56,5%, где на Усть-Сысольский уезд приходилось 42,1% (рис. 1).

По природно-климатическим и хозяйственно-экономическим условиям уезды губернии составляли три группы: юго-западную (Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский), центральную (Никольский, Вельский, Тотемский и Велико-Устюгский) и северо-восточную (Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский). При этом данные условия влияли на численность и плотность населения в них, а также определяли специфику жизнедеятельности крестьянства. К концу XIX в. выделенные группы являлись самостоятельными экономическими центрами с собственной фор-

мой аграрно-капиталистических отношений и устоявшимися социально-экономическими связями. В частности, юго-западный район тяготел к центральному промышленному району России, центральный – к южным уездам Архангельской губернии и архангельскому порту, а северо-восточный – к Вятской и Пермской губерниям.

В каждой группе проживала в основной своей массе определённая социальная страта крестьян. В юго-западных уездах большую часть сельского населения составляли бывшие помещичьи, а в северо-восточных землях – бывшие государственные крестьяне. В центральных уездах расселялись представители всех трёх категорий. В частности, усадьбы помещичьих были зафиксированы в Тотемском, Велико-Устюгском и Никольском уездах⁵. В 1860-х гг. в Велико-Устюгском уезде числилось всего восемь душ временнообязанных крестьян⁶. Основным ареалом расположения удельных выступали Вельский, Тотемский и Сольвычегодский уезды. Отдельные их общины встречались в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах. По данным X ревизии (1858), в губернии насчитывалось 257,2 тыс. душ государственных, 102,6 тыс. душ помещичьих⁷ и 80203 души удельных крестьян⁸.

Численность населения в Вологодской губернии была непостоянной и имела тенденцию к увеличению, что было характерно для всего Европейского Севера. Согласно представленным в табл. 2 сведениям, с 1869 по 1915 г. население в среднем увеличилось на 76,3%. Среднегодовой прирост, в свою очередь, составил 1,66%. Однако Д.И. Пинаевский, исследовав больший хронологический период, выявил несколько иные данные. По его подсчётам, население Вологодской губернии с 1858 по 1914 г. увеличилось на 83,4%, а среднегодовой прирост составил 1,46%⁹. Особенно высокие показатели были зафиксированы в начале XX в. Если за 1901–1905 гг. численность населения увеличилась на 19267, то за 1905–1909 гг. – на 80232, а за 1909–1913 гг. – на 102489 чел. По подсчётам Г.И. Просвириной, за первые 15 лет нового столетия оно возросло на 24,6%¹⁰. Постепенный демографический рост в этот исторический период был характерен для всего Европейского Севера.

Ключевым источником прироста населения являлся естественный прирост. Если ежегодной нормой по губернии считалось повышение количества жителей на 1,1%, то на рубеже веков она, согласно отчётам губернатора, превышалась примерно на 0,3–0,9%¹¹. На этот процесс оказало влияние увеличение доли взрослого населения и продолжительности жизни, активное развитие на рубеже веков медицины и т.д.¹²

Зафиксированному в регионе механическому приросту населения способствовали следующие факторы. Во-первых, постепенное перемеще-

ние центра колонизации Европейского Севера с Мурманского побережья в Никольский уезд, являвшийся наиболее благоприятным районом для «земледельческой колонизации». В начале XX в. он выступал в роли основной области образования переселенческих пунктов на Европейском Севере России¹³. К 1910 г. здесь поселилось 3655 чел., из которых 1289 были русскими, а 2366 – выходцами из прибалтийских губерний¹⁴. Во-вторых, правительство вело активную политику переселения сельского населения из центральных густонаселённых губерний на окраины Российской империи¹⁵. Как следствие, к середине 1913 г. в Вологодскую губернию прибыло 8203 чел., в то время как в Архангельскую – всего 3340¹⁶.

Таблица 2

**Население Вологодской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.**

Год (к 1 января)	Общее число жителей	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1869	980970	41969	38759	+3209
1881	1139982	52728	44420	+8308
1885	1199577	59948	38077	+21871
1889	1262164	54974	36582	+18391
1894	1342674	61895	36234	+25661
1901	1477717	60772	48047	+12725
1905	1496984	68570	40151	+28419
1909	1577216	67055	50000	+17055
1913	1679705	75606	51052	+24554
1915	1734177	80881	50804	+29277

Составлено и подсчитано по: ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 1829. Л. 54; Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881. С. 7; Обзор Вологодской губернии за 1884 г. Вологда, 1885. С. 14; Обзор Вологодской губернии за 1888 г. Вологда, 1889. С. 31; Обзор Вологодской губернии за 1893 г. Вологда, 1894. С. 17; Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901. С. 19–20; Обзор Вологодской губернии за 1904 г. Вологда, 1905. С. 21; Обзор Вологодской губернии за 1908 г. Вологда, 1909. С. 18; Обзор Вологодской губернии за 1912 г. Вологда, 1913. С. 24; Обзор Вологодской губернии за 1914 г. Вологда, 1916. С. 19.

По территории губернии население было распределено неравномерно. По данным 1908 г., его плотность по уездам составляла: Вологодский уезд – 35,4 человек на 1 кв. версту; Грязовецкий – 17; Кадниковский – 13,9; Велико-Устюгский – 11,5; Никольский – 8,7; Тотемский – 8,2; Вельский – 5,7; Сольвычегодский – 3,8; Яренский – 1,09; Усть-Сысольский – 0,76¹⁷. Самыми населёнными являлись юго-западные уезды с благоприятными

климатическими условиями и наиболее плодородными почвами. Средние показатели отмечались в центральной части губернии. Наименьшее число жителей наблюдалось в двух северо-восточных уездах, занимавших пространство более половины региона, но являвшихся малопригодными для занятий земледелием. Таким образом, если плотность населения в Вологодском уезде превосходила среднюю по Европейской России (на 1 января 1914 г. она составляла 28 чел. на кв. версту), то в Усть-Сысольском уезде она соответствовала данным, зафиксированным только в Сибири.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. Вологодская губерния оставалась аграрным регионом страны. В связи с этим соотношение между сельским и городским населением претерпело незначительные изменения. Если в 1868 г. в городах (без учёта населения заштатных городов Лальска и Красноборска) проживало в среднем 4,2% населения¹⁸, то в 1897 г. – 4,7%. Для примера: в Архангельской губернии этот показатель был выше – 9,2% (1897)¹⁹. В начале XX в. численность городского населения составила 4,4%²⁰. Столь низкий уровень урбанизации был вызван местными условиями. Все основные источники заработка, в том числе и фабрично-заводские предприятия, находились вне городов. Количество в них таких предприятий в начале нового столетия составляло 9,8% от их общего числа в губернии, а производительность – 16,3%²¹. Повышение доли городского населения в конце столетия во многом было обусловлено строительством железной дороги Москва – Вологда – Архангельск. Прокладка путей привлекла большое количество рабочих рук, что привело к росту миграции. Таким образом, механическое передвижение населения способствовало увеличению горожан в Вологодской губернии.

Доля сельского населения составляла в среднем 95–96% от общего числа жителей: 1868 г. – 95,8%, в 1904 г. и 1914 г. – 95,5%²². Относительно сословной принадлежности подавляющее число жителей – крестьяне: 92,9% в 1862 г.; 90,2% в 1880 г.; 95,5% в 1901 г. и 95,7% в 1914 г.²³ Казалось бы, начавшийся во второй половине XIX в. процесс социального расслоения в деревне должен был привести к снижению данных показателей. В России, в частности, он сопровождался выделением из среды сельских обитателей зажиточной верхушки и слоя рабочих. Однако процент крестьян в числе всех жителей Вологодской губернии не претерпел значительных изменений, а в начале нового столетия увеличился. Причина этого – неполнота экономического разложения северного крестьянства. Иными словами, в процессе расслоения половина крестьян сохранила видимость самостоятельности, не имея ярко выраженных черт, присущих как сельской буржуазии, так и наёмным рабочим.

Со времён средневековья грамотность северных крестьян, как считает Г.И. Просвирина, была относительно высокой. Побудительные причины этого явления определялись внутренней структурой крестьянского хозяйства²⁴. Получившая развитие после реформ 1860-х гг. система крестьянского общественного самоуправления, а также формирование капиталистических отношений увеличили потребность в грамотных людях. Несмотря на это, на рубеже XIX–XX вв. уровень образованности сельского населения оставался невысоким. Так, на рубеже веков средний процент крестьян, владеющих письмом и чтением, в губернии составлял 17,5%²⁵, в то время как, согласно Первой всероссийской переписи населения (1897), в европейской части России он достигал 22,9%²⁶.

По территории уровень грамотности сельских жителей также был неоднородным. В начале нового столетия в пяти наиболее «благополучных» уездах (Вологодском, Грязовецком, Велико-Устюгском, Вельском и Тотемском) общее количество грамотных и полуграмотных крестьян среди населения обоего пола в среднем составило 19,3%²⁷. Можно предположить, что в северо-восточных уездах этот показатель был ещё ниже, так как в Усть-Сысольском и Яренском уездах по переписи 1897 г. он равнялся 16,8%. По половому признаку среди владеющих грамотой преобладали мужчины. На рубеже веков это выражалось в следующих цифрах: 31,4% грамотных мужчин и 4,2% женщин²⁸. По России этот показатель составлял 34% и 14% соответственно, в то время как безграмотных обоего пола было 79%²⁹.

Культурное развитие сельского населения находилось в непосредственной зависимости от его образа жизни. Крестьянин вынужден был постоянно заботиться о пропитании, о куске хлеба. Традиционным было использование в хозяйстве детского труда. В итоге наблюдались высокий процент неграмотных среди взрослого населения и низкий показатель учащихся. Семьи, в которых имелись обучавшиеся грамоте, составляли в среднем 14,5% от числа всех хозяйств. Низкий показатель был обусловлен отсутствием у большей массы крестьян возможностей обучаться грамоте. В то же время, работавшие с ранних лет с утра до ночи на поле, они обладали мощным массивом знаний о сельском хозяйстве и природе. Крестьянин, как отметила М.М. Громыко, «с детства постепенно приобретал их – и накопленные веками, и новые, недавние. Окружающие давали эти знания целенаправленно, обучая, и стихийно – самой своей жизнью»³⁰.

Неблагоприятные природно-климатические условия не позволяли крестьянину обеспечить свою семью достаточным количеством хлеба за счёт собственного земельного участка. В результате выделялись сельские общества, где населению приходилось покупать хлеб на годовое пропитание. Такие общества были зафиксированы в Тотемском уезде, на что

в 1886 г. указывал уездный исправник³¹. «Чем дальше на север, – писал Н.М. Дружинин, – тем больше сужались возможности полевого хозяйства: в Яренском и Устьсысольском уездах, а отчасти Сольвычегодском, даже посевы ржи и овса были невозможны и оставался единственный промысел, обеспечивавший существование населения»³². Об этом говорили и сами сельские жители. Так, опрашивая крестьян Нёбдинской волости Усть-Сысольского уезда, представители земской управы в графе о первоочередных потребностях отмечали: «...кроме наделения землёй население нуждается в местных заработках»³³.

Постоянно испытывая нехватку средств, находясь в поиске необходимого для существования зерна, крестьяне были обязаны платить огромное число налогов и податей и нести натуральные повинности. «Полученные доходы, – указала в своей работе Н.И. Голикова, – шли не только на уплату повинности, но и на покупку хлеба»³⁴. В итоге сельские жители были вынуждены всё чаще прибегать к поиску дополнительных финансовых источников. П.В. Котляровский подсчитал, что в течение календарного года земледельческим работам жители северо-восточных уездов уделяли не более 4 ½ месяцев (с мая по середину сентября). В остальное время они занимались разными промыслами и выполняли другие виды работ³⁵. Как следствие, в регионе продолжалось активное развитие крестьянских промыслов, подразделявшихся на местный и отхожий. Например, Усть-Сысольский и Яренский уезды ещё в 1800–1860 гг. были основными районами Вологодской губернии, куда население деревень отправлялось на дополнительные заработки. И уже тогда наблюдалась тенденция увеличения числа отходников.

Обращение к неzemледельческим занятиям было характерно для сельского населения многих губерний Российской империи, однако степень их распространения была разной. Данный факт подтверждается исследованиями по соседним регионам, в том числе и в национальных общинах. Например, среди чувашского и мордовского крестьянства они были развиты слабее, чем среди крестьян других народов Поволжья (татар, удмуртов и др.)³⁶.

Одним из существенных катализаторов развития промысловой деятельности явилось аграрное перенаселение сельского общества (избыточность рабочих рук). Наблюдавшиеся в пореформенный период интенсивные темпы роста населения начали превосходить темпы развития сельскохозяйственного производства. В связи с этим часть крестьян, не нашедших применения своим силам на земле, начинала заниматься неzemледельческой деятельностью. О масштабах развития крестьянских промыслов на рубеже веков свидетельствуют материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. По её итогам 197 тыс. чел. из числа сельского

населения указали на дополнительное занятие промыслами. С учётом крестьян, уже находившихся в это время за пределами своего общества (уже являясь отходниками), их число составило 312 тыс. чел., или около 50% взрослого сельского населения³⁷. Большинство крестьянских хозяйств не могло обходиться без средств, получаемых от занятия промыслами. Подавляющая их часть относилась к ним как к возможности дополнительного заработка. «Вот уж по весне добудем опять денежек-то, – отзывался в 1898–1899 гг. крестьянин Вепревской волости Вологодского уезда, – чужая сторонushка выручит меня. Не понуждаемся товды и в денежках, и оброк уплатим, и кобылу на пашню куплю...»³⁸. В связи с этим в экономической жизни северной деревни наблюдалась особенность, которую весьма точно подчеркнула Л.И. Сурина, – господство мелкого крестьянского хозяйства, представлявшего собой своеобразное, сложное сочетание земледелия и скотоводства с различными неземледельческими занятиями, в том числе традиционными: охотой, рыболовством, извозом³⁹.

Промысловая деятельность населения была весьма разнообразна. К началу XX в. в губернии существовало до 50 различных ремесленно-кустарных производств, а к 1914 г. насчитывалось до 143 тыс. кустарей и ремесленников. Большинство из них концентрировалось в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Тотемском и Велико-Устюгском уездах. Находясь в непосредственной зависимости от природно-климатических условий местности и её экономического развития, промысловая деятельность сельских жителей приобретала облик специализации. Н.Д. Конаков, исследуя традиционные занятия коми-зырян в Усть-Сысольском и Яренском уездах, пришёл к выводу о распространении земледелия как основной деятельности сельских жителей преимущественно в их южной части. Промыслом же, по его мнению, занимались крестьяне северных волостей Яренского и северо-восточных волостей Усть-Сысольского уезда⁴⁰. Данный факт ранее отмечал и П.В. Котляровский. Из Усть-Сысольского уезда, – констатировал исследователь, – в основном уходили в Пермскую, Вятскую губернии, а иногда и в Западную Сибирь; из Яренского уезда – в Архангельск и Петербург⁴¹. Подобное разделение по преобладанию сельскохозяйственного производства или промыслов в быту крестьян наблюдалось и по другим уездам губернии⁴².

Постепенно в регионе возрастали темпы роста отходничества. За 40 лет (1861–1900 гг.) оно увеличилось более чем в шесть раз, что превышало показатели Архангельской и Олонецкой губерний. Особую роль в этом сыграл проникавший в Вологодскую губернию капитализм. Несмотря на возрастающую роль данного явления в жизни крестьянина, по-прежнему сохранялась его тесная связь с земледелием. Н. Гиммер ещё

в начале XX в. писал: «При развитии промыслов сельское хозяйство здесь вовсе не теряет своего существенного, а большей частью – огромного значения. В Северной России, за исключением сравнительно немногих районов Крайнего Севера, сельское хозяйство остаётся базисом крестьянской экономики»⁴³. В качестве примера он привёл Вельский уезд, где, по его подсчётам, беспосевного крестьянского населения насчитывалось всего 3,8%, причём все эти дворы – или безземельные, или не имели работника.

Находясь в постоянном поиске дополнительных средств, крестьянин не забрасывал свой земельный участок. Так, в Вельском уезде из 17519 наличных хозяйств 11954 (68,2%) занимались местными промыслами и 6759 (38,6%) – отхожими. Аналогичная ситуация наблюдалась в Вологодском уезде: из 29569 наличных хозяйств в первом случае было занято 22158 (74,9%), а во втором – 6050 (20,5%) хозяйств⁴⁴. Несколько иная картина сложилась на северо-востоке губернии. Постепенно отхожие промыслы здесь начинали играть значительную роль в деревенской экономике, что подтверждалось увеличением количества занятых ими крестьян.

Уход на заработки не всегда гарантировал получение дополнительной прибыли. Цой Ун-Ен в своей работе приводит мнение исследователя А.Н. Масленкова: «Экономические результаты отхожих промыслов сводятся к нулю: отхожий заработок проживается по городам и дорогам, по городам и трактирам, и нередко отхожий промышленник возвращается домой больной, спившийся и без денег в кармане»⁴⁵. Сами же крестьяне указывали, что результат от хождений был разным и нередко зависел от направления ухода: «Из Архангельска хоть сколько-нибудь приносят деньжонок. Но из Питера многие возвращаются ни с чем и по этапу»⁴⁶. Несмотря на указанный факт, в большинстве случаев промысловая деятельность приносила существенный доход в общий бюджет крестьянской семьи. Однако во второй половине XIX – начале XX в. промыслы по своей значимости существенно уступали сельскому хозяйству, которое оставалось главным источником дохода крестьян Вологодской губернии.

Независимо от рода деятельности каждый сельский житель был обязан платить в государственную и губернскую казну налоги и подати различных видов (прил. 2). С них взимались лесной налог, подушная подать, государственный поземельный, а также различные косвенные налоги, земские и мирские сборы и страховые платежи. Как правило, они являлись тяжким грузом для селян, а для многих из них были непосильны. В 1868 г. их общая сумма по региону составила 825483 руб. 81 коп. В среднем на каждую облагаемую душу приходилось по 84 коп. В последующем происходило увеличение размера денежного сбора, взимаемого с крестьянина. Согласно подсчётам В.В. Шаньгиной, в 1891 г. на каждую облагаемую

душу оклады налогов и сборов в сельских обществах Яренского уезда составляли от 1 руб. 95 коп. до 3 руб. 29 коп., а по Усть-Сысольскому – от 2 руб. 33 коп. до 7 руб. 16 коп.⁴⁷

После отмены оброчной подати (законом 12 июня 1886 г. была преобразована в выкупные платежи), а затем и подушной подати (1 января 1887 г.) выкупные платежи увеличились примерно в 2,5 раза (в 1888 г. относительно 1884 г.) и стали составлять основной вид государственных платежей (табл. 3). В конце XIX в. на их долю приходилось в среднем 60% (в 1888 г. – 60,3%, а в 1893 г. – 59,1%) от общей суммы платежей. При этом на рубеже XIX–XX вв. наблюдалась тенденция к уменьшению их доли и возрастанию земских сборов. В годы Первой русской революции под натиском народных масс правительство отменило данный вид налогообложения, однако и эта мера не привела к существенному уменьшению общей суммы взимаемых с крестьян платежей.

Значительную часть своих средств крестьяне отдавали в качестве мирских (носили целиком сословный характер) и земских сборов. К первой категории относились повинности, исполнявшиеся каждым обществом для удовлетворения собственных внутренних потребностей. В их ряду: содержание общественного управления, строительство и ремонт сельских запасных магазинов, поддержание в исправном состоянии просёлочных дорог, проточных вод и канав на землях, находившихся в собственности общин или состоявших в их постоянном пользовании, меж и межевых знаков, содержание караулов в деревнях и многое другое. В.П. Шляпин в 1881 г. насчитал не один десяток волостных и сельских сборов⁴⁸.

Таблица 3

Платежи крестьян Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в.

Год	Платежи, руб.					Итого
	Государственный поземельный налог	Подушная подать	Оброчная подать	Земский сбор	Выкупные платежи	
1880	15788,75	783435,77	702883,33	683238,23	519173,47	2688730,80
1884	26185,84	622221,48	709206,94	870625,80	667314,87	2895554,93
1888	52434,28	Отменена с 1 января 1887 г.	Отменена 12 июня 1886 г.	1044975,82	1666684,86	2764094,96
1893	52417,49			1122132,55	1697342,55	2871892,59
1900	27350,20			1766499,45	1727044,86	3520894,51
1904	29834,63			2306224,46	1713152,08	4049211,17

Составлено и подсчитано по: Ведомость о поступлении окладных сборов в Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за: 1880 г. Вологда, 1881.

Приложения; Ведомость о поступлении окладных сборов в Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1884 г. Вологда, 1885. Приложения; Ведомость о поступлении окладных сборов в Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1888 г. Вологда, 1889. Приложения; Ведомость о поступлении окладных сборов в Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1893 г. Вологда, 1894. Приложения; Ведомость о поступлении окладных сборов в Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901. Приложения; Ведомость о поступлении окладных сборов в Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1904 г. Вологда, 1905. Приложения; Ведомость о поступлении губернских и уездных земских сборов // Обзор Вологодской губернии за 1904 г. Вологда, 1905. Приложения.

Мирские платежи не были постоянными и имели тенденцию к увеличению. На территории северо-восточных уездов их размеры в расчёте на ревизскую душу составляли: в 1881 г. – 79 коп. по Усть-Сысольскому и 64 коп. по Яренскому уезду; в 1891 г. – соответственно 1 руб. 26 коп. и 86 коп. и в 1895 г. – 1 руб. 39 коп. и 1 руб. 28 коп.⁴⁹ Рост их объяснялся тем, что, во-первых, значительные средства крестьянский «мир» отдавал на нужды губернской администрации и церкви. Так, особый вид сельских выплат составляли сборы на содержание церкви и церковнослужителей, на ремонт, отопление и освещение церковных строений. В 1886 г. представителями Пятавской волости Тотемского уезда было собрано 60 руб. 12 коп. на покупку дров для отопления воскресной церкви⁵⁰. На протяжении трёх лет (1892–1894 гг.) крестьяне Богородского сельского общества одноимённой волости Вологодского уезда выделяли по 6 руб. 60 коп. на отопление приходской церкви⁵¹. Во-вторых, увеличивались расходы на содержание волостных и сельских правлений и нужды сельского общества. Например, на нужды волостных старшин по Вологодской губернии выделялось в 1890 г. – 30 696 руб., в 1891 г. – 31 469 руб., в 1892 г. – 31 200 руб. и в 1893 г. – 32 132 руб., в то время как писари с помощниками обходились сельским жителям в 51 858 руб., 52 754 руб., 54 138 руб. и 55 260 руб. в год, соответственно⁵².

Все мирские подати подразделялись на денежные и натуральные. Причём последние зачастую являлись наиболее обременительными для крестьянина, так как отрывали его от сельскохозяйственных и промысловых занятий. При этом наиболее тяжёлой из них являлась дорожная повинность, которая имела тенденцию к увеличению. Корреспонденты «Этнографического бюро» в 1898–1899 гг. во время опроса крестьян Вологодской губернии нередко сталкивались с их недовольством по поводу обязанности исправления дорог. В частности, жители Степуринской волости Грязовецкого уезда готовы были «отдать по 15 коп. с души, лишь бы не поправлять дорог»⁵³.

Дело было не столько в большом объёме работ, сколько в системе их организации. Эту повинность приходилось выполнять далеко за пределами места проживания и нередко в разгар полевых работ. В 1866 г. исправление дорог и мостов по петербургскому тракту крестьянам Чернятинского общества Богородской волости Вологодского уезда обошлось в 17 руб. 68 коп. или по 17 коп. с души⁵⁴. В 1869 г. на подобных работах было задействовано 1200 жителей Помоздинской волости Усть-Сысольского уезда и затрачено 240 руб.⁵⁵ В целом по Европейскому Северу стоимость содержания одной версты земских дорог обходилась сельскому населению довольно дорого – примерно в 57 руб. Столь непомерный труд и значительные финансовые затраты вызывали протесты против несения данной повинности. Один из таких бойкотов был организован высококовскими крестьянами Вологодского уезда в 1897 г.⁵⁶

В кризисные годы правительство шло на уступки сельскому обществу, уменьшая размер отдельных платежей. В частности, в 1867–1868 гг. в северо-восточных уездах Вологодской губернии разразился голод, причины и последствия которого бурно обсуждались на страницах современной центральной периодики⁵⁷. Авторы статей и заметок рисовали реальную картину развития земледелия в северной деревне. Через прессу они стремились донести до губернских и государственных чиновников проблемы, с которыми сталкивался крестьянин в повседневности. В ответ Государственный Совет 9 ноября 1870 г. утвердил Высочайшее мнение⁵⁸, которым размер оброчной подати снижался с 2 руб. 97 коп. до 90 коп. с души для крестьян Усть-Сысольского и Яренского и до 2 руб. в Сольвычегодском уезде. В 1884 г. Правительствующий Сенат предоставил земским учреждениям, «коим по закону предоставлены: назначение, раскладка, взимание и расходование земских сборов», право давать крестьянам отсрочку в уплате земских сборов, но только в исключительных случаях (неурожая, градобития, пожаров, падежей скота и т.п.), когда их взыскание в установленные сроки влечёт за собой значительное расстройство в хозяйстве плательщиков и уменьшение платёжных сил местности⁵⁹. Все эти мероприятия являлись попыткой министерства финансов, с одной стороны, укрепить патриархальные «устои» деревни, а с другой – предоставить некоторые финансовые послабления местному населению.

Несмотря на это, за представителями поземельных общин зачастую образовывались недоимки. В некоторых сельских обществах встречались лица, которые совершенно не имели средств на уплату денежных сборов. Ярким примером тому служит датируемый 1896 г. ответ старшины Спас-

ской волости Вологодского уезда земскому начальнику шестого участка отставному лейтенанту Н.А. Можайскому. На требование взыскать с десятских полицейских деревень Трушева и Починка штраф в размере 1 руб. он рапортовал о том, что они не могут их уплатить ввиду крайней бедности, совершенно не имеют никакого имущества и даже занимаются сбором милостыни⁶⁰. Г.И. Просвирина, изучив бюджеты крестьянских хозяйств в начале XX в., пришла к выводу об их дефиците у 40% рассмотренных ею хозяйств и только 2% из тех, у кого была прибыль в бюджете, имели денежный доход вдвое больше расхода⁶¹.

Ежеквартально волостными правлениями подавались на имя уездных чиновников отчёты о состоянии посевов и сборов урожая, которые затем передавались губернатору. В результате местные власти знали о финансовой обстановке в деревне и о возникавшей неплатёжеспособности сельского населения, которая приводила к увеличению недоимок. Одним из примеров этому является циркуляр от 3 сентября 1905 г. за № 571, подписанный губернатором А.А. Лодыженским. В документе земским начальникам сообщалось о прогрессивном увеличении задолженности по поземельным сборам: «...в январе текущего года недоборы увеличились против прошлого года на 5 040 руб. 95 коп. (указана общая сумма по Вологодской губернии. – С.П.), в феврале – на 18 147 руб. 72 коп., в марте – на 5 872 руб. 62 коп., в апреле – на 9 036 руб. 33 коп., в мае – на 16 890 руб. 6 коп., в июне – на 49 933 руб. 43 коп. и в июле на – 69 452 руб. 3 коп...»⁶².

Аналогичные «долги», что представлено в табл. 4, были у крестьян по всем видам налогообложения. Н.М. Дружинин, исследовав выкупные платежи бывших помещичьих крестьян во второй половине XIX в., отметил наибольший процент недоимок в нечернозёмных губерниях со скудной почвой и малыми наделами, не обеспечивавшими доход земледельцу. При этом он указал на их стабильное уменьшение в Вологодской губернии (в период с 1866 по 1881 г.)⁶³. Это вызывает некоторое сомнение, так как из приведённых статистических данных следует, что на рубеже веков по губернии недоимки по выкупным платежам «стабильно» увеличивались. Причём отмена подушной и оброчной податей привела к их росту. Если до 1887 г. недоборы по выкупным платежам в среднем составляли от 1,4% (1880) до 7,4% (1888), то в 1900 г. они доходили до 17,4%, а накануне Первой русской революции (1904) – 30,8%.

Таблица 4

**Задолженность по платежам крестьян
Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в.**

Год	Платежи, руб.					Общий размер задолжен- ности
	Государ- ственный поземель- ный налог	Подушная подать	Оброчная подать	Земский сбор	Выкупные платежи	
1880	277,83	7253,91	33062,69	194883,21	3430,32	238907,99
1888	3935,17	5572,35	51955,48	456864,79	41489,65	559817,44
1893	4882,71	7905,81	46926,65	609430,90	50274,61	719420,68
1900	2099,01	Не взи- малась с 1 января 1887 г.	Не взи- малась с 12 июня 1886 г.	624571,17	131965,83	758636,01
1904	4829,83			780587,71	349323,76	1134741,30

Составлено и подсчитано по: Ведомость о распределении недоимок по уездам и города Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881. Приложения; Ведомость о распределении недоимок по уездам и города Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1888 г. Вологда, 1889. Приложения; Ведомость о распределении недоимок по уездам и города Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1893 г. Вологда, 1894. Приложения; Ведомость о распределении недоимок по уездам и города Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901. Приложения; Ведомость о распределении недоимок по уездам и города Вологодской губернии // Обзор Вологодской губернии за 1904 г. Вологда, 1905. Приложения.

Основными причинами понижения платёжеспособности крестьян и, соответственно, их обнищания были недород хлеба и травы и отсутствие постоянных заработков. В 1868 г. старшина Фетиньинского волостного правления Тотемского уезда на просьбу мирового посредника второго участка В.А. Кассацкого взыскать оброчные недоимки писал, что как их, так и мирские сборы взыскать невозможно, так как «которые крестьяне посостоятельнее, те уплатили, а многие вовсе не имеют ничего»⁶⁴.

Помимо финансовой составляющей причинами возникновения долгов являлись: 1) нежелание крестьян платить подати и налоги и 2) недостаточная организация сборов. В 1894 г. тотемский уездный исправник А.И. Алексин, задавшись вопросом, почему даже при благоприятном урожае льна окладные сборы по уезду поступали несвоевременно или совсем отсутствовали, пришёл к выводу: «Следует взыскать денег много, а времени мало! Например, в текущем году нужно взыскать окладных сборов около 500.000 руб. в двухмесячный период времени еще при неудобствах

сообщений, суммы скапливают в правлениях до нескольких тысяч руб., затем посылают с неопытным сборщиком, который без осторожности везёт, случается до 6 и 7 тысяч, при таких условиях долго ли до несчастья»⁶⁵.

Зная о существующих проблемах, в качестве основного фактора образования недоимок губернатор А.А. Лодыженский указывал ненадлежащую организацию и контроль над поступлением денежных средств со стороны земских начальников. Как следствие, он требовал от них принимать жёсткие меры по устранению недоборов и не допускать их в последующем; в случае необходимости – «путём предоставления плательщикам указанных в законах от 13 мая 1896 г., 31 мая 1899 г. и 12 марта 1903 г. облегчений и льгот в уплате окладных сборов»⁶⁶.

Таким образом, крестьяне исполняли большое количество разнообразных повинностей, значительная часть которых являлись денежными. Зачастую взимаемые сборы превышали годовые доходы сельского жителя. В итоге обществами подавались ходатайства на имя министра внутренних дел с просьбой предоставить льготы по уплате причитающихся с них податей. Установленная во второй половине XIX в. система сборов и повинностей ещё больше разоряла крестьян. Причина этого крылась в преследуемых правительством целях, касающихся реализации финансовой политики. Осуществлявшиеся государством мероприятия по изменению налогообложения деревни преследовали, как правило, фискальные цели, развитие крестьянского сельскохозяйственного производства отходило на второй план.

Происходившие после реформы 1861 г. в Вологодской губернии социально-экономические процессы способствовали развитию торговых отношений в деревне. Несмотря на это, занимавшиеся данной деятельностью сельские жители по-прежнему располагали мизерными средствами и обычно содержали по одной мелочной лавке, дававшей ничтожные обороты. Например, в 1898 г. по Усть-Сысольскому уезду 45% всех торговых заведений, принадлежавших крестьянам, имели обороты не более 500 руб. в год, 40% – не более 3 тыс. руб. в год⁶⁷. Исходя из этого, можно определенно говорить о возрастании к концу 1890-х гг. концентрации торговли в руках нескольких, более преуспевших в этом деле, крестьян. Это было характерно для всего Севера России. В частности, П.М. Трофимов, исследовав экономические отношения на Европейском Севере, отметил, что «обычно в одной деревне действовали один-два торговца; они же обслуживали округ в несколько деревень»⁶⁸. Активную деятельность в сельской местности продолжали вести коробейники, торговавшие вразнос с возка. Видную роль в экономической жизни губернии по-прежнему играли ярмарки, среди которых в конце XIX в. на ведущие позиции по финансовым оборотам выдвинулись Прокопьевская и Ананьевская.

Вовлечение сельского населения в торговлю с экономически сильными районами страны оказало влияние на социальное расслоение в деревне, которое выразилось в формировании крестьянской буржуазии. Так, В.И. Чупров указал, что в конце XIX в. происходила поляризация северной деревни, которая, с одной стороны, выражалась в увеличении и укреплении числа зажиточных, а с другой – в увеличении бедняцкой и полупролетарской прослойки⁶⁹. Однако данный процесс имел свои особенности. В условиях низкого уровня развития сельского хозяйства и промышленности предпринимательство среди «новоиспечённой» буржуазии осуществлялось главным образом не в производственной, а в торговой сфере, привлекавшей возможностью более быстрого обогащения без значительных вложений в материально-техническую базу. В связи с этим, по мнению В.В. Шаньгиной, торговые операции, сочетавшиеся с ростовщическими, являлись основным источником накопления капитала в северной пореформенной деревне⁷⁰.

Несмотря на активное проникновение в общину рыночных отношений, для крестьян земля по-прежнему являлась основным источником получения дохода. Решение аграрного вопроса на территории Вологодской губернии осуществлялось в три этапа: в 1861 г. он был определён в бывшей помещичьей деревне, в 1863 г. – в удельной и в 1866 г. – в государственной. Фактически наделение общинников землёй не было завершено вплоть до 1917 г. О результатах реформирования государственной деревни Н.М. Дружинин писал: «Несмотря на провозглашение крестьян земельными собственниками, они оставались в прежнем, феодально-зависимом положении: собственником земли оставалась казна, а крестьяне пользовались наделом за старый феодальный оброк, названный теперь оброчной податью и приблизившийся к форме государственного налога»⁷¹.

Пристальное внимание со стороны правительства к северной деревне отразилось на развитии землевладения. Во второй половине XIX – начале XX в. в аграрной политике правительства прослеживались два направления, оказавших значительное влияние на землевладение и землепользование крестьян. Во-первых, сохранилась система государственного феодализма в виде собственности казны на крестьянские дачи, отведённые в пользование ещё при Генеральном межевании 1780-х гг. Во-вторых, поддерживалась поземельная община при одновременном ограничении подворных форм землепользования, отвечающих требованиям развивавшегося капитализма.

С реализацией реформ 1860-х гг. большинство крестьянских хозяйств получило значительно меньший надел, чем им причиталось по закону. В связи с этим можно полностью согласиться с выводом С.П. Никонова,

охарактеризовавшего результаты реформы 1861 г. в России следующим образом: «Стремление редакторов крестьянских положений 1861 г. дать освобождённым крестьянам земельный надел в количестве, вполне обеспечивающем им самим и их потомству возможность кормиться исключительно с земли, потерпело фиаско»⁷². Это было характерно для земельных преобразований, проводимых во всех трёх категориях крестьянских деревень, как для России, так и Вологодской губернии.

В итоге нововведений площадь крестьянских наделов по губернии сократилась почти на 328 тыс. дес., или на 40,9% дореформенного наделного землепользования⁷³. Только 11,2% крестьян удалось сохранить свой участок в прежнем размере. К этой группе относились государственные крестьяне. В среднем по губернии на одно хозяйство приходилось по 14 дес., а на душу – 2,5 дес.

В начале XX в. среди государственных, удельных и помещичьих крестьян размер надела на двор подразделялся следующим образом: 12,3 дес., 12,9 дес. и 9,1 дес., соответственно. Аналогичные показатели были зафиксированы в Архангельской губернии, в то время как в Карелии на крестьянский двор приходилось 3,8 дес. пашни⁷⁴. Для примера, в трёх уездах Казанской губернии (Чебоксарском, Цивильском и Ядринском), где проживало чувашское население, в конце XIX в. в среднем на крестьянский двор приходилось 5,5 дес. пашни⁷⁵. Таким образом, крестьяне Вологодской губернии получили земельные наделы значительно меньших размеров, чем они ожидали, но больше, чем в других регионах страны.

В связи с постоянным увеличением численности сельского населения размер участка на одного человека понижался, так как возможностей для его расширения не было. С годами земельная теснота в деревне становилась всё ощутимей, что вылилось во время Первой русской революции в крестьянские выступления. Недостаток пахотных и сенокосных наделов, а также продолжавшееся уменьшение их размера в расчёте на душу наличного населения вынуждали крестьянскую общину уделять пристальное внимание распределению удобной земли между односельчанами. В итоге в практику сельских обществ вошло проведение систематических переделов, что привело к возникновению чересполосицы, которая, как справедливо отметил И.Д. Кузнецов, одновременно с дальнеполосицей и мелкополосицей выступали характерными чертами общинного землепользования⁷⁶.

Росту «земельного голода» в регионе способствовало сохранение значительных земельных площадей, за исключением пашни, в собственности государства, что наглядно продемонстрировано в табл. 5. В конце XIX в. казне и уделу принадлежало 87,5% удобной земли, в то время как в пользовании крестьян находилось всего лишь 8,5%, а в частном владении – 3,9%.

Сельскохозяйственные угодья, находившиеся в ведении крестьян, составили 55,7%, где большинство – пашенные земли. Обращает на себя внимание тот факт, что сельские жители могли арендовать и покупать преимущественно сенокосы, выгоны и леса, так как пашни уже почти полностью концентрировались в их руках. В условиях малоземелья они были ограничены в возможности расширить свои участки путём покупки, потому что казённые и удельные земли в торговых отношениях фигурировали довольно редко. Поэтому основное земельное движение происходило между самими крестьянами и частновладельцами. Однако в условиях капиталистического рынка первым не удалось увеличить свои владения в связи с тем, что большинство из них стремилось сохранить наделы в прежних размерах. Более того, к 1890-м гг. во многих общинах размер пахотной земли на ревизскую душу в самых многоземельных уездах понизился до $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{4}$ дес. в трёх полях⁷⁷. Одновременно с этим, по данным Центрального статистического комитета, в 1893 г. процент безземельных дворов в губернии равнялся 4,2%⁷⁸.

Таблица 5

Структура земельных угодий в Вологодской губернии в конце XIX в.

Собственник	Вид угодий, тыс. дес.				
	Удобные земли	Пашня	Луга	Леса	Другие
Казна и удел	30281	51	1007	29177	46
Крестьяне	2957	736	930	1202	89
Частные владения	1351	55	210	1078	8
Всего	34589	842	2147	31457	143

Составлено по: История северного крестьянства: в 2 т. Т. 2: Период капитализма / под ред. Ю.А. Полякова. Архангельск, 1985. С. 61.

Основу крестьянского землевладения в губернии составляла наделённая земля, принадлежавшая общине. К 1905 г. лишь 7,8 тыс. хозяйств имели участки на праве подворного владения, а в их распоряжении находилось 33,3 тыс. десятин земли. По уездам наделы распределялись неравномерно. Например, в Грязовецком уезде они составляли 46,3% общей земельной площади, в Вологодском – 44,8%, в Тотемском – 33,8% и в Вельском – 20,7%⁷⁹. При общинном землепользовании усадебные земли представляли собой индивидуальное пользование, а выгоны, лесные участки и неудобные земли находились в общем владении.

Частновладельческие земли в основном были сосредоточены в бывших помещичьих уездах. Почти половина их находилась в Кадниковском,

а вместе с Вологодским и Грязовецким они составляли 70% всех частновладельческих угодий губернии, где подавляющее большинство принадлежало купцам и зажиточным крестьянам, выделившимся с развитием капиталистических отношений. На рубеже веков они увеличили свои наделы путём скупки и аренды. С 1887 по 1904 г. в губернии было куплено 587,3 тыс. дес. земли⁸⁰. В результате в начале XX в. сельская буржуазия сосредоточила в своих руках значительные участки наделной и купчей земли, которые становились для них источником накопления капитала. Параллельно с этим происходило земельное «оскудение» рядовых крестьян – они в конечном итоге оставались без надела.

Таким образом, после реализации буржуазных реформ крестьянство Вологодской губернии в большинстве своём потеряло значительную долю земель, которыми оно владело до 1861 г. Основу жизнедеятельности этой части населения составляли небольшие общественные наделы. Проблема малоземелья не была решена и во время столыпинской аграрной реформы, коснувшейся лишь части уездов.

Итак, по площади Вологодская губерния занимала значительную территорию Европейского Севера России. Её уезды подразделялись на три группы: юго-западную, центральную и северо-восточную. В исследуемый период регион продолжал активно осваиваться, чему способствовали происходившие здесь демографические процессы и осуществляемая правительством политика переселения из центральных густонаселённых губерний на окраины России. Особенности ландшафта и климата оказали влияние на расселение крестьян по уездам. В экономическом отношении это был аграрно-промысловый регион с преобладанием мелкого крестьянского хозяйства. Природные условия, непосредственно влиявшие на сельское хозяйство, обременённость значительным количеством денежных и натуральных повинностей – всё это определяло характер и специфику хозяйственной деятельности сельских жителей на территории Вологодской губернии.

§ 2. Крестьянская община Вологодской губернии в исследуемый период

Развитие рассмотренных ранее социально-экономических процессов в вологодской деревне происходило в рамках крестьянской поземельной общины. Выступая основной формой организации крестьянского землевладения и самоуправления, товарищеским союзом сельских жителей, она выполняла многообразные функции, охватывавшие все стороны их жизни. Основными из них являлись: административная, земельно-хозяйственная, финансово-податная, судебная и др.

Крестьянская община – сложный хозяйственный и общественный организм, отличавшийся жизнестойкостью и приспособляемостью к новым историческим условиям. Являясь социальным институтом, она объединяла крестьян различного имущественного положения и определяла уклад их жизни. В каждом подобном «союзе», указала Т.В. Ефериная, всегда присутствовало имущественное неравенство. Среди его членов постоянно образовывались группировки социальных слоёв, особенно во время сходов, существование которых время от времени приводило к столкновениям, особенно при решении поземельных и рекрутских вопросов⁸¹. Но даже эти противоречия не позволили в начале XX в. правительству П.А. Столыпина разрушить крестьянскую общину на Европейском Севере России.

В историографии объединение крестьян, живших в одном или нескольких соседних селениях и совместно решавших повседневные проблемы, называлось общиной, сельским обществом, «миром». Как правило, исследователями-аггарирами эти определения использовались в качестве синонимов. В свою очередь А.А. Риттих разграничивал общину и общество («мир»). В первом случае он понимал «некую земледельческо-хозяйственную организацию крестьянства, связанную формальными и неформальными узами в сфере землевладения и землепользования, а во втором – коллектив сельских жителей, связанных публичным и юридическим правом»⁸². Сами крестьяне именовали свой союз «миром», или «обществом» («обществом»). В документах правительственных и губернских чиновников, в приговорах крестьянских сходов употреблялся термин «общество»⁸³. В 1878 г. землемер В.М. Васильев во время обследования Андроновской сельской общины Панфиловской волости Грязовецкого уезда отметил: «Слово “община” не в ходу, крестьяне описываемой общины местности называют свой союз “обществом”»⁸⁴.

Поземельная община являлась единственной широко распространённой формой организации жизнедеятельности сельских жителей. Она была для них социальным институтом, в котором люди жили сообща. «На обязанности членов мира, – писал в своём труде Б.Н. Миронов, – лежало быть в миру смиренными, жить с миром ”совместно“ и не совершать никаких действий, затрагивающих общие интересы ”без мирского ведома“»⁸⁵. Следовательно, основным признаком крестьянской общины являлась «мирская» организация населения. В.П. Данилов указывал, что любому докапиталистическому обществу была присуща корпоративность: «В нём просто немислимым было существование человека вне корпорации, в частности вне местного, соседского, территориального объединения»⁸⁶.

В тесной связи с административной и земельно-хозяйственной деятельностью общины находилась её поселенческая организация, т.е. структура.

В пореформенной России община в основном была представлена двумя формами – простой и сложной. Причём в последнем случае в историографии она именуется как общинный союз или составная община. Критерием данной классификации выступал порядок землепользования, сочетавшийся с формой территориальной организации. Так, к простой относилась община, в которой владение и пользование наделными угодьями осуществлялось крестьянами одной деревни, а к сложной – когда хозяйственные угодья находились в общем владении и пользовании нескольких населённых пунктов. Также были распространены «раздельные общины» и общины-волости. Первые образовывались путём разделения одного большого села на две и более общины. Община-волость являлась разновидностью сложной общины. Отличие между ними заключалось в системе землепользования, а именно: все крестьяне, проживавшие в деревнях, объединявшихся в одну волость, совместно пользовались теми или иными угодьями, которые находились в составе данной административной единицы. Владение этими угодьями осуществлялось каждой деревней самостоятельно.

В пореформенный период как в России в целом, так и на Европейском Севере в частности происходила модификация крестьянских общин. Л.И. Кучумова считала, что уже в 1860–1870-х гг. русская поземельная община пережила значительную структурную перестройку⁸⁷. Обусловлено это было самыми разнообразными факторами, среди которых можно указать развитие демографических и социально-экономических процессов в деревне, реформаторскую деятельность государства и многое др. В частности, Г.А. Никитина на материалах удмуртской деревни в качестве одного из факторов образования сложных общин выделила влияние местных общинных традиций⁸⁸. А.В. Островский в свою очередь считал, что сложная община на Европейском Севере формировалась в результате административно-территориальных изменений в деревне⁸⁹. Как правило, образование сложных общин происходило двумя путями. Во-первых, в результате объединения нескольких селений, ранее представлявшие собой самостоятельные общества, в одну целостную общину. Во-вторых, посредством «отпочкования» от существовавшей на протяжении нескольких лет общины родственных. В последнем случае отделившиеся коллективы не разрывали хозяйственных связей с «материнской» общиной.

В первое десятилетие XX в. среди исследователей северо-восточных уездов Вологодской губернии возникла полемика по вопросу о причинах образования сложных и простых общин на территории, заселённой зырянами⁹⁰. Не будем подробно останавливаться на раскрытии основных тезисов, приводимых авторами в подтверждение своих доводов, так как они освещены В.И. Чупровым⁹¹.

В Вологодской губернии существовала как простая, так и сложная община. Кроме этого, в Грязовецком уезде были зафиксированы общины-волости: Ново-Никольская и Ростилевская⁹². Преимущественно в изучаемом регионе были распространены общины сложного вида. Это было характерно для большинства губерний нечернозёмной зоны, а также территорий, на которых проживали «национальные общины». К примеру, у чувашских и марийских крестьян основную долю составляли сложные общины, в то время как простые – менее половины⁹³. В начале XX в. указанный тип был распространён среди удмуртов, но практически отсутствовал среди мордвы, татар и русских, проживавших в Поволжье и Приуралье⁹⁴.

Преобладание сложных общин объяснялось категорией крестьян, проживавших на территории Вологодской губернии. Основную массу сельского населения, как было отмечено ранее, составляли бывшие государственные крестьяне, которые образовывали сложные общины, в то время как помещичьи расселялись в поземельных общинах простого вида. П.В. Котляровский, исследовав в 1880-х гг. северо-восточные уезды (Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский) Вологодской губернии, преобладание здесь сложных поземельных общин отнёс к «выдающейся особенностям» данной местности⁹⁵. В 1970-е гг. П.А. Колесников развил идею предшественника, подсчитав, что только 16,3% крестьян на данной территории объединялись в общины, состоявшие из отдельных селений⁹⁶.

Анализ статистических данных, указанных в табл. 6, позволил внести коррективы в выводы исследователя конца XIX в. В частности, если для Яренского и Сольвычегодского уездов было характерно преобладание сложных общин, в состав которых входило около 95% селений, то в Усть-Сысольском насчитывалось всего 18% многодеревенских общин, включавших в себя более половины селений уезда. При этом в простых проживало в среднем незначительное количество крестьян обоего пола: 3,7% (Сольвычегодский), 6% (Яренский) и 36,9% (Усть-Сысольский).

Таблица 6

**Общинная структура в северо-восточных уездах
Вологодской губернии в 1880-е гг.**

Уезд	Селения	Поземельные общины	В том числе, количество, %			
			Простые	В них селений	Сложные	В них селений
Сольвычегодский	1427	149	62/42	62/4	87/58	1365/96
Усть-Сысольский	372	173	141/82	141/38	32/18	231/62
Яренский	246	41	13/32	13/5	28/68	233/95

Составлено по: Индова Е.И. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в. // Материалы по истории Европейского

Севера СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 251.

В результате поуездного изучения структуры крестьянской общины была выявлена специфика распространения её видов на территории Вологодской губернии. Данные переписи населённых мест Европейского Севера России (табл. 7), проведённой Центральным статистическим комитетом в 1877–1878 гг., свидетельствуют о том, что в пореформенный период для общин рассмотренной территории был характерен многодеревенский состав. Эта тенденция сохранилась и в начале нового столетия⁹⁷.

Таблица 7

**Количественный состав общин, селений и дворов
Вологодской губернии в 1877–1878 гг.**

Уезд	Общины	Селения	Дворы
Вологодский	804	1557	20679
Грязовецкий	376	839	15646
Кадниковский	1058	1734	24781
Велико-Устюгский	63	1734	13830
Тотемский	91	1183	18533
Вельский	65	903	12317
Никольский	73	2223	23170
Сольвычегодский	60	1640	13103
Яренский	22	306	5186
Усть-Сысольский	43	411	9993

Составлено по: Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 218, 220, 222, 224, 226, 228, 230, 232.

Приведённые в табл. 7 данные наглядно демонстрируют значительное превосходство в количественном соотношении общин в юго-западных уездах по отношению к остальным административным образованиям региона. В наименьших по площади, но наиболее благоприятных для проживания и ведения сельского хозяйства юго-западных уездах плотность расселения крестьянских обществ была выше, чем на северо-востоке. Если в первом случае на одну общину в среднем приходилось 11 кв. верст, то во втором – 1769,8⁹⁸. Населённые пункты на северо-востоке Вологодской губернии нередко располагались на значительном расстоянии друг от друга. В качестве примера приведём отрывок из отчёта П.В. Котляровского: «В самой северной части уезда (Яренского. – *С.П.*), в так называемом Удорском крае, находятся четыре волости: по р. Мезени – Глотовская, Разгортская, а по

р. Вашке – Ертомская и Вашгортская. <...> Отделяются они от прочего населения уезда огромною, пустынною, лесною площадью, составляющей средину уезда шириною от 100 до 200 верст по прямому от них направлению до ближайшего населённого пункта. Самое короткое расстояние около 100 верст, находится между Турьинской и Готовской волостями, но дорог летом как по этому направлению, так и по другим – вовсе нет»⁹⁹.

Количество деревень, входивших в состав крестьянской общины, не регламентировалось ни традициями местного населения, ни государством. В частности, в 1910 г. Кунибская община Вотчинского сельского общества одноимённой волости Усть-Сысольского уезда объединяла три деревни: Серносскую, Кунибскую и Шорьивскую¹⁰⁰. На анализируемой территории наблюдалась значительная разница между минимальным и максимальным количеством селений, объединённых в одну общину. Исключение составили лишь Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский уезды, где крестьянский «мир» в среднем состоял из двух селений. В целом по региону в состав общины входило от двух до десяти и более деревень. Так, в Сольвычегодском и Никольском уездах община в среднем объединяла 27 и 30 селений соответственно. Это в значительной степени усложняло волостным и сельским органам власти ведение хозяйственных, административных и финансовых дел.

Значительные различия прослеживались по количеству крестьянских дворов. Если на юго-западе губернии крестьянское общество включало в себя 23–41 двор, то в центральной части оно состояло из 189–219, а в северо-восточной – из 218–235. Отдельно необходимо выделить Никольский уезд, где, согласно данным Центрального статистического комитета, в конце 1870-х гг. на одну общину в среднем приходилось 317 дворов.

Резюмируя сказанное, отметим, что в Вологодской губернии наблюдалось резкое отличие южных уездов от остальной территории как по численности селений и дворов, объединённых в сложную общину, так и по плотности расселения «миров». В Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах, где преимущественно проживали бывшие помещичьи крестьяне, подеревенский состав общин был представлен относительно небольшим количеством селений, состоявших в среднем из 20–40 дворов. В свою очередь, на обширных землях, где проживали бывшие государственные крестьяне, в общества объединялось значительное количество населённых пунктов, в которых насчитывалось несколько сотен дворов. В частности, в 1870 г. Киберско-Спасское сельское общество одноимённой волости Усть-Сысольского уезда объединяло 12 деревень, в которых насчитывалось 298 дворов¹⁰¹. При этом поселенная структура поземельной

общины в известной степени определяла состав крестьянских сходов и полномочия должностных лиц.

В связи с начавшимся в 1861 г. реформированием крестьянской общины правительству Александра II необходимо было решить две основные задачи. Во-первых, надо было сохранить целостность поземельной общины с её вековыми традициями хозяйственных отношений. Во-вторых – сформировать эффективный административно-территориальный институт управления крестьянством в деревне. Это нашло отражение в законодательной деятельности государства. В положениях 19 февраля 1861 г. были отождествлены два понятия: «поземельная община» и «сельское общество» – низовое звено в общегосударственной системе административного управления на местах. 6 августа 1910 г. в приговоре селенного схода Вотчинского сельского общества одноименной волости Усть-Сысольского уезда писарь указал, что в собрании участвовали домохозяева и члены домохозяев Велпонской и Богородской общин¹⁰².

Объединение поземельной и административной единиц повлекло за собой наложение традиционных общинных и новых административных структур. В деревне, как отметила Л.Г. Захарова, было создано «общество на основе общины», где «сельское общество – это община с хозяйственными функциями»¹⁰³. Однако на практике слияние двух институтов наблюдалось не на всей территории Европейской России. Г.А. Никитина, изучавшая удмуртскую общину (бускель), указала на сохранение здесь изолированности землепользования и хозяйственного развития общин, их независимость друг от друга там, где они территориально не совпадали с сельским обществом¹⁰⁴.

Для большинства сельских обществ Вологодской губернии было характерно их совпадение с поземельной общиной (табл. 8). Особенно чётко это прослеживалось на территориях, заселённых бывшими государственными и удельными крестьянами. Исключениями являлись лишь отдельные волости. В частности, в Яренском уезде лишь в одной Часовской волости из семи наблюдалось несовпадение обществ и общин; в Сольвычегодском – в двух из 16 (Алексеевская, Верхотоимская); в Велико-Устюгском – в двух из 15 (Удимская, Ценяковская); в Вельском – в трёх из 19 (Верховская, Верхопуйская и Морозовская); в Тотемском – в пяти из 22 (Биряковская, Великовская, Спасская, Фетиньинская, Шевденицкая и Юркинская)¹⁰⁵. Необходимо отметить, что на Европейском Севере России совпадение территории сельских обществ с крестьянской общиной также было характерно для Архангельской губернии, заселённой исключительно бывшими государственными и удельными крестьянами¹⁰⁶. Аналогичная картина наблюдалась и в Удмуртии¹⁰⁷.

Таблица 8

**Количественный состав сельских обществ и крестьянских общин
Вологодской губернии в 1877–1878 гг.**

Уезд	Сельские общества	Общины
Вологодский	430	804
Грязовецкий	197	376
Кадниковский	641	1058
Велико-Устюгский	60	63
Тотемский	80	91
Вельский	58	65
Никольский	73	73
Сольвычегодский	54	60
Яренский	19	22
Усть-Сысольский	43	43

Составлено по: Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 218, 220, 222, 224, 226, 228, 230, 232.

Совершенно иная ситуация отмечалась в юго-западных уездах Вологодской губернии, где значительную часть сельского населения составляли бывшие помещичьи крестьяне. Во время обследования в 1897–1901 гг. Заднесельской волости Кадниковского уезда корреспондент «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева А.Е. Мерцалов отметил, что в административном отношении она делилась на 26 сельских обществ и только Большетуровское совпадало с поземельной общиной¹⁰⁸. Лишь в единичных волостях число сельских обществ равнялось количеству поземельных общин. Это пять волостей из 28 в Вологодском уезде (Богородская, Борисовская, Братковская, Сиземская и Турундаевская); одна из 11 в Грязовецком (Ведерковская) и шесть из 49 в Кадниковском (Большемургинская, Закушская, Ильинская, Кокошиловская, Кремлевская и Рубежская)¹⁰⁹. В среднем в этих уездах сельское общество объединяло от двух до четырех общин.

Таким образом, поземельная община, для которой был характерен многодеревенский состав, являлась основной хозяйственной и административной формой объединения крестьянства Вологодской губернии. При этом в большей части уездов она территориально совпадала со сформированной после 1861 г. административной единицей – сельским обществом, в которой, в свою очередь, насчитывалось значительное количество крестьянских дворов.

Подводя итог, необходимо отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. в Вологодской губернии развивались социально-экономиче-

ские процессы, характерные для всей Российской империи. Однако своеобразие исторического развития местности и природно-климатические условия повлияли на формирование особенностей, характерных как для исследованной территории в целом, так и её отдельных уездов. В указанный период она продолжала оставаться аграрно-промышленным регионом, для крестьянского хозяйства которого было характерно сочетание земледелия с неземледельческими промыслами. Значительная доля земли, которой пользовались крестьяне за оброчную подать и выкуп, принадлежала государству. Природные условия, непосредственно влиявшие на сельское хозяйство, зачастую не позволяли крестьянской семье обеспечить себя средствами к существованию. Более того, она была обязана исполнять разнообразнейшие денежные и натуральные повинности, требовавшие наличия финансовых средств, поэтому местное население было вынуждено в свободное от сельского хозяйства время заниматься промыслами.

Проживавшие на территории Вологодской губернии, бывшие государственные, удельные и помещичьи крестьяне объединялись в общества, которые формировались на основе крестьянской поземельной общины, представленной в основном двумя видами: простой и сложной. При этом на большей части исследуемого региона наблюдалось их территориальное совпадение. Исключением являлись лишь юго-западные уезды (Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский), которые, помимо этого, отличались от остальных районов губернии плотностью расселения крестьянских общин, а также их подеревенским и дворовым составом.

Примечания

1. Обзор Вологодской губернии за 1884 г. Вологда, 1885. С. 1; Обзор Вологодской губернии за 1901 г. Вологда, 1902. С. 1; Обзор Вологодской губернии за 1914 г. Вологда, 1916. С. 1.

2. Демкин И.И. Вологодский край / под ред. А.Ф. Соколова. СПб., 1901. С. 3.

3. Кузницкий С. Первая беседа о способах улучшения крестьянского хозяйства на Севере. Великий Устюг, 1906. С. 1.

4. Осминский Т.И., Озеринин Н.В., Брусенский И.И. Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960. Гл. 8. С. 187.

5. ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 69–73; Ведомость о числе утверждённых уставных грамот по имениям Вологодской губернии // ВГВ. 1862. 31 марта. С. 55; Обзор Вологодской губернии за 1893 г. Вологда, 1894. С. 1.

6. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1865. Т. 37. Отд. 2. № 38891.

7. Подсчитано по: История северного крестьянства: в 2 т. Т. 2: Период капитализма / под ред. Ю.А. Полякова. Архангельск, 1985. С. 12–13.

8. Котов П.П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государ-

ственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1 (130). С. 19.

9. Пинаевский Д.И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. С. 66.

10. Просвирина Г.И. Сельское народонаселение и крестьянская семья на Севере в начале XX в. // История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.А. Куратова. Вологда, 1986. С. 116.

11. Обзор Вологодской губернии за 1884 г. ... С. 14; Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901. С. 19–20.

12. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX в.: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005. С. 9, 15.

13. Unus. О колонизации Севера // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 22. С. 774.

14. Чупров В.И. Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992. С. 74.

15. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1905. Т. 23. Отд. 1. № 224656, 232126; СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24331.

16. Чупров В.И. Социально-политическая жизнь ... С. 74.

17. Краткий экономический очерк Вологодской губернии // Ежегодник Вологодской губернии за 1911 г. Вологда, 1911. С. 115.

18. Подсчитано по: «Ведомости о состоянии народонаселения в Вологодской губернии за 1868 г.» // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 1829. Л. 54–54об.

19. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в. (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма / под ред. В.Н. Давыдова. Сыктывкар, 1983. С. 156. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 29).

20. Обзор Вологодской губернии за 1908 г. Вологда, 1909. С. 18.

21. Там же. С. 19.

22. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 1829. Л. 54–54об.; Справочные сведения // Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914. С. 146.

23. Статистический очерк Вологодской губернии // Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864. С. 69; Движение народонаселения Вологодской губернии за 1880 г. // Статистический сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом / под ред. Н.А. Полиевктова. Вологда, 1883. Т. 3. С. 214; Обзор Вологодской губернии за 1901 г. ... С. 36; Обзор Вологодской губернии за 1914 г. ... С. 19.

24. Просвирина Г.И. Грамотность крестьян Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. как фактор развития крестьянского хозяйства // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры: тезисы годичного собрания проблемного объединения и Северного отделения археографической комиссии (г. Вологда, 2–3 марта 1981 г.) / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1980. С. 44.

25. Там же. С. 45.

26. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 40.
27. Подсчитано по: Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. 1: Грязовецкий уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. М., 1903. С. 552–554; Т. 2: Вологодский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1907. С. 616, 619; Т. 3: Тотемский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1908. С. 305, 307; Т. 4: Вельский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1909. С. 237; Т. 6: Велико-Устюгский уезд. Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1914. С. 389, 392.
28. Просвирина Г.И. Грамотность крестьян ... С. 45.
29. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С. 112.
30. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 442.
31. ГАВО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 6–7.
32. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978. С. 206.
33. Цитата по: Цой Ун-Ен. Крестьянский отход в Коми крае в начале XX в. // Крестьянство Коми края (досоветский период) / под ред. В.И. Чупрова. Сыктывкар, 1986. С. 61. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 38).
34. Голикова Н.И. Политика царизма в государственной деревне Европейского Севера (60–80-е гг. XIX в.) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1980. С. 79.
35. Индова Е.И. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 285.
36. Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 155; Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974. С. 24.
37. История северного крестьянства: в 2 т. Т. 2: Период капитализма / под ред. Ю.А. Полякова. Архангельск, 1985. С. 90.
38. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. С. 595.
39. Сурина Л.И. Положение крестьянства в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX вв.) / под ред. В.Н. Давыдова. Сыктывкар, 1975. С. 102. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 16).
40. Конаков Н.Д. Присваивающие отрасли хозяйства Коми в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы социально-экономической истории Коми края (эпоха феодализма и капитализма) / под ред. Ю.В. Гагарина, В.Н. Давыдова. Сыктывкар, 1980. С. 101. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 23).
41. Индова Е.И. Указ. соч. С. 285.
42. Русские крестьяне. ... Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. С. 209, 395, 723, 744.

43. Гиммер Н. Крестьянский бюджет на Севере // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 12. С. 1017.
44. Подсчитано по: Материалы для оценки земель ... Т. 2 ... С. 631, 634; Т. 4 ... С. 248, 250.
45. Цитата по: Цой Ун-Ен. Указ. соч. С. 60.
46. Русские крестьяне. ... Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007. С. 598.
47. Шаньгина В.В. Платежи и повинности крестьян Коми края в пореформенные годы XIX в. // Крестьянство Коми края (досоветский период) / под ред. В.И. Чупрова. Сыктывкар, 1986. С. 37. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 38).
48. Шляпин В.П. Статистические сведения о составе волостей Вологодской губернии // Статистический сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом / под ред. Н.А. Полиевктова. Вологда, 1883. Т. 3. С. 61–66.
49. Шаньгина В.В. Указ. соч. С. 39.
50. ГАВО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 15.
51. Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. 52. Л. 37.
52. Временник Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. № 36: Содержание волостных должностных лиц в 47-ми губерниях Европейской России в 1890–1893 гг. СПб., 1894. С. 2, 3.
53. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 13.
54. ГАВО. Ф. 97. Оп. 3. Д. 2. Л. 21–21об.
55. НАРК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 109. Л. 12об.
56. Мухин А.В. Буйство высококовских мужиков // Маяк (Вологодский р-н). 1987. 6 августа. С. 4.
57. Рошевская Л.П. Центральная журналистика 60–70-х гг. XIX в. о коми крестьянах // Крестьянство коми края (досоветский период) / под ред. В.И. Чупрова. Сыктывкар, 1986. С. 146–154. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 38).
58. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 2. № 48889.
59. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 2376. Л. 118.
60. Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1598. Л. 85–85об.
61. Просвирина Г.И. Крестьянские бюджеты начала XX в. (обследование по Вологодской губернии) // Хозяйство северного крестьянства в XVII–начале XX вв.: межвузовский сборник научных трудов / под ред. П.А. Колесникова. Сыктывкар, 1987. С. 112.
62. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
63. Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 75, 77.
64. ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 43. Л. 20–20об.
65. Там же. Ф. 750. Оп. 1. Д. 26. Л. 29–29об.
66. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
67. Шаньгина В.В. Постоянная торговля в Усть-Сысольском уезде во второй половине 80-х – 90-е гг. XIX в. // Вопросы социально-экономической истории Коми края (эпоха феодализма и капитализма) / под ред. Ю.В. Гагарина, В.Н. Давыдова. Сыктывкар, 1980. С. 67. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 23).
68. Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 214–215.

69. Чупров В.И. Классовая борьба в Коми деревне в конце XIX–начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1979. С. 12.
70. Шаньгина В.В. Разложение крестьянства Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в пореформенные годы XIX в. // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма / под ред. В.Н. Давыдова. Сыктывкар, 1983. С. 107. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 29).
71. Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 106.
72. Никонов С.П. Земля, община и X том // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 6. С. 79.
73. Беловинский Л.В. Наделы и повинности бывших крепостных крестьян Вологодской, Вятской и Олонецкой губерний накануне и после реформы 1861 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 17.
74. Чупров В.И. Земельная обеспеченность крестьянских хозяйств Севера в начале XX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX вв.: межвузовский сборник научных трудов / под ред. П.А. Колесникова Сыктывкар, 1987. С. 39.
75. Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 46.
76. Он же. Крестьянство Чувашии ... С. 76.
77. Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР: ежегодник по аграрной истории / отв. ред. П.А. Колесников. Вологда, 1976. Вып. 6: Проблемы истории русской общины. С. 29.
78. Кузницкий С. Половничество на Север // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 16. С. 322–323.
79. Субботин А. Крестьянское движение в Вологодской губернии в 1905–1907 гг. // 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии / под ред. В.Н. Новосельского. Вологда, 1925. С. 26, 27.
80. Чупров В.И. Земельная обеспеченность ... С. 40.
81. Еферица Т.В. Крестьянская община и власть (по материалам Мордовии) // Крестьяне и власть: тезисы докладов и сообщений научной конференции (г. Тамбов, 7–8 апреля 1995 г.). Тамбов, 1995. С. 31.
82. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 3, 53.
83. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 2050. Л. 1, 2; Ф. 57. Оп. 1. Д. 25; НАРК. Ф. 47. Оп. 2. Д. 89; Ф. 26. Оп. 1. Д. 186.
84. Документы по истории крестьянской общины. 1861–1880 гг. / сост. Л.И. Кучумова; отв. ред. А.М. Анфимов, Б.Г. Литвак: в 5 т. Т. 5. М., 1991. С. 3.
85. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд. СПб., 2000. Т. 1. С. 424.
86. Данилов В.П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России: сборник статей к 85-летию академика Н.М. Дружинина / под ред. Л.М. Иванова. М., 1971. С. 348.

87. Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1981. Т. 106. С. 329.
88. Никитина Г.А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск, 1993. С. 16–17.
89. Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861–1914 гг. СПб., 1998. С. 57.
90. Большаков М.А. Община у зырян. // Живая старина. 1906. Вып. 6. С. 175–178; Попов В.Ф. К вопросу об общине у зырян (По поводу статьи М.А. Большакова). СПб., 1908. С. 6–21.
91. Чупров В.И. Дореволюционные авторы о крестьянской общине в Коми крае (1861–1917 гг.) // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура / под ред. В.И. Чупрова. Сыктывкар, 1995. С. 83–96. (Труды Института ЯЛИ. Вып. 59).
92. Документы по истории ... С. 48, 129.
93. Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии ... С. 70–71; Патрушев А.С. Указ. соч. С. 39.
94. Иванов А.А. Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX – первая треть XX в.) // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 149.
95. Индова Е.И. Указ. соч. С. 252.
96. Колесников П.А. Указ. соч. С. 29.
97. Островский А.В. Указ. соч. С. 58–59.
98. В 1875–1876 гг. общая площадь Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов составляла 24 614 кв. верст, а площадь Сольвычегодского, Яренского и Усть-Сысольского – 221 227 кв. верст. См.: Статистические материалы // Памятная книжка Вологодской губернии на 1875–1876 гг. Вологда, 1875. С. 1.
99. Индова Е.И. Указ. соч. С. 242.
100. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
101. Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 15. Л. 25об.
102. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
103. Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России, 1861–1874 гг. (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856–1874: сборник статей / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 36.
104. Никитина Г.А. Указ. соч. С. 21.
105. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 222, 224, 226, 228, 230.
106. Там же. С. 270, 272, 274, 276.
107. Субботина А.М. Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры. Ижевск, 2010. С. 39.
108. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 675.
109. Волости и важнейшие селения ... С. 218, 220, 222.

ГЛАВА 2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Действовавшие в сельском обществе органы самоуправления являлись низовой ступенью государственного управления крестьянским сообществом в Российской империи. Как их организация, так и функционирование регламентировались законодательными актами, основополагающим из которых в исследуемый период было *Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*, от 19 февраля 1861 г. Из 207 его статей 124 были посвящены «устройству сельских обществ и волостей и общественному их управлению», а около 60 из других разделов так или иначе связаны с крестьянским самоуправлением.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в сельском обществе представленного региона происходили социально-экономические процессы, которые оказывали влияние на крестьянское самоуправление. Это, в свою очередь, отражалось на законодательной инициативе государства. Эффективность работы крестьянских сходов и выборных должностных лиц зависела от уровня правовой грамотности сельских жителей, находившихся на общественной службе, так как плохое освоение ими закона сопровождалось нарушением прописанных в нём норм, а также неисполнением возложенных на них функций. Следовательно, необходимо было знакомить население с принимаемыми указами. В связи с вышеперечисленным, представляется целесообразным обращение к нормативно-правовой деятельности правительства Российской империи, направленной на регулирование института местной власти в деревне, а также распространённым в этот период в Вологодской губернии методам ознакомления крестьян с касавшимися их законодательными актами.

§ 1. Российское законодательство о крестьянском самоуправлении

Принятием 19 февраля 1861 г. *Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*¹, было положено начало реорганизации в помещичьей деревне системы общественного устройства. Оно

стало основным нормативным актом, закрепившим в сельском обществе крестьянское самоуправление в период второй половины XIX – начала XX в., хотя многие моменты организации и деятельности рассматриваемой системы жёстко не регламентировало. В Общем Положении отсутствовало детальное изложение перечня проблем, которые сход полномочен был рассматривать, не прописывались конкретная основа комплектования и периодичность созыва общих собраний, количество и должности выборных лиц и др. Эти аспекты устанавливались в соответствии с местными традициями поземельной общины.

В течение последующих пяти лет произошло преобразование удельной и государственной деревни, в том числе системы общественного устройства в ней. В частности, 26 июня 1863 г. было обнародовано положение «О крестьянах, водворённых на землях имений государевых, дворцовых и удельных»², а 18 января 1866 г. – указ «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений»³. Несмотря на принятие индивидуальных законов для каждой категории крестьян, правительство преследовало цель уравнивать их в правах и обязанностях. Поэтому при образовании как сельских обществ, так и органов самоуправления в них были распространены принципы, изложенные в Общем Положении. Данную концепцию государственной политики в сфере социально-экономических отношений в деревне, в том числе и севой, отмечала Н.И. Голикова⁴.

В целом за основу нового общественного порядка в общине было взято устройство казённых крестьян по реформе П.Д. Киселёва 1837–1843 гг., но с существенными изменениями. Относительно преобразования государственной деревни Н.М. Дружинин отметил, что законом 18 января 1866 г. оставалось лишь подчинить государственных крестьян компетенции общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений⁵. Таким образом, несмотря на продолжительную историю самостоятельного развития помещичьей, государственной и удельной деревни, правительство преследовало цель уравнивать в правах и обязанностях все разряды крестьянства и организовать единую систему управления на селе, основанную на самоуправлении.

Принятые положения начали реализовываться на местах. 24 марта 1861 г. губернатор В.Ф. Пфелер распорядился, чтобы в уездах, в которых проживали временно-обязанные (за исключением Яренского и Усть-Сысольского), а также приписанные к частным заводам крестьяне, приступили к образованию сельских обществ. Одновременно уездным чиновникам поручалось организовать по своим участкам избрание сельских должност-

ных лиц⁶. Предводителями дворянства Вологодского и Кадниковского уездов для составления уставных грамот были приглашены помещики⁷. Направленный Александром II для содействия губернатору по приведению и исполнению законоположений о помещичьих крестьянах флигель-адъютант князь К.Л. Дадияни 31 июля 1861 г. рапортовал императору об успешном ходе реализации положений манифеста: «По настоящее время губернское присутствие сделало всё то, что оно вправе было сделать по смыслу Положения о крестьянах. Так, сельские общества крестьян открыты повсеместно; волости образованы по всем уездам, в которых есть помещичьи селения, а по уездам Вологодскому, Грязовецкому и по трём участкам Кадниковского уезда открыты уже и волостные правления»⁸.

В бывшей государственной деревне осуществлялась передача управления крестьянами из Министерства государственных имуществ в ведение учреждений по крестьянским делам⁹. 9 августа 1866 г. в Пятовской волости Тотемского уезда по требованию мирового посредника¹⁰ был собран волостной сход с целью «окончательного преобразования управления государственными крестьянами Пятовской волости»¹¹. Ко времени его созыва правлению было поручено «приготовить ведомость о числе недоимок по волости и привести в надлежащий порядок все дела, находящиеся в производстве по правлению»¹². По окончании общего собрания домохозяев старшина докладывал вышестоящему начальству о выполнении всех его поручений¹³. Одновременно в сформированных сельских обществах прошли выборы старост и старшин¹⁴. К концу 1860-х гг. в регионе было утверждено единое для всех категорий крестьян общественное устройство.

С принятием Высочайших положений первой половины 1860-х гг. правительство продолжило свою законодательную деятельность, направленную на реформирование института сельского самоуправления и регулирование деятельности его органов. Отметим, что в Российской империи крестьянский вопрос был всегда актуален. Это, в частности, прослеживалось в законодательстве страны XVII – первой половины XIX в.¹⁵ Однако лишь Екатерина II поставила перед правительством задачу законодательного оформления права крестьянского сословия на самоуправление¹⁶. С предоставлением бывшим крепостным крестьянам «прав состояния свободных сельских обывателей» и началом обустройства их быта данная проблема по-прежнему оставалась насущной.

Развитие системы местной власти в пореформенной деревне не могло не волновать интеллигенцию и либерально настроенное дворянство. В научной литературе, а также в публицистике зачастую выражалось мнение о неудовлетворительном положении дел в крестьянском самоуправлении. В 1884 г. в «Отечественных записках» появилась заметка следую-

щего содержания: «Недовольство нашими сельскими порядками крайне распространено. Ими недовольны и славянофилы, и западники, и чиновники, и помещики, и консерваторы, и либералы. Ими недовольны и сами крестьяне. Ясно, что в самоуправление наших сельских общин закрались такие существенные дефекты, на признании которых не могут не сойтись все наблюдатели сельской жизни, как бы различны ни были объяснения этих наблюдателей и какие бы взаимно-несогласимые выводы не делались заинтересованными сторонами»¹⁷. Проблемы модернизации системы крестьянского самоуправления и взаимодействия её должностных лиц с уездной администрацией обсуждались не только на страницах печати, но и на губернских совещаниях Редакционной комиссии МВД, посвящённой пересмотру законодательства о крестьянах. Участниками вологодского совещания рассматривались такие аспекты, как недостатки действующих постановлений относительно волостных и сельских сходов, права и обязанности должностных лиц, созыв домохозяев на сельские сходы и многое др.¹⁸

Исследование материалов Полного собрания законов Российской империи (второе и третье собрания) позволило выявить и проанализировать комплекс законодательных актов, посвящённых организации структуры крестьянского самоуправления, а также регулированию её деятельности губернскими и уездными служащими (см. прил. 3).

В рассматриваемый период было опубликовано 62 законодательных акта, в том числе 26 положений, 23 мнения и 12 указов (Высочайших, именных, сенатских). Анализ деятельности правительства в рамках периодов, выделенных на основании политического развития государства, позволяет судить о постепенном снижении динамики принятия нормативных актов, что наглядно представлено в табл. 9, а также о падении актуальности вопроса развития крестьянского самоуправления. Последний тезис подтверждается исследованиями по другим регионам Российской империи. М.В. Нежина, проанализировав развитие самоуправления крестьян, горожан и казачества в Приамурском крае, справедливо выделила два этапа в его развитии. На первом (1860-е – начало 1870-х гг.) были приняты буржуазные реформы, повлёкшие за собой преобразования в сфере общественного управления. На втором изменение представления правительства о местном самоуправлении вылилось в принятие контрреформ, которые привели к ограничению самостоятельной деятельности представительных учреждений¹⁹.

Рассмотрев динамику законодательной деятельности правительства в сфере крестьянского самоуправления с 1861 по 1913 г. (табл. 9), можно констатировать, что за первые 20 лет (реформаторская деятельность Александра II) было утверждено 69% законов, за следующие 14 (прав-

ление Александра III, или период «контрреформ») – 21%, а за последние 19 (эпоха Николая II) – лишь 10%. Аналогичная тенденция наблюдалась и по годам: если на первом этапе принималось в среднем по два указа в год, то на втором – по закону в два года, а на последнем – по закону в три года.

Таблица 9

**Динамика законодательной деятельности правительства
в сфере крестьянского самоуправления (1861–1913 гг.)**

Период	Количество лет	Количество законов	
		Общее количество	%
1861–1880 гг.	20	43	69
1881–1894 гг.	14	13	21
1895–1913 гг.	19	6	10
Итого	53	62	100

Составлено по: см. материалы прил. 3.

В 1870-е гг. более резко и отчётливо, чем в 1860-е гг., считал Н.М. Дружинин, проявились прогрессивные и реакционные стороны реформы 19 февраля 1861 г.²⁰ В сельских обществах неоднократно высказывались недовольства, а некоторые из них переросли в выступления. С 1870 по 1880 г. по 50 губерниям их было зафиксировано около 399²¹. Основными направлениями борьбы были ликвидация малоземелья, снижение непомерных повинностей и сборов, а также недовольство деятельностью местных административных органов. В Вологодской губернии было зафиксировано восемь случаев выступлений, одно из которых длилось шесть лет.

Причинами волнений крестьян северной деревни являлись недовольство деятельностью административно-судебной системы (пять эпизодов) и борьба за землю (три факта)²². Так, в первой половине 1874 г. население Бекреневского сельского общества Боровецкой волости Вологодского уезда оказало сопротивление местным властям, д. Левковской Кадниковского уезда – становому приставу, а во второй половине того же года жители д. Михалевой Грязовецкого уезда выступили против старшины²³.

На фоне усиления недовольства местной властью в первое 20-летие развития пореформенной деревни законодательная инициатива правительства по дальнейшему усовершенствованию системы общественного самоуправления снижалась. Если за 1860-е гг. было принято 28 нормативных актов, то за 1870-е гг. – 15, а за 1880-е гг. – всего восемь. Такой спад законодательной деятельности объясняется тем, что сельское общество находилось в затруднительном экономическом положении, так как на крестьянство было возложено множество платежей и повинностей при

незначительной доходности сельского хозяйства. Как следствие, преобладающее число просьб земледельцев имело социально-экономическую направленность. Больше внимание на эту сферу жизни обращало и правительство. Вскоре после акта царевубийства, 6, 7 и 20 апреля 1881 г. состоялись соединённые заседания Главного комитета и двух департаментов Государственного Совета – законов и государственной экономики. На повестку дня был вынесен вопрос о сокращении выкупных платежей в нечернозёмных губерниях, однако прения и результаты совещания вышли далеко за пределы обсуждавшейся темы²⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. в законотворческой деятельности правительства по крестьянскому самоуправлению не наблюдалось расширения проблематики. После принятия Высочайших положений, которые были направлены на формирование на селе структуры местных органов управления и устройство быта сельского населения²⁵, а также образования уездных учреждений «для заведования особыми делами крестьян»²⁶, внимание было сконцентрировано на принятии указов в трёх направлениях. Отметим, что многие из законов были приняты в ответ на поступившие в Правительствующий Сенат замечания и предложения от представителей правящей бюрократии различного уровня (министра внутренних дел, губернатора, губернского по крестьянским делам присутствия и др.).

Первую группу составили положения, регламентировавшие права и обязанности выборных должностных лиц, схода, волостного суда²⁷. Вторую – указы, посвящённые делопроизводству аппарата крестьянского самоуправления, в том числе касавшиеся технологии составления приговоров крестьянскими собраниями домохозяев, волостным судом и процедуры их обжалования²⁸. Третью – положения, в которых прописывались полномочия уездных и губернских чиновников по регулированию деятельности представителей сельской власти²⁹. При этом первый блок законодательных актов был самым многочисленным в количественном эквиваленте. Часть документов регулировала порядок осуществления выборов в правлениях, способы поощрения и наказания представителей сельской власти³⁰, для должностных лиц были введены знаки отличия³¹ и др.

В период проведения буржуазных реформ 1860-х гг. целью государства являлось создание на основе общины сельского общества, на которое возлагались функции по управлению крестьянством, что, как справедливо отметил А.А. Николаев, ему удалось³². В результате было узаконено общинное управление бывших помещичьих крестьян, существовавшее до этого несколько столетий. С принятием последующих положений система крестьянского самоуправления приводилась к единообразию. В дальнейшем правительство не проявляло активных действий по её усовершенствованию,

хотя на селе наблюдалось развитие социально-экономических отношений. Вектор его законодательной инициативы был направлен на поддержание управляемости в крестьянском обществе посредством незначительных изменений полномочий должностных лиц. А.М. Анфимов, исследовав социально-экономическую сферу деятельности государства, констатировал, что проблема поддержания порядка на местах в его политике приобрела двоякий подход: с одной стороны, министры стремились укрепить патриархальные устои в деревне, с другой – шли на некоторые уступки³³.

Желание сохранить традиционный образ жизни в общине в условиях протекавшей в ней модернизации чётко прослеживается в законодательных актах конца XIX в., регламентировавших полномочия сходов. Одним из последствий развития социально-экономических отношений в деревне являлся распад крупных крестьянских семей. Происходившие демографические процессы, сочетавшиеся с всё большим обезземеливанием крестьянства, приводили к разделению сельских обществ. Так как решение о выделении нового общества принималось на сходе, то Государственным Советом были приняты Высочайшие мнения, направленные на усложнение процедуры получения одобрения домохозяев³⁴. Во-первых, стало необходимо согласие на раздел не менее $\frac{2}{3}$ крестьян, имевших право голоса на сходе. Об этом было внесено дополнение в ст. 54 Общего Положения. Во-вторых, при семейном разделе сход должен был удостовериться в том, что желающая отделиться семья получила разрешение родителей или старшего члена семьи, что она способна к самостоятельному ведению хозяйства и выплате причитавшихся окладов и податей. В свою очередь, при разделе сельских обществ $\frac{2}{3}$ голосов должно быть получено на собраниях всех без исключения селений, высказавших желание разделиться.

Представители сельских обществ, стремившиеся сохранить целостность семьи, насчитывавшей несколько поколений, активно прибегали к отмеченным нововведениям в семейных разделах на практике. В июле 1911 г. домохозяин Яков Костарев с женой Дарьей, проживавших в Ибской волости Усть-Сысольского уезда, подал жалобу земскому начальнику второго участка С.Н. Ламанскому на решение волостного суда, который вынес заключение о семейном разделе отца со старшим сыном Кириллом Костаревым. Домохозяин, выступавший против образования сыном самостоятельного хозяйства, указал, что последний «самовольно ушёл от них со своей женой, захватив всё своё имущество без их родительского разрешения», а сам раздел был осуществлён «без их, как старшего члена семьи, согласия»³⁵.

Особенностью принятых после Великих реформ нормативных актов в сфере крестьянского самоуправления стало обращение разработчиков

к статьям Общего Положения, которое оставалось основополагающим законодательным актом в рассматриваемой области. Так, в 1864 г. было утверждено мнение Государственного Совета «О порядке составления приговоров об удалении вредных и порочных членов из тех обществ крестьян временно-обязанных и собственников, кои заключают в себе менее 300 душ»³⁶. Здесь была прописана технология вступления в силу данного решения – составленный на сельском сходе приговор подавался на утверждение волостному сходу, который в последующем обязан был представить его по примечанию ст. 54 Высочайше утверждённого 19 февраля 1861 г. Общего Положения мировому посреднику.

Начиная с 1870-х гг. в законодательной деятельности правительства не наблюдалось конкретно разработанной программы мероприятий по дальнейшей модернизации структуры крестьянского самоуправления. Утверждённые законы были направлены на повышение эффективности деятельности выборных должностных лиц. Как правило, принятием указов и положений преследовались следующие цели. Во-первых, разрешение возникших противоречий между статьями актов, касавшихся функционирования сельских органов власти. Например, в некоторых губерниях происходило избрание старшин членом земской управы или почётным мировым судьёй, хотя ст. 116 Общего Положения запрещала любое совмещение обязанностей руководителя волостного правления с другими должностями. В то же время ст. 47 Положения о земских учреждениях (в первом случае) и ст. 49 Учреждений судебных установлений (во втором случае) это не запрещали. Поэтому для предотвращения совмещения должности старшины с обязанностями других выборных лиц указами Сената были даны разъяснения и закреплены нормы Общего Положения³⁷.

Во-вторых, расширение обязанностей крестьянских должностных лиц и внесение в связи с этим изменений в отдельные статьи Общего Положения. Наиболее часто к этому прибегало правительство Александра III. В конце XIX в. им были внесены дополнения в ст. 51, 54, 78, связанные с полномочиями сельского и волостного сходов и процедурой принятия на них приговоров, и ст. 121 – о приведении к присяге выборных должностных лиц³⁸.

Внесение в законодательство о крестьянах поправок, приведших к увеличению и изменению прав и обязанностей представителей местного самоуправления, являлось последствием не только аграрной политики государства, но и процессов модернизации сельского общества. В качестве примера укажем на одну из таких ситуаций. В деревне активное развитие получали неземледельческие промыслы крестьян, нередко сопровождавшиеся их уходом за пределы своей общины на длительный период. Это от-

разилось на функционировании сходов, так как возникла проблема сбора кворума домохозяев на общем собрании, на что указывали как сами старшины и старосты, так и представители уездной администрации. В результате положением Главного комитета от 22 ноября 1875 г. главам семейств, которые находились в отлучке, было предоставлено право передачи своего голоса на сходе по собственному усмотрению одному из однообщественников в двух случаях: если в собственной семье не было лиц, которые могли его заменить согласно ст. 47 Общего Положения, и если человек, которому передавался голос, не обладал собственным голосом на сельском сходе³⁹.

В-третьих, разъяснение деревенским жителям сложных для их понимания статей Общего Положения, касавшихся функций общественных органов власти, и объяснение полномочий последних в конкретной жизненной ситуации. С созданием в сельской местности двухуровневой системы управления (село и волость) встал вопрос о разграничении между сходами функций по распределению рекрутской повинности. Результатом этого стало утверждение в августе 1863 г. положения Главного комитета «О правах волостного схода по делам рекрутским в обществах крестьян, вышедших из крепостной зависимости»⁴⁰, где разграничивались полномочия «сходок». В частности, на объединённом собрании домохозяев волости определялся порядок исполнения рекрутской повинности, а также раскладывалось число рекрутов, требуемых по Манифесту, по обществам. В свою очередь, сельскому сходу полагалось определить тех лиц, которые должны быть призваны в рекруты.

Один из авторитетных отечественных исследователей П.А. Зайончковский в политике правительства Александра III выделил два периода. На первом этапе (май 1882 г. – конец 1885 г.), по его мнению, ещё не существовало никакой программы реакционных преобразований, чему способствовал ряд обстоятельств. Главное из них – боязнь продолжения террористической борьбы народников. В это время правительство предпринимало лишь начальные шаги в области реакции. На втором (1886–1894) наблюдалась не только тщательная разработка, как общего плана, так и конкретных проектов, но и их реализация⁴¹. Эта тенденция нашла отражение в законодательной инициативе институтов государственной власти по направлению усиления контроля над деятельностью крестьянских выборных органов со стороны уездных и губернских чиновников. Апогеем этой политики стало принятие в 1889 г. положения «О земских участковых начальниках»⁴².

В последнее 20-летие XIX в. отмеченная тенденция обращения к полномочиям и обязанностям крестьянских выборных лиц постепенно сменялась усилением внимания правительства к вопросам судо-

производства и системы наказания за преступления против представителей уездной и губернской власти, а также крестьянских должностных лиц. Так, в губерниях, где был введён институт земских начальников, решения волостных судов должны были немедленно исполняться⁴³. Ответственность за это ложилась на волостных старшин. Более того, все жалобы на незаконность вынесенного судебного решения подавались на имя земского начальника, который рассматривал апелляции и единолично принимал решение о передаче дела в уездный съезд⁴⁴. На практике, независимо от собственного заключения, он направлял все материалы по апелляционному делу на рассмотрение уездного съезда, который выносил собственный вердикт. Например, 5 июля 1910 г. земский начальник Усть-Сысольского уезда В.Н. Городецкий направил для последующего разбирательства в уездный съезд материалы по делу крестьянина Кочергинского общества одноимённой волости Трофима Петрова Калинина. Он жаловался на незаконность принятого сельским сходом приговора об обложении его поземельным налогом в размере 200 руб. в год за «занятые усадебные места». В результате изучения представленных документов 22 августа 1910 г. в административном присутствии съездом были отменены приговор схода и постановление земского начальника, признавшего правильность установленного на общем собрании домохозяев сбора с крестьянина Калинина⁴⁵. Отметим, что последней инстанцией, как правило, выступало губернское присутствие, заключение которого по делу не подлежало обжалованию.

Итак, в законодательной деятельности государства можно выделить два этапа: 1) формирование сельских и волостных органов самоуправления (1860-е гг.) и 2) реакция правительства на социально-экономическую и политическую ситуацию в сельской местности. В период буржуазных реформ были приняты Высочайшие положения. В результате была организована единая система крестьянского самоуправления в помещичьей, удельной и государственной деревне. Основным нормативным актом, определявшим права и обязанности местных органов, являлось Общее Положение о крестьянах. В последующие годы (1870–1913) законодательная инициатива правительства нередко сводилась к интерпретации его отдельных статей, а также к внесению изменений в некоторые параграфы утверждённых уставов и правил. Это было обусловлено модернизационными процессами в сельской местности, с одной стороны, и опасением правительства, что возникнут крестьянские возмущения, – с другой. Как точно отметила В.Г. Чернуха, из-за выступлений в деревне государство в последующем постепенно стало отходить от положений 19 февраля 1861 г.⁴⁶ В целом оно не решалось на принятие новых реформ, которые

способствовали изменению существовавшего на селе общественного порядка. Лишь в годы Первой русской революции Николай II в Манифесте от 17 октября 1905 г. вновь обратил внимание правительства на необходимость преобразований⁴⁷. В результате Особым совещанием во главе с П.А. Столыпиным, созданным во второй половине 1906 г. при МВД для обсуждения административных реформ, была разработана записка «Об установлении главных начал устройства местного управления». Она прошла обсуждение на заседаниях Совета министров 19, 22 декабря 1906 г. и 3, 6 января 1907 г., а 11 февраля 1907 г. в Особом журнале Совета министров с ней ознакомился император⁴⁸. В последующем Министерством внутренних дел был разработан пакет законопроектов о поселковом, волостном и уездном управлении, предусматривавший преобразование местного самоуправления⁴⁹. Однако он не был опубликован, а следовательно не получил законодательного утверждения.

§ 2. Особенности деятельности правительства по регламентации крестьянского самоуправления в Вологодской губернии

Н.В. Михайлова высказала точку зрения о том, что верховная власть на протяжении всей истории нашего государства вела выверенную национальную политику на окраинах страны. Административно-правовая система учитывала религиозные, бытовые и национальные особенности народов, их обычное право, что обеспечивало определенную политическую стабильность, развитие культуры и экономики⁵⁰. С этим тезисом нельзя не согласиться, но с небольшим уточнением – это не всегда относилось к вопросам, связанным с выстраиванием и последующей реорганизацией вертикали государственной власти.

В представленном комплексе законодательных актов в сфере регламентации крестьянского самоуправления (см. прил. 3) лишь два положения Главного комитета об устройстве сельского состояния конкретно указывали на прерогативу традиций общества и особенностей населённых пунктов в организации местной власти. Первое из них – «О том, какими правами должны руководствоваться волостные суды, старшины и старосты при отправлении своих обязанностей»⁵¹ – позволяло волостным судьям, старшинам и старостам при исполнении судебных функций, возложенных на них по службе, разрешать дела согласно нормам обычного права. Во втором – «О сроке выборов в должности по общественному крестьянскому управлению»⁵² – прописывалось, что график выборов должностных лиц представительных учреждений необходимо составлять в соответствии с возможностями их проведения в конкретной общине.

Непосредственно по Вологодской губернии было выявлено лишь положение, посвящённое вопросу о должностном лице, контролирующем лесных сторожей на Европейском Севере. Поводом для его принятия послужило возникшее разногласие между представителями Вельской удельной канторы и местными мировыми посредниками. В преамбуле данного документа указано следующее: «...должны посредники контролировать лесных сторожей на общем основании с другими должностными лицами волостного и сельского управления и подвергать виновных должностным взысканиям»⁵³. Управляющий делами Главного комитета ограничился тем, что привёл в законодательном акте выписку из Высочайше утверждённого журнала Главного комитета, в которой были разъяснены полномочия удельного управления и сельского общества по выбору лесных сторожей и контролю над их деятельностью. А именно: назначение данных должностных лиц находилось в компетенции сельских обществ, которые по своему усмотрению решали и их количественный состав. Однако мировые посредники имели право потребовать от сельского общества переизбрания «неблагонадёжных» лесных сторожей. Таким образом, согласно представленному положению, данные служащие лица являлись не только подотчётными крестьянскому «миру», но и зависели от уездной администрации.

Отсутствие нормативных актов, направленных на развитие структуры крестьянского самоуправления непосредственно на территории Вологодской губернии, объяснялось стремлением к унификации вертикали управления в империи, которая подразумевала включение в неё системы крестьянского самоуправления в качестве низшего звена. Это естественно, если учесть, что правительство постоянно занималось активным поиском единой системы управления деревней ещё со времён екатерининской реформы 1775 г. По мнению А.В. Камкина, в этот период местные органы получили наиболее завершённую бюрократическую форму в духе идей «просвещённого абсолютизма». Последовавшие затем законы 1787 г. об оформлении единообразной системы крестьянских органов и 1797 г. об организации волостного управления привели к окончательному подчинению «мира» бюрократической власти⁵⁴.

Первостепенным для государства было то, чтобы должностные лица и крестьянские сходы беспрекословно выполняли обязанности, возложенные на них нормативными актами и правительственными постановлениями, и самое главное – обеспечивали бесперебойное пополнение казны за счёт различных денежных обложений. В последнем, являвшемся податной функцией общины, правительство империи было заинтересовано ещё до отмены крепостного права и сохранило этот интерес после 1861 г.⁵⁵

Ежегодно губернатор отправлял в земские управы запросы с требованием предоставить сведения о раскладке сборов и поступившем их количестве, о результатах урожая хлеба и т.д.⁵⁶ Ознакомление с финансовыми возможностями сельского населения являлось одной из целей организованных государством экспедиций по исследованию социальноэкономического развития северной деревни (под руководством П.В. Котляровского⁵⁷ и Л.Н. Рума⁵⁸). Эта практика была характерна для политики самодержавия с 1860-х гг.

Правительство обращало особое внимание на социально-экономическое положение крестьянства Европейского Севера. С этим была связана активная аграрная и налоговая политика в данном направлении. Во второй половине XIX – начале XX в. был принят ряд нормативных актов, регламентировавших финансовые и хозяйственные (земельные) отношения в сельском обществе (прил. 4). Нередко они являлись реакцией государства на происшедшие в деревне события. Проиллюстрируем данный тезис примерами.

В Вологодской губернии неоднократно случались неурожаи хлеба, сопровождавшиеся голодом местного населения. Волостные правления обращали на это внимание региональных властей во главе с губернатором⁵⁹. В первом квартале 1867 г. сельские власти ходатайствовали перед мировыми посредниками – Н.К. Битнером (второй участок Вельского уезда), Д.И. Ламанским (первый Сольвычегодского), И.В. Васильевым (первый Тотемского) и Е.Д. Поповым (третий Никольского) – о разрешении выдавать «из хранящихся в правлениях мирских капиталов ссуд по приговорам сходов», так как многие крестьяне по причине прежних неурожайных годов крайне нуждались в них для закупки семян и уплаты повинностей⁶⁰. Просьба последовала после того, как предписанием министра государственных имуществ А.А. Зелёным от 9 февраля 1866 г. за № 6 предоставление сельским обывателям данных ссуд было приостановлено на неопределённый срок. Начальник региона, в свою очередь, также постоянно докладывал о тяжёлом финансовом положении деревни в МВД⁶¹.

Один из случаев массового голода, вызванного неурожаем, был зафиксирован в 1862 г. в северо-восточных уездах губернии. В связи с этим министр А.А. Зелёный обратился к Александру II с просьбой об отмене предстоявшего в 1863 г. рекрутского набора на этой территории. В результате были подписаны два указа об отмене рекрутского набора⁶². Одновременно ведомство государственных имуществ осенью 1862 г. распорядилось перебросить из Велико-Устюгского уезда 1,280 четвертей ржи для Сольвычегодского и 2,270 четвертей – для Яренского. С целью обеспечения населения озимыми и весенними посевами в Вятской губернии были закуплены семена в объёме 15 тыс. четвертей⁶³.

Изданием указов об отмене и отсрочке рекрутских наборов правительство преследовало несколько целей. Во-первых, данные меры должны были способствовать снижению социального напряжения в общине на фоне постоянных неурожаев и продолжавшихся финансовых сборов. Во-вторых, обеспечить крестьянскую семью дополнительной рабочей силой, что позволило бы ей получить добавочный доход, в котором она постоянно нуждалась. В результате жители губернии получили возможность «отправиться, как всегда, на зимние промыслы и приберечь на покупку лишнего хлеба те деньги, которые каждому домохозяину пришлось бы истратить, отправляя в службу своего сына или брата»⁶⁴. С другой стороны, осуществлённые мероприятия позволили государству сократить расходы на содержание рекрутов⁶⁵.

Неурожаи сельскохозяйственной продукции не позволяли крестьянам северной деревни в полном объёме нести финансовые повинности, следствием чего становилось увеличение суммы недоимок, числящейся за сельскими обществами, на что указывалось в первой главе работы. В итоге государству приходилось идти на временные уступки, снижая размеры различных сборов.

В 1863 г. губернию постиг очередной неурожай хлеба, на что правительство ответило приостановлением взимания дополнительного сбора к оброчной и подушной податям⁶⁶, установленного в декабре 1862 г.⁶⁷ В 1868 г. министру А.А. Зелёному было предоставлено право для Вологодской губернии определять лесной налог в размере менее $\frac{1}{4}$ таксы (для других регионов он устанавливался в $\frac{1}{2}$ таксовых цен⁶⁸) или вовсе освободить от него на год «по крайней бедности»⁶⁹. Данная мера вводилась ещё и потому, что лесные наделы, за пользование которыми община была обязана выплачивать подать, в хозяйственной жизни местного населения имели большое значение как необходимая основа для подсечного хозяйства и источник лесных промыслов.

Таким образом, возложив на плечи крестьянства самые разнообразные денежные сборы, государство в наиболее тяжёлые (голодные) годы предоставляло ему послабления в виде различных льгот: снижение налоговой таксы, отмена рекрутских наборов и др. Однако, по мнению В.Г. Чернухи, это в первую очередь было направлено на поддержание крестьян-недоимщиков. Тем самым правительство стремилось предотвратить разорение плательщика и превращение задолженности по платежам из краткосрочной в «хроническую»⁷⁰.

Необходимо отметить, что для государства была неприемлема независимость крестьянского сословия, так как, с одной стороны, это могло привести к разрушению всей сословной структуры общества, а с другой –

ставило под сомнение неограниченность власти дворянства. Более того, крестьянин, получивший гражданскую свободу, в глазах самодержавия по-прежнему выступал в качестве основного налогоплательщика. Уплата различных финансовых сборов являлась государственной обязанностью, которая определяла его юридическое положение.

Весьма тонко по поводу положения освобождённого от крепостного права земледельца в Российской империи высказался в конце XIX в. гласный тверского земского собрания Линд: «Основная неправильность в положении крестьянского населения заключается, прежде всего, в том, что на каждого крестьянина государство смотрит не как на самостоятельную живую личность, имеющую свои необходимые, определённые стремления и потребности, для удовлетворения которых он только и живёт в обществе, как и всякий другой его член, но, напротив, почти исключительно как на рабочую и платёжную силу, которая трудом своим и средствами предназначена удовлетворять общие государственные потребности»⁷¹. Об этом говорилось и в министерских распоряжениях. В 1865 г. министр внутренних дел П.А. Валуев в циркуляре губернаторам отметил, что «исправное отправление крестьянами установленных законом повинностей» являлось главным предметом, на который МВД обращало внимание с момента принятия *Общего Положения*⁷².

С точки зрения С. Лурье, В.Л. Дьячкова, В.Л. Есикова и др. исследователей, крестьянство как саморазвивающийся социальный слой было для государства «неудобным классом». Однако оно нуждалось в нём как в основе физического жизнеобеспечения общества – в поставщике продуктов, налогов, главном «резервуаре» ресурсов для пополнения и снабжения армии и т.д.⁷³ Именно поэтому со стороны правительственных органов осуществлялся постоянный контроль над общиной в лице губернской администрации.

Н.М. Дружинин считал, что уже вскоре после принятия *Общего Положения* о крестьянах государственный аппарат постепенно начал сокращать права должностных лиц и взял курс на бюрократизацию крестьянского управления. В этом направлении развивалась политика П.А. Валуева и самого Александра II⁷⁴. Причины этого – малограмотность и «необузданность» значительной части сельского населения, которое не доросло до самоуправления и нуждалось в жёсткой опеке. Так считали многие помещики и чиновники государственного аппарата управления. На это указывал и Вологодский губернатор генерал-майор Л.И. Черкасов. В годовом отчёте за 1880 г. он отметил: «Должностные лица волостного и сельского управления вообще относятся к исполнению своих обязанностей и требований начальства с усердием; но при всём том необходимо постоянное,

неослабленное за ними наблюдение»⁷⁵. Аналогичное заключение встречается в отчёте губернатора действительного статского советника М.Н. Кормилицына за 1884 г.: «Должностные лица волостного и сельского управлений, как замечено ревизией, за немногими исключениями, относятся к исполнению своих обязанностей и требований начальства внимательно и с усердием, но по крайней неразвитости своей и даже нередко безграмотности, повсеместно требуют постоянного и внимательного над ними наблюдения»⁷⁶.

Государство стремилось контролировать деятельность сельского общества в лице представителей местной администрации. 19 февраля 1861 г. «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениям»⁷⁷ с целью осуществления надзора за сельскими обывателями и их общественным самоуправлением в губернии вводились мировые посредники (первая инстанция), их уездные съезды, созываемые по мере необходимости (вторая инстанция), и губернское по крестьянским делам присутствие (третья инстанция). Посредники, наделённые широкими административными и судебными полномочиями, назначались для регулирования взаимоотношений крестьян с помещиками, прежде всего, в поземельных отношениях. Они возглавляли объединявшие несколько волостей мировые участки. На исследуемой территории в первой половине 1860-х гг. было сформировано: четыре участка в Кадниковском уезде, по три – в Вологодском и Грязовецком, по два – в Вельском и Сольвычегодском. По Тотемскому, Никольскому, Велико-Устюгскому, Усть-Сысольскому и Яренскому уездам исполнение обязанностей мировых посредников возлагалось на местных уездных судей и земских исправников⁷⁸. Первые мировые участки здесь были образованы в 1867–1868 гг.

Такие региональные особенности Вологодской губернии, как преобладание бывших государственных крестьян (как было сказано ранее, крепостные крестьяне проживали лишь в юго-западных уездах и отчасти в Тотемском, Велико-Устюгском и Никольском), и то, что, по утверждению В.В. Шаньгиной, вопрос об их поземельном устройстве в 1860-х гг. практически не решался⁷⁹, отразилось как на социальном составе посредников, так и на их обязанностях. Во-первых, из-за малочисленности дворян последние утверждались губернатором из чиновников-разночинцев (табл. 10), многие из которых до этого служили в Министерстве государственных имуществ. Во-вторых, их основными функциями являлись контроль за составом и деятельностью органов крестьянского самоуправления, обеспечение отбывания общинами повинностей и разбор отдельных судебных дел о потравах и порубках.

Таблица 10

**Лица, впервые назначенные на должность мировых посредников
Вологодской губернии**

Год	Мировой участок	Чин	ФИО
Вологодский уезд:			
1861	Первый	Коллежский советник	А.В. Волоцкой
	Второй	Отставной майор	Ф.М. Никонов
	Третий	Отставной поручик	С.А. Зубов
Грязовецкий уезд:			
1861	Первый	Надворный советник	С.А. Брянчанинов
	Второй	Отставной поручик	Н.Ф. Куприянов
	Третий	Отставной поручик	А.Н. Шарыгин
Кадниковский уезд:			
1861	Первый	Коллежский асессор	А.М. Головков
	Второй	Статский советник	М.А. Брянчанинов
	Третий	Статский советник	Е.И. Кайпш
	Четвёртый	Коллежский асессор	А.А. Попов
Вельский уезд:			
1864	Первый	Настоящий советник	В.А. Ааронов
	Второй	Отставной поручик	Н.Ф. Куприянов
Сольвычегодский уезд:			
1864	Первый	Титулованный советник	В.А. Образцов
1865/66	Второй	Майор	В.И. Лобов
Тотемский уезд:			
1867/68	Первый	Отставной штаб-капитан	И.В. Васильев
	Второй	Настоящий советник	В.А. Касацкий
	Третий	Коллежский секретарь	Л.Я. Фантгов
Велико-Устюгский уезд:			
1867/68	Первый	Майор	Е.И. Лобов
	Второй	Отставной штаб-капитан	Н.О. Бордовский
Никольский уезд			
1867/68	Первый	Настоящий советник	В.И. Рудзеевский
	Второй	Настоящий советник	Н.И. Хамантов
	Третий	Коллежский асессор	Е.Д. Попов
Яренский уезд:			
1867/68	Первый	Коллежский секретарь	Ф.Ф. Мурзаков
	Второй	Вакантно	
Усть-Сысольский уезд:			
1867/68	Первый	Титулярный советник	А.П. Товиев
	Второй	Титулярный советник	А.Д. Кишкин

Составлено по: Адрес-календарь лиц, служащих в губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г. Вологда, 1861. С. 8–10; Адрес-календарь // Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864. С. 59–60; Адрес-календарь // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 г. Вологда, 1866. С. 69; Адрес-календарь // Памятная книжка Вологодской губернии на 1867 и 1868 г. / под ред. Ф.А. Арсеньева. Вологда, 1868. С. 34–36.

Помимо создания уездных органов, контролирующих деятельность крестьянских представительных учреждений, правительство стремилось на законодательном уровне усилить власть руководителей регионов. 22 июля 1866 г. Комитет министров обнародовал положение «О пространстве и пределах власти губернаторов»⁸⁰, согласно которому они становились полными «хозяевами» на подведомственных им территориях и получали права высших представителей правительственной власти на местах. Административная власть губернаторов особенно укрепилась в начале 1880-х гг., когда был принят закон «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия»⁸¹.

К концу 1880-х гг. в отчётах губернаторов ряда регионов всё чаще упоминалось на усиление кризиса в сельском хозяйстве, на полный крах системы крестьянского самоуправления⁸². Устранение данного негативного явления виделось в двух направлениях: либо принятие экономико-правовых решений в сфере землевладения и землепользования, либо усиление вмешательства государства в дела сельского общества. Правительство выбрало второй курс. 18 декабря 1886 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой представил императору программу преобразований, в которой предлагалось создать новые административные органы управления с единоличной властью. Обязанностями их должны были стать руководство крестьянскими делами и поддержание порядка в сельской жизни⁸³.

12 июля 1889 г. было утверждено Высочайшее положение «О земских участковых начальниках»⁸⁴. По замыслу разработчиков законопроект должен был ужесточить контроль над жизнедеятельностью крестьянской общины. Он стала одним из планомерных шагов по реализации взятого правительством Александра III курса на укрепление общины. Однако, как утверждали В.И. Первушкин и Г.В. Гарбуз, попытки правительства сделать из земского начальника действенный инструмент контроля над крестьянской жизнью не увенчались успехом⁸⁵.

Сам император принял новую административную реформу объяснил необходимостью установления «близкой к народу твёрдой правительственной власти», на которую возлагалось исполнение трёх главных функций: попечительство над сельскими жителями, наблюдение за ходом завершения крестьянского дела и охранение благополучия, общественного

порядка, безопасности и прав частных лиц в деревне⁸⁶. Формирование нового института управления стало наиболее радикальной мерой правительства, взявшего курс на крепостническую реакцию и усиление контроля над сельской властью со стороны дворянства. В современной историографии высказывается мнение о том, что преобразования 1889 г. носили не административный, а скорее идеологический характер. В итоге «в жертву была принесена идея общей административной реформы, требовавшей, прежде всего, более трезвого и свободного от патриархальных иллюзий взгляда на российскую действительность»⁸⁷.

В Вологодской губернии реформа проводилась в два этапа: в 1889 г. она была реализована в Вельском, Вологодском, Грязовецком, Кадниковском и Тотемском уездах и лишь в 1899 г. – на остальной территории: в Никольском, Велико-Устюгском, Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском⁸⁸. К 1 января 1890 г. уезды делились следующим образом: на 9 участков – Кадниковский; 8 – Никольский; 7 – Тотемский; 6 – Вологодский и Вельский; 5 – Велико-Устюгский, Сольвычегодский и Усть-Сысольский; 4 – Грязовецкий и 3 – Яренский⁸⁹.

Новый институт утверждался вместо учреждённых в 1874 г. уездных и губернских присутствий. Земские начальники, сочетавшие в одном лице административную и судебную власть и наделённые полицейскими полномочиями, по сравнению с предшествующими местными органами надзора получили права ещё более строгого и жёсткого контроля над крестьянством. Они регулировали все стороны деятельности крестьянского самоуправления, что выражалось в осуществлении надзора за решениями, принимавшимися общественными учреждениями; применении взысканий к должностным лицам и праве снятия их со службы; наблюдении за повестками, выносившимися на обсуждение сходов и визировании принимавшихся на них приговоров; утверждении выбранных обществом лиц и т.д.

В начале XX в. Вологодским губернским присутствием (циркуляр от 26 августа 1910 г.) было «предложено» земским начальникам губернии «ревизии подведомственных им волостных правлений и волостных судов производить не менее двух раз, а ревизии сельских управлений не менее раза в год, причём копии ревизионных актов должны быть представлены в присутствие»⁹⁰. В 1911–1912 гг. земский начальник третьего участка Вологодского уезда Н.Д. Второв применял индивидуальную методику работы с крестьянскими общественными учреждениями. Ежемесячно 19 и 25 числа он приглашал в Сиземское волостное правление всех должностных лиц для «разрешения очередных дел правления, отдачи им разного рода распоряжений и разъяснений и производства учёта им в их деятельности»⁹¹.

Введение института земских начальников имело важное значение. Во-первых, предоставленные им полномочия значительно ограничили права органов власти в общине и повысили контроль со стороны уездной администрации. Во-вторых, была усилена централизация вертикали власти в государстве. Крестьянские органы самоуправления вошли в качестве низших звеньев системы управления на местах в общегосударственный бюрократический аппарат. Буржуазные реформы 1860-х гг. превратили крестьянскую общину из института обычного в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, предоставив сельскому обществу статус крестьянской сословной корпорации с правом юридического лица и поставив его под контроль уездной администрации. Обнародование положения «О земских участковых начальниках» привело к ещё большему усилению этого контроля. Теперь, отмечал исследователь Г.А. Евреинов, сельское общество по предметам своего ведения входило в сферу деятельности земских учреждений, которые ведали теми же делами местного благоустройства, только в больших масштабах⁹².

Таким образом, правительственным аппаратом был принят комплекс законодательных актов, регламентировавших повседневную жизнь сельского общества и функционирование системы крестьянского самоуправления. Однако в отношении представительных учреждений вологодского крестьянства правительством не велась активная законодательная деятельность, поэтому их преобразование осуществлялось в общероссийском ключе. Основными направлениями законодательной инициативы высшего аппарата власти в исследуемом регионе выступали указы и положения, с одной стороны, регулировавшие социально-экономические отношения в обществе, а с другой, что было характерно для всей Российской империи, – направленные на ужесточение контроля над системой общественного самоуправления.

Правовая деятельности государства была направлена на формирование комплекса законодательных актов, регламентировавших как организацию, так и деятельность крестьянского самоуправления. В связи с этим возникает вопрос: насколько был знаком с ними сельский обыватель северной деревни, независимо от того, являлся ли он выборным должностным лицом или представлял интересы семьи на общественном сходе.

§ 3. Внедрение законодательных актов в крестьянскую среду северной деревни

Во время Великого поста, а именно с 7 марта по 2 апреля 1861 г., по всей России произошло обнародование Положений 19 февраля. Объявление свобод в большинстве губерний крестьяне восприняли нерадостно,

в обществе царили всеобщее уныние и разочарование. Вскоре на многих территориях стали вспыхивать крестьянские волнения, которые приобретали массовый характер⁹³. В Вологде всеобщее оглашение Манифеста состоялось в кафедральном Успенском соборе 9 марта⁹⁴. Как и в других регионах России, здесь также были зафиксированы неповиновения и беспорядки.

Произошедшие в 1861 г. выступления крестьян были вызваны несколькими причинами. Во-первых, не оправдались ожидания тех из них, кто надеялся получить полную свободу с бесплатным отводом им земли. Во-вторых, в сельской местности появились лица, пытавшиеся истолковать нормы Манифеста с точки зрения крестьянских интересов. В-третьих, невысокий уровень грамотности среди земледельцев приводил к непониманию ими отдельных норм объявленных Положений. На это указывали очевидцы происходивших событий, среди которых был и автор «Деревенских писем» помещик П.П. Сумароков. В его письме, направленном в редакцию журнала «Отечественные записки», отражена реакция крестьян на прочтение им Манифеста и Общего Положения. «Манифест, – пишет он, – был прочтён, и глаза слушателей обратились уже на меня опять с выражением того же неудовлетворённого любопытства, того же нетерпеливого желания услышать подробное разъяснение тех главных начал, на которых устраивается их новый быт»⁹⁵. А так объяснил события, происходившие в Вологодской губернии, флигель-адъютант князь К.Л. Дадияни: «Неповиновение и беспорядки, – рапортовал он императору, – происходили от неправильного понимания крестьянами Положения о них. В данные имения начальником губернии были командированы чиновники, которые разъясняли крестьянам буквально их права и обязанности по Положению и почти всегда достигали успешных результатов»⁹⁶. Следовательно, непонимание и недостаточное осознание крестьянами правительственных указов, а также распоряжений губернатора оказывали влияние на социально-политическую обстановку в деревне.

Содержание принятых указов необходимо было довести до сведения сельского жителя, объяснив их положения простым и понятным ему языком. Это способствовало, с одной стороны, повышению правовой грамотности крестьян, а с другой – эффективному функционированию структуры крестьянского самоуправления.

Сельские жители, особенно писари, были знакомы со многими правительственными указами и распоряжениями, циркулярами министерств и комитетов, а также губернской и уездной администрации. Подтверждение этому – обращение в приговорах волостных и сельских сходов и различных прошениях со стороны крестьян на имя уездных чиновников

к нормативным правовым документам. На это указывали и сами сельские обыватели, отмечая, что «законы свои они знают хорошо», хотя все законы, касавшиеся непосредственно крестьян, назвать затрудняются⁹⁷. Способность сельских обывателей ориентироваться в окружающей социально-правовой среде была характерна ещё для XVIII в. О.Е. Бондаренко, рассмотрев уровень правосознания крестьян Усть-Сысольского и Яренского уездов с привлечением их жалоб, прошений в различные инстанции, наказов в Государственную Думу, отметила не только прекрасную осведомленность зырян о законодательстве, касавшемся земледельцев других регионов, но и их стремление использовать эти знания в своих интересах для аргументации собственных ходатайств⁹⁸.

Степень познания крестьян официального законодательства зависела от уровня их общего образования. Увеличение доли грамотных среди северного крестьянства сопровождалось расширением их кругозора в познании писаного права. В частности, корреспондент «Этнографического бюро» И.Г. Шадрин, отмечая хорошие знания крестьян Песоченского прихода Богословской волости Вологодского уезда законов, касавшихся их повседневной жизнедеятельности, обосновывал это тем, что «народ здесь весь почти грамотный и бывалый, любят тяжёбые дела»⁹⁹.

В пореформенной России возможности деревенского жителя узнать о событиях в губернии, уезде и волости, не говоря уже о стране, а также познакомиться с последними новостями были ограничены. Одним из источников получения таких сведений для него являлся трактир (или кабак), находившийся практически во всех волостях и доступный для сельских жителей. Для крестьян он служил местом всеобщего собрания, здесь они слушали «заезжих людей», обменивались последними новостями. Во время подобных встреч решались повседневные проблемы, волновавшие каждого домохозяина. Крестьяне Ватлановской волости Вологодского уезда о роли трактира в их жизни отзывались следующим образом: туда идут пить чай, побеседовать и в этой же беседе обсудить и принять решение по какому-нибудь делу. Без чаю и водки, отмечали они, редко когда в сельских обществах решались дела, «а потому ясно будет, сколько должно быть велико значение этих заведений, обладающих преимуществами чаепития и выпивки»¹⁰⁰.

В XVIII в. существовали различные способы приобретения законодательных текстов и ознакомления с ними. М.М. Громыко выделила четыре: целенаправленная публикация законов на отдельных листках, которые были доступны крестьянам; переписывание их из писцовых книг; направление текстов законов специально сельским жителям писцами и канцелярией и знакомство с существовавшими актами во время беседы

или со слуха¹⁰¹. В XIX в. к ведущим источникам правовой информации в сельском обществе относились сборники законов и узаконений, издававшиеся правительством, а также местная пресса («Вологодские губернские ведомости» (далее – «Ведомости»)). Как отметила редакция газеты, «Ведомости» были единственным печатным органом, с помощью которого жители региона, особенно его отдалённых уголков, могли получать своевременную информацию об общественной жизни¹⁰². Кроме того, они являлись официальным источником объявления принятых губернатором постановлений и распоряжений, а также циркуляров министерств. Следовательно, этот источник информации был необходим крестьянским должностным лицам. Принятый документ направлялся канцелярией в губернское правление с требованием издать его в ближайшем выпуске «Ведомостей». Например, в ноябрьском номере за 1891 г. (№ 48 от 29 ноября) был напечатан циркуляр министра внутренних дел И.Н. Дурново от 25 октября текущего года за № 8190, посвящённый изменениям в порядке помещения и хранения в сберегательных кассах общественного продовольственного капитала крестьянских обществ¹⁰³. После его издания оригинал был возвращён правлением в канцелярию губернатора¹⁰⁴. Однако на практике далеко не все распоряжения руководителя региона публиковались, на что в 1901 г. указали ему в департаменте общих дел МВД¹⁰⁵.

Обратившись к «Ведомостям», крестьяне знакомились со своими правами и обязанностями. Выборные должностные лица видели распоряжения высшего начальства, касавшиеся их деятельности, принимали их к руководству и знакомили с ними крестьян. Следует отметить, что нередко сельские жители не могли получить сведения о необходимой информации. В частности, это было связано с тем, что в начале 1860-х гг. газеты не доходили до многих волостных правлений. Кроме того, зачастую они «оседали» в церквях, в которые доставлялись, или приходили с задержкой. Например, в 1861 г. ряд волостных правлений Кадниковского уезда майские номера «Ведомостей» получили лишь в августе¹⁰⁶. После чего, они обратились к мировому посреднику четвертого участка А.А. Попову с просьбой изменить существовавшую систему рассылки прессы по обществам, предложив отправлять её только по почте и лично волостным правлениям, что должно было повысить эффективность их деятельности.

22 августа 1861 г. после ознакомления с поступившим предложением мировой посредник А.А. Попов на имя губернатора В.Ф. Пфелера представил отношение. В ответ на него последовало распоряжение губернского присутствия от 29 (24)¹⁰⁷ июля 1861 г. В нём мировым посредникам

поручалось обязать все волостные правления самостоятельно выписывать губернские ведомости. 21 сентября 1861 г. состоялось заседание губернского присутствия, на котором вновь была поднята проблема наиболее удобного порядка распространения «Ведомостей» по волостным правлениям. В результате было принято решение о том, чтобы рассылку осуществлять с помощью мировых посредников так, «как отправляются к ним казённые пакеты», а тем, кого это не устраивало, было предложено указать наилучший для своего участка способ. Был решён и вопрос относительно того, за чей счёт это должно было осуществляться. Так как государство не стремилось брать на себя «лишние» финансовые затраты, было принято решение о возложении сбора средств, необходимых на выписку и доставку в волостные правления губернских ведомостей, на сами общества.

7 мая 1864 г. циркуляром за № 1180 обязанность волостных правлений приобретать местные губернские ведомости была утверждена Министерством внутренних дел¹⁰⁸. Несмотря на это, в начале 1870-х гг. Вологодское губернское правление подало в Правительствующий Сенат рапорт, где указало на отказ со стороны отдельных присутственных мест и должностных лиц получать местную прессу. В ответ указом 29 марта 1873 г. за № 12673 I департамент Сената обязал всех должностных лиц получать «Ведомости»¹⁰⁹.

Нередко преградой к получению корреспонденции выступал географический фактор (месторасположение волости). В частности, Боровецкое и Архангельское волостные правления Вологодского уезда весной и осенью не имели сообщения с Кубенской почтовой станцией, через которую им доставлялась корреспонденция. В результате им приходилось «во время распутицы, разлива Кубенского озера и р. Сухоны ... посылать через Оларево (Оларевское волостное правление. – С.П.), что составляло более сорока верст»¹¹⁰.

Приобретение газет обходилось волостным правлениям недёшево. Годовая подписка составляла – на белой бумаге 4 руб., а на простой – 3 руб. Дополнительно взимался сбор за пересылку – 50 коп.¹¹¹ Это были немалые деньги. Для сравнения: торговая цена одной четверти зимней ржи по Вологодской губернии в 1868 г. составляла от 7 руб. 55 коп. до 10 руб. 30 коп.¹¹² В 1876 г. 1 куль (мешок) ржаной муки без рогожи весом девять пудов обходился крестьянской семье в 8 руб. 30 коп.¹¹³ Как правило, волостные правления выписывали «Ведомости», изданные на простой бумаге. В большинстве обществ специально на приобретение прессы деньги выделялись лишь в редких случаях (табл. 11).

Таблица 11

**Размер средств, выделявшихся волостными
сходами на приобретение прессы и законов**

Год	Уезд	Волость	Статья расходов	Сумма, руб.
1886	Тотемский	Пятовская	Канцелярские материалы*	122,7 / 137,23**
1887			Выписка ВГВ, Вестника красного креста и газеты «Воскресенье»	14,94
1888			Канцелярские материалы	122,7
1894		Калининская	Выписка газет: губернские ведомости и Вестник красного креста	6,25
1905	Вологодский	Богородская	Выписка официальных и других изданий	4,15
1906			Приобретение книг, газет, законоположений и бланков	36,58
1912		Вепревская	Выписка газет	4
1909	Кадниковский	Шевницкая	Выписка газет, журналов и законоположений	20
1908	Усть-Сысольский	Небдинская	Канцелярские расходы	150
1914		Слободская	Выписка газет и законов	10
1914		Благовещенская	Приобретение газет и законов	5
1915				5,8 / 3,8
1916				6,4 / 6,95
1916	Грязовецкий	Панфиловская	Выписка должностных знаков, печатей, газет и книг, законоположений	16,26

* К канцелярским расходам относились: выписка бланков, законоположений, газет, исполнительных бумаг, ведомостей для правления и сельских обществ, а также переплетение книг.

** Первая цифра – сколько было выделено, вторая – сколько было потрачено.

Составлено по: НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 18. Л. 119об.; Д. 186. Л. 5, 27об.; Д. 291. Л. 19, 26об.; ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2781. Л. 3об.; Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 38; Ф. 97. Оп. 1. Д. 143. Л. 3, 20об.; Ф. 679. Оп. 1. Д. 552а. Л. 26; Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 30об.; Оп. 2. Д. 5. Л. 14об., 17–20; Ф. 1050. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

В сельских обществах во время распределения мирских сумм существовала отдельная статья расхода на «выписку газет и законов». Встречались правления, где затраты на прессу относили к канцелярским расходам. Размер средств, отведённых на эти цели, зависел от нескольких факторов: благосостояния волости и количества в ней душ, облагаемых сборами. Из представленных в табл. 11 данных видно, что по уезду правлениями выделялась неодинаковая сумма денег. Встречались волости, в которых ежегодно на сходах размер этих сборов увеличивался, но и этого было недостаточно. Это подтверждают сведения за 1886 г. по Пятовской и за 1916 г. по Благовещенской волостям. Как следствие, перед типографией образовывались задолженности по оплате со стороны сельских обществ. Нередко по истечении первого квартала губернское правление обязывало крестьянское начальство «уплатить в местное казначейство в доход губернской типографии 3 рубля» за полученные ими «Ведомости»¹¹⁴.

Стоимость юридической литературы была не меньше, чем годовая подписка на региональную газету. Приобретение «Сенатских Ведомостей», включавших в себя собрание узаконений и распоряжений правительства и решения кассационных департаментов Сената, в 1881 г. обходилось правлениям в 10 руб. 12 коп., а без решений – 7 руб. 75 коп.¹¹⁵ В среднем сельские общества тратили на правовые издания около 5 руб. в год¹¹⁶.

Исходя из указанных в табл. 11 статистических материалов о размере финансирования, можно считать, что сельские общества были вынуждены выбирать между приобретением газет и изданий с законодательными актами. На практике в их распоряжении находились необходимые собрания узаконений и распоряжений. Кроме того, им были доступны положения, регламентировавшие функционирование должностных лиц, а также права и обязанности крестьян. В частности, в мае 1911 г. земский начальник седьмого участка Кадниковского уезда после завершения ревизии делопроизводства Аксентьевского волостного правления в акте указал: «Пособиями для правления и суда следуют сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии; Общее Положение о крестьянах, издания земского отдела 1908 г.; сборник циркуляров МВД по вопросам военной и военно-конной повинностей 1906 г.; сборник узаконений, определяющий права и обязанности волостных старшин и писарей, издания земского отдела 1904 г.; свод циркулярных распоряжений МВД 1903 г.; инструкция о применении Высочайше утверждённого 23 июня 1899 г. положения о по-

рядке взимания окладных сборов; положение о сельском состоянии издания 1902 г. Т. IX; пособие для волостных судов 1900 г. ...»¹¹⁷.

Правительственный аппарат был заинтересован в ознакомлении сельского жителя с принятыми законодательными актами, так как с юридически грамотными должностными лицами легче работать. Губернское присутствие контролировало уровень обеспечения волостных правлений юридической литературой и заботилось о поступлении в сельские общества её переизданий. Оно информировало земских начальников об изданных журналах, книгах и собраниях и поручало уездным чиновникам советовать их «для выписки в волостные правления вверенных им участков» и принимать всевозможные меры для ознакомления с ними представителей волостных правлений¹¹⁸.

Приобретение новых изданий юридической литературы вменялось в обязанность волостным правлениям. В августе 1911 г. губернское присутствие, ознакомившись с актом проверки Верхнераменского правления, «рекомендовало» земскому начальнику седьмого участка Кадниковского уезда немедленно поручить старшине приобрести издания земского отдела за 1911 г., содержавшие законоположения и руководства для должностных лиц, если таковых нет в правлении. Также ему поручалось принять возможные меры для ознакомления выборных лиц с их правами и обязанностями¹¹⁹.

С целью своевременного знакомства сельского населения с принятыми нормативными правовыми актами МВД поручило губернской администрации помещать на страницах местной прессы «циркуляры министерства и статьи правительственного указателя, издаваемые в официальных прибавлениях к "Северной Почте"»¹²⁰. В результате в «Ведомостях» издавалось большое количество принимавшихся указов. Иногда редакция указывала лишь названия нормативных актов без публикации их текста, что являлось минусом.

Сопоставление законодательных актов, изданных в «Вологодских губернских ведомостях», с указами, вошедшими в Полное собрание законов Российской империи (Собр. 2), за первые пять лет после отмены крепостного права (1861–1865 гг.), позволяет судить о полноте отражения нормативной правовой базы относительно крестьянского самоуправления на страницах местной печати (прил. 5). Из 29¹²¹ нормативных актов, опубликованных в ПСЗ, сельский житель мог познакомиться с 28. Следует заметить, что последняя цифра весьма условна. Из представленных в прил. 5 данных видно, что отдельные указы, опубликованные в губернских ведомостях, иногда соответствовали статьям одного или нескольких положений, а также отсылали к одному и тому же юридическому документу. В частности,

в № 15 от 15 апреля 1861 г. были изложены права и обязанности крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости, а также поддержки из *Общего Положения* (36657), *Местного положения о поземельном устройстве* (36662) и *Положения об устройстве дворовых людей* (36658). При этом статьи публиковались хаотично, не в соответствии с указами¹²². В свою очередь статьи *Общего Положения* о крестьянах дважды издавались в 1861 г. (№ 15 от 15 апреля и № 50 от 16 декабря), трижды – в 1862 г. (№ 32 от 11 августа, № 34 от 25 августа и № 45 от 10 ноября) и один раз – в 1863 г. (№ 14 от 6 апреля). Цель этого – ознакомление читателей с отдельными положениями документа. Принимавшиеся законодательные нормы доводились до общины в качестве указов Правительствующего Сената и циркуляров МВД.

Нередко в опубликованных на страницах прессы нормативных документах цитировались лишь отдельные статьи положений и указов или излагался смысл параграфов, которые вызывали непонимание со стороны крестьян и губернских правлений. Из 28 указов и циркуляров 12 были посвящены отдельным статьям и включали в себе их комментарии. Определено это несколькими причинами. Во-первых, для сельского жителя в силу его малограмотности или полной безграмотности, что было нередким явлением среди выборных должностных лиц, было затруднительно полностью освоить весь комплекс законов, регламентировавших его повседневность. На это обращалось внимание региональной администрации со стороны уездных должностных лиц¹²³. В 1906 г. земский начальник первого участка Усть-Сысольского уезда В.Н. Городецкий констатировал факт «незнания волостными и сельскими должностными лицами узаконений, относящихся к порядку удаления из среды общества лица, признаваемого угрожающим местному благосостоянию и безопасности»¹²⁴. В результате им была проведена разъяснительная работа в Богоявленском волостном правлении.

Во-вторых, сам крестьянин зачастую не имел возможности с ними познакомиться. Постоянно нуждаясь в денежных средствах, необходимых для выплаты многочисленных сборов и пошлин и приобретения пропитания для членов семьи, основную часть своего времени он занимался сельским хозяйством и промыслами, а в свободное от них время уходил на заработки. В общественных отношениях сельское население продолжало применять нормы обычного права. Знание законов ему было необходимо, как правило, при взаимодействии с представителями уездных и губернских органов власти и во время исполнения распоряжений правительства.

Предоставив членам крестьянской общины свободу от крепостной зависимости, правительство направило своё внимание на поддержание

спокойствия в деревне и обеспечение выполнения возложенных на общество обязанностей. Объяснений тому несколько: во-первых, государство стремилось сформировать «послушный» «мир», выполнявший поручения вышестоящего начальства; во-вторых, сами общинники на практике испытывали частые затруднения в понимании законов и нуждались в их интерпретации. Особенно ярко это проявлялось в ходе исполнения должностных обязанностей. В 1911 г. во время проведения ревизии деятельности Шош-кинского сельского управления Вильгортской волости Усть-Сысольского уезда земский начальник первого участка В.Н. Городецкий отметил низкий уровень знаний своих служебных обязанностей старостой М. Рочевым и писарем С. Оплесниным¹²⁵. И это был не единичный случай. В большинстве правлений должностные лица, по заверениям уездных чиновников, были недостаточно знакомы со своими служебными обязанностями¹²⁶.

С целью заполнения образовавшейся лакуны старшина обращался за советом к мировому посреднику, а с 1889 г. – к земскому начальнику. При необходимости ознакомления с каким-либо законом выборное лицо или сход делали запрос в губернское по крестьянским делам присутствие. Так поступили старшины третьего мирового участка Вологодского уезда. В 1862 г. при избрании волостными правлениями очередного порядка несения рекрутской повинности ими было подано ходатайство мировому посреднику С.А. Зубову «о высылке им выписки из законов для руководства при составлении посемейных списков и формы этого списка». Далее они просили объяснить, «следует ли включить в посемейные списки дворовых людей, находящихся в обязательном отношении к помещикам»¹²⁷. Этот документ подтверждает, что крестьянские должностные лица в большинстве случаев не шли дальше изучения лишь выдержек из законов, касавшихся их непосредственной деятельности. При необходимости получения непосредственно текста законодательного акта волостное правление направляло в Земский отдел ходатайство с просьбой о его высылке¹²⁸. Если в первом случае запрос ими посылался при возникновении затруднений в процессе делопроизводства, то во втором – по получении предписания земского начальника, в котором «поручалось» приобрести вновь изданный закон. В первую очередь это касалось переизданий Общего Положения 1861 г.

Знакомство крестьянина с нормативными актами, принятыми высшими институтами власти, осуществлялось не только посредством чтения прессы и приобретённых обществами различных сборников узаконений, но и путём бесед крестьян с представителями уездных органов управления. Губернатор просил последних по возможности разъяснять сельским жителям точный смысл указов правительства как при личной встрече с ними, так и во время сходов. Одновременно они должны были контроли-

ровать выборных должностных лиц, чтобы те знакомили сельских жителей с «нужными» правительственными законами и распоряжениями. В 1914 г. губернское присутствие направило земским начальникам рескрипт Николая II от 30 января, чтобы они довели его содержание до местного населения. Для этого начальникам поручалось направить копии документа в находящиеся в их введении волости и селения и следить за тем, чтобы полученный текст был вывешен на видных местах¹²⁹.

Иногда органам общественного самоуправления или всем крестьянам отдельного уезда специально не разъясняли смысл направленных в губернию законоположений и даже не знакомили с ними. Это касалось актов, которые, по мнению местного начальства, не затрагивали интересов сельского общества. В подтверждение процитируем отрывок из прошения земского съезда от 10 августа 1902 г. за № 1112, направленное земскому начальнику первого участка Усть-Сысольского уезда. В нём съезд сообщает ему, что намерен «ходатайствовать перед г. Вологодским губернатором о том, не найдёт ли Его Превосходительство возможным не ознакомлять Устьсысольское крестьянское население с содержанием циркуляра от 9 июля за № 3490¹³⁰ ввиду того, что частных владельческих земель в уезде за единичным исключением не имеется»¹³¹. Региональные власти боялись возникновения крестьянских волнений и других проявлений недовольства, поэтому скрыли от них данную информацию.

Местные органы власти выступали в роли «помощника» крестьянина в ознакомлении его с законодательством. Уездными и губернскими чиновниками пересылались в общества манифесты и Высочайшие повеления, указы, подписанные императором, представителями Сената и министром внутренних дел. Эта группа правовых актов – с пометкой «Копия» и указанием адресата «Вологодскому губернатору» – без внесения каких-либо изменений и дополнений переадресовывалась уездным должностным лицам, а затем волостным правлениям в том виде, в каком была получена губернской администрацией. Среди них – Высочайшее повеление от 18 января 1866 г.¹³², Именной Высочайший указ от 9 ноября 1906 г.¹³³, Высочайший указ от 11 декабря 1906 г. о выборах в Государственную Думу¹³⁴, Манифест от 31 августа 1915 г. о начале рекрутского набора¹³⁵ и многие др.

Особую группу нормативных актов, определявших права и обязанности выборных лиц крестьянского самоуправления, составляли циркуляры представителей администрации губернатора, на большинстве из которых указывалась: «По Высочайшему повелению». Отличие их от иной делопроизводственной документации заключалось в полном или частичном цитировании правительственных указов и положений или изложении в них разъяснений смысла последних¹³⁶. В феврале 1906 г. земский началь-

ник первого участка Усть-Сысольского уезда В.Н. Городецкий направил «для руководства» в Слободское общество копию циркуляра управляющего министерства внутренних дел, где излагались рекомендации «о составе сельских сходов и о порядке ведения и хранения списков домохозяев, имеющих право участвовать на тех сходах»¹³⁷. Текст документа содержал в себе выдержки из ст. 48 Общего Положения, а также ряда статей других положений.

Губернская администрация с особым вниманием относилась к данной категории нормативных актов. Все без исключения жители сельского общества были обязаны с ними ознакомиться. После прочтения полученного документа на сходе выборное должностное лицо предоставляло земским начальникам расписки о выполнении возложенного поручения. В 1906 г. после ознакомления с циркуляром Совета Министров под его копией, направленной в Богоявленское, Вильгортское, Шешкинское, Мординское, Пезмогское, Небдинское, Сторожевское, Корткеросское правления Усть-Сысольского уезда, расписались старшина, его помощник, староста, председатель волостного суда и волостные судьи, волостной и сельский писари, сборщики податей каждой указанной волости¹³⁸. Подобная практика применялась в отношении указов губернатора, которые пересылались в правления.

Несмотря на наличие различных возможностей повышения правовой грамотности крестьян, сходы оставались основным местом доведения до всех сельских жителей касавшихся их законодательных актов и распоряжений администрации губернатора. Преимущество их в общении, во время которого непонятные для малограмотного сельского жителя положения законов объяснялись ему простым и доступным языком. В декабре 1886 г. уездный исправник Тотемского уезда направил всем подведомственным ему старшинам циркуляр за № 2024, в котором поручил им немедленно распорядиться о созыве сельских сходов с получением от всех домохозяев подписей о неременной их явке на сход. На данных собраниях старшины должны были прочитать и разъяснить присутствующим ст. 187 и 188 Общего Положения¹³⁹.

В северо-восточных уездах Вологодской губернии большинство населения составляли зыряне, которые не разговаривали на русском языке. Поэтому здесь уездное начальство вменяло в обязанность сельским должностным лицам разъяснять жителям нормативные правовые акты на национальном языке. Так, в предписании от 20 мая 1886 г. чиновник по крестьянским делам Ф.А. Арсеньев предложил волостным старшинам собрать сельские сходы и объяснить на зырянском языке содержание опубликованного в № 17 «Ведомостей» закона от 18 марта 1886 г. «О порядке

разрешения семейных разделов в сельских обществах»¹⁴⁰. Сменивший его в конце 1889 г. М.И. Шаламов в циркуляре от 6 февраля 1895 г. потребовал от местного начальства объяснить на сходах ст. 47 Общего Положения¹⁴¹.

После прочтения старшиной или старостой документа на крестьянском сходе составлялся приговор, в котором присутствовавшие расписывались об ознакомлении с постановлением. Подобные документы были направлены волостными и сельскими правлениями Вологодского уезда в 1911–1912 гг. земскому начальнику третьего участка Н.Д. Второву. В них подтверждалось, что крестьянам прочитали циркуляры и распоряжения губернатора¹⁴².

Таким образом, крестьянские должностные лица были обеспечены различными изданиями, содержащими в себе нормативную правовую информацию. Среди них – сборники узаконений и распоряжений, уставы и правила, своды циркулярных распоряжений и т.д., а также различные виды прессы. Как правило, всё это хранилось в волостном правлении. Основным источником для ознакомления сельских жителей с принятыми законами являлись распоряжения и циркуляры уездных и губернских начальников. Они были более доступны для понимания малообразованного крестьянина, так как содержали в себе, как правило, выдержки из отдельных статей указов правительства и комментарии к ним. Следует отметить, что до сведения сельского жителя доводились лишь те положения законов, которые непосредственно касались его повседневной деятельности. При этом поступившие в правление документы зачитывались на сходах, где каждый из присутствовавших мог задать вопрос и попросить разъяснений, если что-то было не понятно. Издававшиеся в «Ведомостях» правительственные указы и циркуляры МВД были доступны ограниченному кругу лиц, так как не все могли себе позволить выписывать прессу.

Итак, в пореформенный период был разработан комплекс законодательных актов, регламентировавших деятельность крестьянского самоуправления. В основе его находилось Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Преобразовав систему самоуправления в бывшей помещичьей, удельной и государственной деревне (в 1860-е гг.), государство не стремилось далее расширять самостоятельность крестьянских органов власти, увеличивать их полномочия, что нашло отражение в его законодательной инициативе. Большинство нормативных актов, принятых после Манифеста 1861 г., дополняли или корректировали отдельные нормы, изложенные в Общем Положении. Как следствие, особенностью их стало постоянное обращение законодателя к его статьям. Основное внимание правительство сосредоточило на развитии крестьянского самоуправления в трёх направлениях: 1) права и обязанности выборных долж-

ностных лиц и сходов; 2) ведение делопроизводства и 3) контроль над крестьянскими органами со стороны представителей уездной и губернской власти.

Принятие новых законодательных актов зачастую было вызвано происходившими социально-экономическими процессами в сельской местности. Нередко их издание являлось ответом правительства на поступившие к нему запросы со стороны различных институтов управления с просьбой разъяснения затруднительных ситуаций, касавшихся функционирования крестьянского самоуправления. В целом законодательно-правовая деятельность государственных органов власти в этой области была сосредоточена на её унификации по всей империи. Это отразилось в отсутствии законодательных актов, посвящённых непосредственно регламентации организации института самоуправления на территории Вологодской губернии. Изданные в выделенный период законодательные акты, как правило, регулировали общественные отношения по всему Европейскому Северу России и имели социально-экономический характер. Они являлись целенаправленными мероприятиями по стабилизации кризисных явлений в сельском обществе и затрагивали функциональную сторону крестьянского самоуправления в регионе. Отдельным вектором правительственной политики на исследуемой территории выступало постепенное законодательное закрепление централизации управления поземельной общиной и ужесточение контроля над представительными органами власти в ней.

Содержание принятого законодательного акта доводилось до сельского общества. Во второй половине XIX – начале XX в. это осуществлялось несколькими методами. Во-первых, путём ознакомления с различными сборниками и сводами узаконений и распоряжений, приобретаемыми волостными правлениями. Во-вторых, через опубликование их в прессе, в частности в «Вологодских губернских ведомостях», где печатались нормативные акты в форме указов Правительствующего Сената и циркуляров МВД. Однако указанные методы были действенны только в отношении ограниченного числа сельских жителей, а именно только тех крестьян, которые умели читать. Поэтому самым распространённым и эффективным способом ознакомления местного населения с законодательными актами являлось их прочтение на общем сходе, куда они направлялись губернской администрацией в виде указов и циркуляров.

Примечания

1. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657.
2. Там же. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39792.
3. Там же. СПб., 1868. Т. 41. Отд. 1. № 42899.

4. Голикова Н.И. Политика царизма в государственной деревне Европейского Севера (60–80-е гг. XIX в.) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1980. С. 74.

5. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978. С. 103.

6. Действия Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия // ВГВ. 1861. 12 августа. Приложение.

7. О приглашении дворян к составлению уставных грамот // ВГВ. 1861. 12 августа. С. 284.

8. Рапорт флигель-адъютанта князя К.Л. Дадияни Александру II из Вологды о положении в губернии // Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права / отв. ред. Н.М. Дружинин. М.–Л., 1949. Ч. I и II: Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. С. 40.

9. ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 30–30об.; Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

10. Первоначально Тотемский уезд не был разделён на мировые участки. В 1866 г. обязанности мирового посредника здесь исполняли местный уездный судья коллежский советник А.А. Попов, которого затем сменил дворянский заседатель уездного суда настоящий советник К.Н. Остолопов. См.: Адрес-календарь // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 г. Вологда, 1866. С. 37, 67.

11. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

12. Там же. Л. 57об.

13. Там же. Л. 72.

14. Там же. Л. 58–66.

15. Колесников П.А. Государственное законодательство по крестьянскому вопросу (1650–1860 гг.) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период): сборник статей / отв. ред. П.А. Колесников. Вологда, 1981. С. 7–24; Его же. Законодательство о крестьянах России в XVIII в. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России: сборник статей / отв. ред. В.Т. Пашуто. Воронеж, 1983. С. 114–121; Камкин А.В. Крестьянское правотворчество и государственное законодательство (по материалам второй половины XVIII в.) // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей / отв. ред. П.А. Колесников. Пермь, 1982. С. 175–189 и др.

16. Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине 60-х гг. XIX в. (организация, функции, правовая регламентация): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 77.

17. Записки публициста // Отечественные записки. СПб., 1884. № 4. С. 184.

18. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1: Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). С. 481–483, 534–535, 672, 730.

19. Нежина М.В. Система самоуправления в Приамурском крае: исторический опыт формирования: вторая половина 50-х XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2007. С. 42.

20. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: сборник документов / под ред. П.А. Зайончковского. М., 1968. С. 5.
21. Там же. С. 529.
22. Там же. С. 530.
23. Там же. С. 503, 504.
24. Там же. С. 37.
25. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657; СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39792; СПб., 1868. Т. 41. Отд. 1. № 42899.
26. Там же. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36660.
27. Там же. № 37297; СПб., 1865. Т. 37. Отд. 1. № 37945; СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39984; СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40943; СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1. № 44866; Собр. 3. СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. № 7206; СПб., 1895. Т. 12. № 9071.
28. Там же. Собр. 2. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39841; СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40511; СПб., 1868. Т. 41. Отд. 1. № 43014; СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1. № 44738; СПб., 1874. Т. 46. Отд. 2. № 50119; Собр. 3. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12806.
29. Там же. Собр. 2. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2. № 40156; СПб., 1873. Т. 43. Отд. 1. № 45452; СПб., 1874. Т. 46. Отд. 2. № 50309; Собр. 3. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24182.
30. Там же. Собр. 2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40943; СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42027; Собр. 3. СПб., 1897. Т. 13. № 10011.
31. Там же. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 37298; Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. № 6337.
32. Николаев А.А. История русского крестьянства в 4-х популярных лекциях. СПб., 1909. С. 57.
33. Анфилов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1894 гг. М., 1984. С. 55.
34. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1888. Т. 6. № 3578; СПб. 1889. Т. 7. № 4378.
35. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.
36. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40511.
37. Там же. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 2. № 48713; 49096.
38. Там же. Собр. 3. СПб., 1889. Т. 7. № 4378; СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. № 7206; СПб., 1895. Т. 12. № 9071.
39. Там же. Собр. 2. СПб., 1877. Т. 50. Отд. 2. № 55291.
40. Там же. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39984.
41. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80 – начала 90-х гг.). М., 1970. С. 82, 92.
42. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. № 6196.
43. Там же. СПб., 1895. Т. 12. № 8518.
44. Там же. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12806.
45. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–15об.
46. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е гг. XIX в.). Л., 1972. С. 9.
47. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1908. Т. 25. Отд. 1. № 26803.

48. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. / 1907 год. М., 2011. С. 34–45.

49. П.А. Столыпин: Программа реформ: Документы и материалы: в 2 т. / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2003. Т. 1. С. 293–319.

50. Михайлова Н.В. К вопросу о концептуальной эволюции национальной и федеративной политики в России // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции (г. Сыктывкар, 25–26 октября 2012 г.): в 3 ч. Сыктывкар, 2012. Ч. 2. С. 183.

51. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37297.

52. Там же. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40943.

53. Там же. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 2. № 42682.

54. Камкин А.В. Указ. соч. С. 177.

55. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община, рубеж XIX – XX вв. – 1917 г.: по материалам губерний земледельческого центра страны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 55.

56. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 2763. Л. 11, 46; Ф. 97. Оп. 1. Д. 52. Л. 20–21; Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 54.

57. Индова Е.И. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 235–299.

58. НАРК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 572.

59. Там же. Ф. 47. Оп. 2. Д. 61. Л. 24.

60. ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.

61. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881. С. 2; Обзор Вологодской губернии за 1884 г. Вологда, 1885. С. 4; Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901. С. 6; Обзор Вологодской губернии за 1904 г. Вологда, 1905. С. 4; Обзор Вологодской губернии за 1908 г. Вологда, 1909. С. 5.

62. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1865. Т. 37. Отд. 2. № 38971, 39085.

63. Вологодская губерния // ВГВ. 1863. 26 января. С. 13.

64. Там же. С. 13.

65. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 гг.: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 147–155.

66. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39251, 39312.

67. Там же. СПб., 1865. Т. 37. Отд. 2. № 39086.

68. Там же. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 2. № 33399.

69. Там же. СПб., 1868. Т. 43. Отд. 1. № 45923.

70. Чернуха В.Г. Указ. соч. С. 103.

71. Приклонский С.А. Очерки самоуправления: земского, городского и сельского. СПб., 1886. С. 167.

72. О своевременном принятии указанных законом мер ко взысканию недоимок по выкупным и оброчным платежам: циркуляр МВД губернаторам по земскому отделу от 19 марта 1865 г. // ВГВ. 1865. 24 апреля. С. 140.

73. Лурье С. Российская государственность и русская община // Знание-сила. 1992. № 10. С. 6; Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Протасов Л.Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы Международной конференции (г. Москва, 14–15 июня 1994 г.) / отв. ред. Л.В. Милова. М., 1996. С. 146.
74. Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 43.
75. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. ... С. 39.
76. Обзор Вологодской губернии за 1884 г. ... С. 56.
77. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36660.
78. Адрес-календарь лиц, служащих в губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г. Вологда, 1861. С. 8–10; Адрес-календарь лиц, служащих в губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1865 и 1866 г. ... С. 36–38.
79. История Коми с древнейших времён до современности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 384.
80. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1868. Т. 41. Отд. 1. № 43501.
81. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 212.
82. Вронский О.Г. Указ. соч. С. 146.
83. Зайончковский П.А. Российское самодержавие ... С. 369–370.
84. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. № 6196; Положение о земских участковых начальниках // Сборник узаконений распоряжений правительства о сельском состоянии. Положения об установлениях, заведующих крестьянскими делами (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях изд. 1902 г. и по прод. 1906 г.). 2-е изд. СПб., 1908. Раздел 1. С. 3–108.
85. Первушкин В.И., Гарбуз Г.В. Крестьянский «мир» и органы государственного управления России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской губернии) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.) / отв. ред. В.А. Юрченков. Саранск, 2004. С. 169.
86. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. № 6195.
87. Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2012. С. 70.
88. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1902. Т. 19. Отд. 1. № 16493.
89. Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1899 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. / под ред. Н.А. Полиевктова. Вологда, 1899. С. 189, 193, 198, 204, 210; Изменения в составе служащих лиц Вологодской губернии к 1 января 1900 г. Дополнение к адрес-календарю Памятной книжки Вологодской губернии на 1899–1890 гг. Вологда, 1900. С. 28, 30, 32, 35, 37.
90. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 91. Л. 177; ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 80.
91. ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2787. Л. 8–9.
92. Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. 2-е изд. СПб., 1904. С. 120.

93. Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: сборник документов / под ред. Л.М. Иванова. М., 1964. С. 35–118.

94. Пятьдесят лет назад в Вологде // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям (год сорок седьмой). 1911. 1 февраля. С. 59.

95. Сумароков П.П. Деревенские письма. Письмо X // Отечественные записки. СПб., 1861. Т. 136. С. 203.

96. Рапорт флигель-адъютанта князя К.Л. Дадияни ... С. 39.

97. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. С. 544.

98. Бондаренко О.Е. Правосознание крестьян Коми края в конце XIX – начале XX в. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе / отв. ред. А.Д. Напалков. Сыктывкар, 1989. С. 104. (Труды Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 112).

99. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 544.

100. Там же. С. 563.

101. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 241.

102. От редакции // ВГВ. 1865. 20 марта. С. 93.

103. Циркуляр Министра внутренних дел гг. губернаторам // ВГВ. 1891. 29 ноября. С. 1–2.

104. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 2763. Л. 43.

105. Там же. Д. 2004. Л. 164.

106. Постановление Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия от 24 августа 1861 г. // ВГВ. 1861. 16 сентября. Приложение.

107. Выявлено несоответствие в дате, т.к. в постановлении Присутствия заседания от 24 августа 1861 г. указывается 29 число, а в постановлении от 21 сентября – 24 число. См.: Постановление Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия от 24 августа 1861 г. // ВГВ. 1861. 16 сентября. Приложение; Распоряжения по крестьянскому делу. Постановление Вологодского по крестьянским делам присутствия: заседание 21 сентября 1861 г. // ВГВ. 1861. 14 октября. Приложение.

108. По вопросу об обязательной выписке губернских ведомостей присутственными местами и должностными лицами: указ Правительствующего Сената по первому департаменту от 29 марта 1873 г. // ВГВ. 1873. 5 мая. С. 1.

109. Там же. С. 1.

110. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 2763. Л. 48–48об.

111. Об издании Вологодских губернских ведомостей // ВГВ. 1861. 2 декабря. С. 322. Эта сумма на протяжении всей второй половины XIX – начала XX в. фактически была постоянной. Изменения в стоимости варьировались в рамках 50 коп.: то в сторону роста, то – уменьшения.

112. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 1829. Л. 52–53. Четверть равнялась 196,8 кг.

113. Ведомость о справочных ценах на провиант и фураж по Вологодской губернии за июнь месяц 1876 г. // ВГВ. 1876. 8 ноября. С. 6.

114. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 26. Л. 32, 54; Оп. 2. Д. 5. Л. 82.

115. Правила о подписке на сенатские ведомости // ВГВ. 1880. 29 сентября. С. 2–3.

116. ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1598. Л. 35; Ф. 679. Оп. 1. Д. 605. Л. 92, 115.
117. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 6–6об.
118. Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3456. Л. 19; Ф. 679. Оп. 1. Д. 605. Л. 98; Ф. 680. Оп. 2. Д. 3. Л. 12.
119. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 45.
120. О более правильном и точном исполнении циркуляров министерства от 7 мая 1864 г. за № 1180 и 14 августа за № 6663: циркуляр МВД от 7 декабря 1864 г. за № 10426 // ВГВ. 1865. 2 января. С. 5. «Северная Почта» – еженедельная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге с 1862 по 1868 г. Министерством внутренних дел. В ней публиковались придворные известия, правительственные распоряжения, внутренние и внешняя коммерческая информация. Одним из её назначений являлось – пропаганда правительственной программы и борьба с оппозиционной прессой. С 1869 г. была переименована в «Правительственный Вестник». См.: Северная почта [Электронный ресурс] // URL: <http://bse.sci-lib.com/article100536.html> (дата обращения: 15.10.2010).
121. Подсчитано на основе данных, представленных в приложениях 2 и 3.
122. Краткое изложение прав и обязанностей крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости // ВГВ. 1861. 15 апреля. С. 96–103.
123. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 41, 48.
124. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 515. Л. 42.
125. Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 121. Л. 10.
126. Там же. Д. 121; ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 47.
127. Постановление Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия от 14 августа 1862 г. // ВГВ. 1862. 17 ноября. Приложение.
128. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 72.
129. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 605. Л. 90.
130. В данном циркуляре губернатора Л.М. Князева предписывалось земским начальникам при всяком удобном случае на сходах и при личной встрече разъяснять крестьянам точный смысл утвержденного статс-секретарем С.Ю. Витте расписания предельного количества земли, которое может быть приобретено сельским населением при содействии Крестьянского поземельного банка.
131. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.
132. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.
133. Там же. Д. 527. Л. 11–12об.
134. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–2об.
135. Там же. Ф. 47. Оп. 2. Д. 67. Л. 65.
136. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 127. Л. 7–7об.; Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 80–80об.; НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Ф. 279. Оп. 1. Д. 515. Л. 42–43.
137. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 515. Л. 4–5об.
138. Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–5об.
139. ГАВО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 6–7.
140. НАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 186. Л. 4.
141. Там же. Д. 262. Л. 2–3.
142. ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2781.

ГЛАВА 3

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX – начале XX в. органы крестьянского самоуправления были представлены сходами и аппаратом выборных должностных лиц и являлись элементами системы управления в деревне. Ими регулировались общественные отношения, решались вопросы повседневной деятельности крестьянина и его семьи: общественно-правовые, финансово-хозяйственные, культурно-нравственные, социальные и т.д. За каждым из них был закреплён конкретный статус: сход являлся распорядительным органом, на котором решения принимались коллегиально, а должностные лица – исполнительным. Обладая правом самостоятельности в управлении сельским обществом, органы крестьянского самоуправления находились под постоянным контролем представителей уездной администрации, который имел тенденцию к ужесточению.

Организация крестьянского самоуправления в губернии происходила в соответствии с законодательными актами, а также в контексте развивавшихся в регионе социально-экономических процессов. Как следствие, реорганизованные в 1860-х гг. по единому общегосударственному образцу органы самоуправления под влиянием местных административно-территориальных и природно-климатических особенностей приобрели отличительные региональные черты. В связи с этим нами раскрыты направления развития структуры общинных представительных учреждений, отношение сельских жителей к исполнению общественной службы и должностным лицам, а также взаимоотношения местных властей между собой и с представителями уездной администрации. При этом не уделялось специального внимания рассмотрению многообразной деятельности общественного института самоуправления, так как эта проблема заслуживает самостоятельного научного исследования.

§ 1. Крестьянский сход в общественном самоуправлении

В 1860-х гг. в Вологодской губернии, как и в других регионах России, прошли преобразования структуры крестьянского самоуправления. Она представляла собой двухуровневую систему, объединявшую сельские и

волостные органы власти, где низовой ячейкой выступали сельский сход и староста. В среде местных жителей общие собрания крестьян зачастую именовались «сходкою»¹. Кроме того Общим Положением обществам, которые посчитают это необходимым, разрешалось выбирать: особых сборщиков податей; лесных и полевых сторожей; смотрителей хлебных запасных магазинов, училищ и больниц; сельских писарей и т.п. Второе звено включало в себя старшину с правлением, волостной сход и волостной суд². В.В. Еремян и М.В. Федоров относили волостное правление к исполнительному органу в сельской местности³.

В отдельных сельских обществах губернии для решения дел «домашнего обихода» созывался селенный (деревенский) сход. В Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда крестьяне именовали его «десятками»⁴. В нём участвовали представители одного населённого пункта. Организовывался он по требованию десятского или по просьбе самих крестьян, как правило, в обществах, состоявших из нескольких простых общин, территориально совпадавших с одной деревней. Право крестьян на его сбор законодательно было закреплено указом первого департамента Сената 22 ноября 1883 г. Следует отметить, что в последующих переизданиях Общего Положения селенный сход указывался в качестве самостоятельного звена в структуре сельского общественного самоуправления⁵. Постепенно значение данных собраний в решении местных вопросов возрастало. Вследствие этого, по мнению Д.А. Мухина, часть функций, которые по Общему Положению должен был выполнять сельский сход, на практике переходила в ведение селенного схода⁶. Например, 6 августа 1910 г. состоялся селенный сход с участием крестьян Велпонской и Богородской общин Вотчинского общества и одноимённой волости Усть-Сысольского уезда. В повестку дня был вынесен вопрос о возведении нового пожарного сарая. После обсуждения был составлен приговор «о постройке сарая в д. Киянчейской», подписанный домохозяевами и старшиной⁷.

Крестьяне Фетиньинской волости Вологодского уезда отмечали, что на селенные сходы созывались главы семей только одной деревни. Решались на них дела, «касающиеся большею частью домашнего обихода: восстановление порядка ночного караула, наём пастуха и т.п.»⁸. В Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда на селенном сходе решались такие вопросы, как определение времени исправления огородов вокруг покосов, отдача в аренду участков общественной земли и мест рыбной ловли, отбывание лежащих на обществе повинностей. Тогда как на сельском – учёт деятельности должностных лиц общества (старост и сборщиков податей), их выборы, раскладка годовых повинностей и сборов⁹.

Несмотря на то, что постепенно значение селенных сходов в общественном самоуправлении возрастало, сельский сход продолжал оставаться главным распорядительным органом в крестьянском обществе. Его ключевое значение в структуре общественного самоуправления отмечали исследователи национальных общин¹⁰. Являясь основной ячейкой общинной организации, в повседневном обиходе он именовался «общественным». Объяснялось это отношением крестьян к общим собраниям: для них основным признаком схода являлась не его формальная сторона, а коллективный процесс принятия решения домохозяевами общества.

В отличие от волостного схода, сельский выражал интересы меньшей (как в численном, так и в территориальном отношении) группы представителей административной единицы – волости. Несмотря на это, большинство вопросов внутренней жизни общества, его взаимодействия с внешним миром решалось именно здесь (см. прил. 6 и 7). Часть функций, возложенных на этот орган управления, выполнялась им ещё в XVIII в.¹¹ На протяжении исследуемого периода в его компетенцию входило около 20 направлений деятельности, в то время как на волостном сходе решались лишь 12. Необходимо отметить, что ст. 74 Общего Положения позволяла заменить волостной сход сельским, если волость представляла собой одно общество, возлагая на него при этом полномочия вышестоящего органа. Одной из таких волостей, представлявшей собой сельское общество, являлась Воронцовская Усть-Сысольского уезда. 23 февраля 1911 г. здесь состоялся сельский сход. На нём была принята дополнительная смета на волостные и сельские мирские расходы на 1911 г. и проведён учёт по заведению мирскими суммами за 1910 г. старшине Степану Лукшину¹².

С развитием социально-экономических процессов в сельском обществе в начале XX в. некоторые нормы ст. 51 Общего Положения в области земельных отношений крестьян и их податных обязанностей претерпели изменения. Поправки же в ст. 78 были незначительными – всего два пункта. В целом полномочия сельского схода в течение второй половины XIX – начала XX в. оставались прежними. Не произошло расширения прав крестьянских сходов и после Первой русской революции 1905–1907 гг. А.М. Анфимов считает, что именно «революция вынудила правительство в порядке 87-й статьи Основных законов провести указ от 5 октября 1906 г. “Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий”». Однако из-за нежелания идти на уступки крестьянам черносотенная Дума всячески затягивала дело, так и не превратив законопроект в закон»¹³.

На волостном сходе, являвшемся представительным органом высшей руководящей единицы на местах, решались административно-финансовые

вопросы (выборы должностных лиц и ревизия их деятельности, расклада мирских сборов и повинностей), проводилась проверка рекрутских списков и раскладка воинской повинности и др. В отличие от сельской «сходки» здесь не решались главные вопросы жизнеобеспечения крестьянской семьи – земельно-хозяйственные. Поэтому, как отмечалось ранее, его компетенция была более узкой, чем у нижестоящей инстанции. В целом же, определяя место общих собраний в системе крестьянского самоуправления, необходимо полностью согласиться с мнением исследователей, характеризующих крестьянский сход как главный орган власти в деревне в исследуемый период¹⁴.

Комплектовался сельский сход из всех крестьян-домохозяев и выборных должностных лиц. Помимо них на нём могли присутствовать крестьяне-собственники, если в повестку не выносились вопросы, касавшиеся общинного землевладения. От «многоотягольных» дворов, согласно местным обычаям, к собранию допускались два и более представителя. На волостном сходе присутствовали волостные и сельские должностные лица, а также домохозяева, избранные на сходе сельских обществ по одному от 10 дворов, входивших в волость, которые в крестьянской среде именовались десятидворными¹⁵.

Относили к крестьянам-домохозяевам старшего члена семьи, пользовавшегося землёй. При этом его роду необязательно было иметь в том сельском обществе усадьбы осёдлости и вести собственное хозяйство¹⁶. На практике деревенские жители не признавали правоспособность домохозяина в двух случаях: за холостыми, так как они ещё не приобрели осёдлости, и молодыми до 21 года, пусть даже и женатыми, если они не были правителем хозяйства родителей или опекуном у малолетних братьев и сестёр. Занятие сельскими работами на выделенном земельном наделе являлось основополагающим критерием в определении правового статуса мужчин в обществе. К примеру, в Усть-Вельском сельском обществе одноимённой волости Вельского уезда по местным обычаям на сход, посвящённый раскладке платежей и повинностей, допускались дети домохозяев в возрасте, «когда они сами могут заниматься всеми крестьянскими работами»¹⁷.

При принятии приговора большое внимание уделялось количеству присутствовавших на общем собрании крестьян, имевших право голоса. Особенно это было важно для определения его законности. Поэтому в случае отлучки более чем на полгода за пределы общества или по другой причине, не позволявшей домохозяину участвовать в «сходке», его интересы мог представлять один из членов семьи. К этому активно прибегали крестьяне северо-восточных уездов губернии. В 1905 г. в Слободском сельском обществе Богоявленской волости Усть-Сысольского уезда на сельский сход, со-

стоявшийся 20 марта, 12 домохозяев отправили вместо себя «совершеннолетних членов семьи»¹⁸, хотя обсуждался достаточно серьёзный вопрос о необходимости получения ссуды на посев полей и на продовольствие. В 1911 г. во время ревизии Аксентьевской волости Кадниковского уезда земский начальник седьмого участка П.И. Назарьев констатировал: «Не явившийся на сход домохозяин заменяет себя женою или старшим по возрасту сыном, который подписывается под приговором»¹⁹.

При невозможности найти себе замену крестьянин мог передать своё право голоса представителю своего общества, но при условии, что это лицо уже не обладает подобными полномочиями. Эта возможность домохозяина была официально закреплена законодательством²⁰. В данном случае староста должен был зафиксировать факт предоставления права выбора в специально установленной книге. На практике же это зачастую не выполнялось. В 1908 г. при ревизии волостных правлений и сельских управлений земским начальником первого участка Усть-Сысольского уезда В.Н. Городецким был выявлен факт отсутствия «записи, предусмотренной ст. 58 Общего Положения, в книге лиц, передавших свой голос на сходе на время отлучки однообщественникам»²¹.

Таким образом, в 1860-е гг. избирательными правами наделялись только мужчины-домохозяева. В 70–80-е гг. XIX в. возможность присутствовать на сходе получили женщины (с условием, если они владели землёй и отбывали повинности), а также крестьяне, «владеющие усадьбой осёдлостью», и несовершеннолетние. Причём первые две категории населения – с правом голоса. В частности, под приговорами селенных сходов (10 февраля 1911 г.) деревень Спасской и Кандырской Киберской волости Усть-Сысольского уезда расписались женщины-домохозяйки²². Как правило, женщина принимала участие в сельском сходе в двух случаях: если она становилась вдовой-домохозяйкой или замещала отсутствовавшего по какой-либо причине супруга. Несовершеннолетние право посещения общих собраний получили в 1888 г., после издания указа второго департамента Правительствующего Сената²³. Однако в документе не уточнялся возраст, с которого они его приобретали. Лишь положением департамента Государственного Совета от 10 июня 1913 г. было разъяснено, что по достижении 17-летия, но с согласия домохозяев²⁴.

Участие женщин и молодых людей в «сходах», а также их влияние на принятие решений изучались многими исследователями крестьянского самоуправления в России. В начале XX в. С.А. Дедюлин отметил следующее: «Мне не приходилось наблюдать, чтобы участие на сходах женщин-домохозяев вносило бы с собою какие-либо недоразумения или замешательства, наоборот, домохозяин-вдова не раз имела решающий голос, и

вообще женщина-домохозяйин со стороны однообщественников пользуется полным уважением. Более того, своей сдержанностью, рассудительностью и трезвостью взгляда во время обсуждения вынесенных на собрание вопросов они далеко превосходили однообщественников мужчин»²⁵. Занимавший на протяжении пяти лет должность уездного предводителя дворянства в Петербургской губернии, Э.П. Беннигсен отметил, что практически всюду женщины допускались на сходы. Но в некоторых местностях они участвовали в обсуждении всех вопросов, в других – лишь тем, касавшихся непосредственно их двора. Что же касается несовершеннолетних, то они не приглашались на сельские сходы²⁶. Крупнейший исследователь крестьянской общины Европейской России П.Н. Зырянов пришёл к выводу, что женщинам не везде выпадала честь обсуждать мирские дела вместе с мужчинами²⁷. Одним из примеров этого выступала удмуртская община, где их присутствие на сходе было редким явлением. Обычно крестьянки допускались, если просили о собственном деле или заменяли отсутствующего мужчину²⁸. В чувашском «мире» лицам женского пола также не всегда разрешалось присутствовать на общем собрании. Как правило, они замещали своих мужей в случае необходимости, при этом, не обладая правом голоса, являясь всего лишь слушателями²⁹.

В Вологодской губернии женщины не везде допускались на сход. Например, в Ростилловской, Степуренской, Раменской, Ново-Никольской, Гаврильцовской волостях Грязовецкого уезда, независимо от социального статуса, им запрещались подобные посещения³⁰. В реальности участие хранительниц домашнего очага в решении вопросов внутриобщинной жизни на протяжении рассматриваемого периода регламентировалось традициями отдельной деревни или этноса, а их права и полномочия во время общего собрания были закреплены в обычно-правовых нормах. Влияние обычая местного населения, проживавшего в обществе, на формирование в нём крестьянских сходов подчёркивал исследователь быта крестьянских сходов Европейской России А.А. Чарушин. По его наблюдениям, в Тотемском уезде они могли только присутствовать, а в Грязовецком, хотя не во всех обществах, что нами ранее продемонстрировано на фактическом материале, – принимать активное участие в обсуждении внутренних дел³¹.

О.А. Плоцкая констатирует, что замужняя зырянская женщина была лишена права участия в общественной жизни. Это выражалось в отсутствии права голоса на общинных сходках, где рассматривались вопросы, связанные с распределением сельскохозяйственных земель, обустройством села. Она не решала некоторые спорные вопросы, касавшиеся наследственных процессов. Исследовательница справедливо связывает это с её подчинённым положением по отношению к своему супругу, который пред-

ставлял на общих собраниях интересы жены³². Семейное положение вологодской крестьянки нередко определяло не только её возможность участия в общих собраниях, но и полномочия в принятии приговора. К примеру, исследователи Верховальского сельского общества Целякоуской волости Велико-Устюгского уезда в марте 1879 г. указали: «женщины-вдовы допускаются на сход в видах просительниц, но без права голоса. На сход вместо отсутствующих домохозяев старшие их сыновья, достигшие узаконенного возраста, а жёны их ни в каком разе к участию в сходе не допускаются»³³.

В целом по региону супруги домохозяев и вдовы допускались на «сходку» с некими ограничениями. Это подтверждается исследованиями крестьянской общины в последней четверти XIX в., организованные Третьим отделением Вольного экономического общества при участии членов Русского географического общества и представителями «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Волостной старшина Панфиловского общества одноимённой волости Грязовецкого уезда Зайцев в конце 1870-х гг. указал: «Вместо отсутствующих домохозяев допускаются, жёны и ближайшие родственники преимущественно только на известные сходы, и когда предметом схода бывает раскладка, сбор денежных повинностей и т.п.»³⁴. В Семенцовском обществе одноимённой волости Грязовецкого уезда на сход допускались только женщины, «отбывающие земельные тягла, и только в случаях, касающихся переделов земель, раскладок денежных повинностей и т.п.»³⁵. В 1898–1899 гг. корреспондент С.Ф. Староверов, охарактеризовав функционирование сходов в Ведерковской, Жерноковской и Раменской волостях Грязовецкого уезда, сообщил: «На сходах допускаются присутствовать и посторонние лица, а также и женщины-вдовы, содержащие земельные наделы и хозяйство»³⁶. На это же указывал корреспондент А.Е. Мерцалов из Заднесельской волости Кадниковского уезда: «Незамужние крестьянки и вдовы присутствуют на селенных и сельских сходах в качестве полноправных членов, но на волостных у нас никого не бывает»³⁷.

Факт привлечения к деятельности на общественных собраниях помимо домохозяев иных лиц отмечали на Вологодском губернском совещании Редакционной комиссии МВД, посвящённой пересмотру законодательства о крестьянах. При рассмотрении вопроса: «...допускаются ли к участию на сходах женщины. <...> Если допускаются, то: а) в каких случаях – при решении всех или некоторых только дел? б) в качестве самостоятельных участников или уполномоченных домохозяев?» – отмечалось: «Состав сельских сходов на практике определяется, смотря по местным порядкам, в иных обществах при участии женщин, безземельных, недоростков, являющихся за отцов, или жён за мужей. <...> Женщины-домохозяйки в иных

местах допускаются на сходы с правом совещательного голоса, также как и безземельные крестьяне, а в иных местах женщины участия в сходах не принимают»³⁸. К последним относились д. Погорелово Погореловской волости и Калининская волость Тотемского уезда³⁹. Отвечая на вопросы корреспондента «Этнографического бюро» Н.Ф. Ширкунова, крестьяне д. Попов Починок Авнегской волости Грязовецкого уезда указали: «На сходах присутствовать посторонним женщинам не случается»⁴⁰.

Включение женщин в состав «сходки» было вызвано развитием общества. Во-первых, к концу XIX в. повысилась их роль в хозяйственной жизни крестьянской семьи; во-вторых, с увеличением отходничества всё больше мужчин уходило на заработки. В начале XX в. практика замены не явившегося на сход домохозяина женою или старшим сыном стала распространённым явлением. Причиной изменения возрастного и полового состава сходов являлось распадение патриархальных семей. При этом по европейской части России привилегия домовладельцев в участии общественных собраний вызывала недовольство среди крестьян, так как те представляли не всё мужское население⁴¹.

Итак, на рубеже XIX–XX вв. в принципе формирования сходов наблюдались признаки демократии. В большинстве сельских обществ жители стремились к тому, чтобы на «сходках» было представлено всё самостоятельное население. Постепенно приоритет домохозяина в участии в общем собрании падал – его мог заменить один из старших сыновей или жена. Значительное влияние на принцип его формирования оказали произошедшие в общине социально-экономические изменения. Однако в некоторых местностях продолжал сохраняться традиционный способ комплектования «сходок».

Созывать сельский сход было непосредственной обязанностью старосты, волостной – старшины, а собраться отдельным населённым пунктом (т.е. селенный сход) мог предложить любой житель. «Крестьянские сходы в нашей деревне бывают, – сообщали «обыватели» д. Нестюковской Усть-Кулойского сельского общества Усть-Вельской волости Вельского уезда, – по распоряжению начальства и по инициативе самих крестьян данной деревни»⁴². Право потребовать от должностного лица организовать общий сбор домохозяев также имел представитель уездной администрации. Для примера: 23 июня 1905 г. земский начальник первого участка Усть-Сысольского уезда В.Н. Городецкий предписал старосте Слободского общества «безотлагательно собрать сельский сход и отвести место под постройку дома крестьянину с. Слободы Антону Прокопьеву Коданеву»⁴³.

Периодичность проведения схода, как было отмечено в предыдущей главе, законодательством конкретно не устанавливалась. Как пра-

вило, крестьяне собирались по надобности и преимущественно в свободное от занятий сельским хозяйством время. Так, в Нижеслободской волости Кадниковского уезда практиковалась его организация вечерами, по окончании земледельческих работ⁴⁴. Губернатор И.Я. Дунин-Борковский циркуляром от 20 марта 1896 г. предложил заседание волостных сходов по праздничным дням начинать после 14 часов, когда оканчивалась церковная литургия, чтобы крестьяне смогли посетить церковь⁴⁵.

Созыву общего собрания сельского общества предшествовал письменный приказ старосты на имя десятских, которым поручалось оповестить местных жителей. Вот как крестьяне Вологодского уезда Фетиньинской волости д.д. Фетиньино и Дмитриково описали этот процесс: «Сельский староста приказывает десятскому “огаркать деревню”, т.е. позвать мужиков. Десятский, обязанный беспрекословно исполнять приказания старосты, идёт созывать крестьян на сход селенный или сельский. Постукает батоном под окном избы и, когда увидит, что не сам хозяин выглядывает в окно на его “стуканье”, кричит: “Гаркни хозяина на сход, староста велел”»⁴⁶. Данная процедура была характерна для всех сельских обществ Вологодской губернии⁴⁷.

Шли крестьяне на сход не всегда охотно, особенно в конце XIX в., на что обратили внимание члены Вологодского губернского совещания Редакционной комиссии МВД⁴⁸. Однако на исследуемой территории это наблюдалось не повсеместно. Крестьяне Степуринской, Авнегской и Ново-Никольской волостей Грязовецкого уезда, а также Богословской Вологодского уезда посещали сход с «большим понуждением»⁴⁹. В результате процедура сбора участников собрания могла затянуться на целый день. В то же время в Фетиньинской волости Вологодского и Погореловской Тотемского уездов домохозяева отправлялись на общественные «сходки» без всякого на то принуждения⁵⁰. Следует заметить, что тенденция падения посещаемости общественных собраний была характерна для многих регионов Российской империи⁵¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. 100-процентная явка крестьян, имевших право голоса, на сельские сходы была редкостью (прил. 8). В среднем она варьировалась от 61 до 79%. Из исследованных нами материалов этот показатель был выявлен в 57% случаев. В 21% сельских сходов посещаемость достигала от 51 до 60% и свыше 80% от общего числа жителей, имевших право голоса на «сходке». Таким образом, в большинстве сельских обществ вопросы решались при кворуме в $\frac{2}{3}$ присутствовавших домохозяев от общего числа. Встречались собрания, где явка была ниже 50%. В частности, 8 января 1895 г. сельский сход Заозерского

общества Мосьевской волости посетило 45% домохозяев. Как правило, их решения отменялись уездным начальником.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на территории Вологодской губернии посещаемость крестьянами собраний составляла $\frac{2}{3}$ от общего числа домохозяев сельского общества. Это было связано с тем, что прописанная в ст. 54 Общего Положения норма законности принимавшихся приговоров на практике претерпела изменения. В частности, требование согласия $\frac{2}{3}$ домохозяев, обладавших правом голоса на сходе, являвшееся обязательным лишь для отдельных случаев принятия решения, в понимании сельских жителей трансформировалось: они думали, что для признания приговора законным необходимо участие в нём не менее $\frac{2}{3}$ от всех домохозяев независимо от рассматриваемой проблемы. В 1905 г. писарь, оформив приговор сельского схода, указал, что «квота присутствующих составила не менее $\frac{2}{3}$ всего числа лиц, имеющих право голоса на сходе»⁵². Аналогичное условие об обязательном кворуме присутствия крестьян для признания «сходки» состоявшейся высказал писарь Рябовской волости Сольвычегодского уезда⁵³.

Основная причина низкого уровня посещаемости сходов – уход мужчин-домохозяев на заработки и промыслы в соседние уезды и губернии. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., во временном отсутствии числилось 51877 мужчин⁵⁴. Как правило, они покидали свои деревни в осенне-зимний период, после уборки урожая и не возвращались до начала весеннего посева. Из представленных в прил. 8 данных видно, что в ряде сельских обществ (Чернятинском, Богородском, Пятовском) процент отсутствовавших с ноября по февраль был выше, чем в летний период, но так было не постоянно и не повсеместно. В том же Чернятинском обществе 27 февраля 1866 г. на сходе находилось 100% домохозяев. В Чертинском этот показатель был зафиксирован в январе 1896 г., а по Калининскому посещаемость сельских сходов в январе 1895 г. была выше, чем в декабре 1894 г.

Количество присутствовавших зависело, во-первых, от заинтересованности конкретных лиц в обсуждаемом вопросе. Например, в ноябре 1916 г. по Глотовскому обществу состоялось два сельских схода: 7 и 17 числа. На первом рассматривалась смета мирских расходов на 1917 г., в нём участвовало 225 чел. Второе собрание, где слушали словесное заявление заведующего Глотовским земским хлебным складом, посетил 171 чел.⁵⁵ Во-вторых, на его посещаемость влияла занятость отдельных глав семейств личными делами. Так, староста Богоявленского общества на предписание чиновника по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда Ф.А. Арсеньева 1 февраля 1883 г. созвать сход объяснил, что собрать всех домохозяев в

этот день не представляется возможным, так как многие из них намерены отправиться на Усть-Вымскую ярмарку⁵⁶. В-третьих, объективной причиной низкой посещаемости выступала структура крестьянской общины. Как уже было сказано в первой главе, на большей территории Вологодской губернии она являлась сложной и объединяла до нескольких десятков деревень, которые, особенно в северо-восточных уездах, располагались на удалённом друг от друга расстоянии.

Даже угроза наложения штрафа не всегда заставляла крестьян посещать сход. Так, в Богоявленском сельском обществе 6 февраля 1883 г. при обсуждении вопроса о развёрстке общинной земли из 300 домохозяев на общем собрании присутствовало 214, хотя накануне через старосту все были ознакомлены с предписанием чиновника Ф.А. Арсеньева, где их информировали о том, что в связи с важностью решаемого вопроса каждый неявившийся будет оштрафован на 50 коп.⁵⁷ Корреспондент «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева И.Г. Шадрин в 1897 г. отношение крестьян Борисовской волости Вологодского уезда к обязанности посещать общие собрания охарактеризовал так: «Часто крестьяне стараются как-нибудь отбыть от схода и под тем или иным предлогом остаться дома. Причина этого – малоразвитый интерес к общественным делам, нашедший своё выражение в такой характерной поговорке как ”моя изба с краю“. Да решат и без меня, – говорил апатично крестьянин, – разве вот стаканчик выпить, – пожалуй»⁵⁸.

Пьянство домохозяев во время схода являлось «бичом» пореформенной деревни в России⁵⁹. В своих трудах современники часто указывали факт подкупа голосующих путём угощения их водкой⁶⁰. Среди крестьян это называлось «угостить общественников за беспокойство» или откупиться. На рубеже XIX–XX вв. наличие спиртного становилось обязательным условием принятия приговора по индивидуальному вопросу. Крестьяне Фетиньинской волости Вологодского уезда в 1898 г. указывали, что по окончании схода по делу частного лица участники собрания просили его «соблаговолить» на водку. Нередко человек, заинтересованный в принятии «нужного» решения, ещё задолго до схода потчевал крестьян вином, «чтобы они решили дело с большею для него выгодой»⁶¹. Это было нормой для многих волостей губернии. В самом сельском обществе по-разному относились к данному пороку. В одних общинах это расценивалось как обыденное явление, а в других – «мир» осуждал и даже наказывал виновных. Так, в Хмелевском обществе Нижеслободской волости Кадниковского уезда староста не допускал к участию в сходе домохозяина, находившегося в состоянии алкогольного опьянения⁶², а крестьяне Борисовской, Несвойской и Кубенской волостей Вологодского уезда водку относили к «громадному злу»⁶³.

Со временем правительство начало бороться с подобными инцидентами. В ноябре 1898 г. МВД обязало всех владельцев винных лавок закрываться на время заседания схода и суда⁶⁴. Для этого старосты должны были оповещать торговцев о времени созыва и окончании работы данных органов, а в случае переноса схода на другое число – и об этом. В начале XX в. законодательно было закреплено право признания приговоров, составленных «при угощении водкой», принятыми под принуждением, а следовательно – недействительными⁶⁵. На деле уездными начальниками ещё ранее применялась практика аннулирования подобных приговоров. 26 июля 1895 г. административным присутствием Тотемского уездного съезда был отменён приговор Режского сельского схода Куракинской волости, так как он был составлен в пользу виноторговцев. Они «посулами вина и денег сходу, добились уменьшения ежегодной платы за виноторговлю с 20 руб. на 10 руб.»⁶⁶.

Принятие приговоров осуществлялось путём голосования домохозяев, имевших право голоса. Законодательством не было установлено единого правила одобрения решения, поэтому методика подсчёта голосов определялась обычаями конкретного общества. На территории губернии преимущественно использовались два способа: с помощью избирательных шаров, отданных крестьянами «за» или «против» (был самым распространённым), и «открытою подачей голосов». Как правило, в пределах уезда применялся один способ голосования. В отдельных общинах шары именовались «баллатировачными»⁶⁷.

Решение «сходки» воспринималось всеми как единогласное мнение. Данный процесс являлся для крестьян обычаем, существовавшим ещё в дореформенный период⁶⁸. Это прослеживалось в тексте приговоров, которые оформлялись как обоюдное решение присутствовавших домохозяев, хотя голосование не всегда было единогласным. 9 августа 1866 г. во время избрания старосты Медведевского сельского общества Пятовской волости Тотемского уезда 28 домохозяев поддержали выдвинутую кандидатуру, а трое из присутствовавших крестьян выступили против⁶⁹.

Развитие социально-экономических отношений в сельском обществе сопровождалось усилением противоречий в общине. Сход превращался в арену борьбы между крестьянами с различным уровнем имущественного состояния. Это, впрочем, отмечалось по всей России. «Старосты очень мало влияют на сход, вообще горланы на сходе не в большом почёте, хотя отчасти при мирском составе общества достигают своей цели. "Кулаки" же – это совсем другая статья; смышленный кулак, – а какой кулак не смышленный, – может влиять на бедную часть своей общины, но они предпочитают материальную срывку» – так описал в 1878 г. землемер В.С. Васильев

обстановку во время сходов в Андроновском обществе Панфиловской волости Грязовецкого уезда⁷⁰.

К концу XIX в. в обществах губернии наблюдалось усиление влияния на ход рассмотрения вынесенной на общее обсуждение повестки со стороны состоятельных крестьян, а также бойких лиц, называвшихся «горланами»⁷¹ или «мироедами»⁷². Нередко сельские сходы проходили очень бурно и с взаимными оскорблениями участников. Корреспондент Н.Ф. Ширкунов так описал поведение крестьян на селенных и сельских сходах Авнегской волости Грязовецкого уезда: «Крестьяне на сходах себя ведут совсем неприлично: заводят ссору, ругаются по матерно, и доходит дело до драки. Решающее значение более происходит от бойких людей, которых называют “горланами”. Если сход состоит из 160 домохозяев, то из этих “горланов”, если найдётся, 10 домохозяев; и вопрос решают, по их мнению, правильно или нет, остальные все молчат»⁷³. Однако подобные ситуации были характерны не для всех сельских обществ Вологодской губернии. В отдельных общинах продолжал сохраняться принцип коллективного принятия решения, а влияние отдельных крестьян не проявлялось или было ещё слабым. «Старосты и мироеды влияния на сход не имеют» – указывал в конце 1870-х гг. волостной писарь Раменской волости Грязовецкого уезда Грибвинов⁷⁴. Аналогичную ситуацию описывали волостной заседатель Норицын и волостной писарь Шарыпов по Троицкому обществу Усть-Алексеевской волости Велико-Устюгского уезда: «На приговоры схода не оказывают влияния ни староста и ни мироеды»⁷⁵.

Завершением общего собрания считалось оформление мирского приговора, который писарем заносился в особую книгу. Общим Положением не устанавливались конкретные требования к его оформлению, но в последующем была принята единая форма написания. В 1883 г. губернским присутствием были утверждены Правила об обязанностях должностных лиц крестьянского общественного самоуправления. В них указывались обязательные сведения, которые должны были содержаться в приговоре: 1) год, месяц и число составления; 2) присутствовал ли на сходе сельский староста; 3) количество домохозяев, числившихся в обществе и посетивших сход; 4) число голосов, поданных в пользу или против принятого решения. Вводилось это для приведения приговоров к идентичности по всей губернии, что повышало эффективность их проверки со стороны уездной администрации, а также для наведения порядка в делопроизводстве должностных лиц.

Решения схода подразделялись на две категории: принимавшиеся простым большинством и требовавшие кворума в $\frac{2}{3}$ голосов. Последнее условие касалось пяти вопросов, которые были выделены в ст. 54 Общего По-

ложения, и решения по ним в обязательном порядке записывались в особую книгу, находившуюся у писаря. Все остальные проблемы должны были решаться простым большинством. Заключение общего собрания вступало в законную силу при условии присутствия на нём: а) обязательных должностных лиц (старшины или старосты или их законных представителей); б) не менее половины всех крестьян, обладавших правом голоса на сходе. И самое главное: принимавшиеся приговоры не должны были выходить за пределы полномочий схода, указанных в ст. 51 и 78 Общего Положения. В противном случае они отменялись уездными чиновниками. При каждом аннулировании документа ими, как правило, объяснялось, где была совершена ошибка или какая статья закона нарушена, с целью предотвращения повторных нарушений. В декабре 1913 г. земский начальник третьего участка Усть-Сысольского уезда В.В. Гордеев направил в уездный съезд для отмены приговор Борисовского сельского схода от 21 ноября 1913 г. за № 48 об избрании на должность Борисовского волостного старшины – крестьянина д. Борисовской А.Н. Шулерова. Сам избранник не изъявил желания занять общественную должность. Причину отказа в признании законности решения «сходки» он обосновал: «приговор Борисовского сельского схода с формальной стороны хотя и правилен, но согласно 2 пункта 189 ст. Общ. Пол. о кр., каждое лицо, прослужившее срок обязательной службы имеет право отказаться от новых выборов, на какую-либо должность»⁷⁶. Необходимо заметить, что нередко сельские жители сами подавали жалобы в вышестоящие инстанции на незаконность приговора⁷⁷.

Исследование материалов показало, что решения сходов не всегда оформлялись правильно. В 1894 г. при составлении раскладочных и учётных приговоров по Пятовскому, Матвеевскому и Медведевскому сельским обществам Пятовской волости Тотемского уезда не было указано количество присутствовавших на сходе домохозяев⁷⁸. Это было распространённым нарушением. На несоответствие указанных документов установленным формам обращалось внимание крестьянских должностных лиц со стороны уездных чиновников. В феврале 1903 г. земский начальник шестого участка Вологодского уезда А.А. Можайский во время проверки приговоров об учёте старшин отметил, что они составлены в разнообразных формах, при этом сплошь и рядом не заключали в себе самых существенных сведений. В результате им был разослан циркуляр во все волостные правления участка с требованием обратить внимание на допущенные погрешности⁷⁹.

Если несоответствие (с формальной стороны) заключений сходов установленным правилам встречалось не так часто, то нарушение процедуры проведения собраний и принятия решений было характерно для многих обществ губернии. Наиболее распространёнными являлись: неправильное

избрание должностных лиц, отсутствие необходимой квоты в $\frac{2}{3}$ голосов и несоблюдение отдельных статей Общего Положения (51, 59, 188 и др.). В итоге подобные приговоры отменялись, а старостам и старшинам предписывалось созвать новый сход. Данные нарушения в функционировании крестьянских собраний были характерны для регионов Урала⁸⁰.

В период политического кризиса начала XX в. в стране участились нарушения «сходками» норм ст. 51 Общего Положения. В 1905–1907 гг. по России прокатилась волна «приговорного» движения. Его расширение было связано с организацией и деятельностью Всероссийского крестьянского союза (лето – осень 1905 г.), с выборами и функционированием I Государственной Думы (весна – лето 1906 г.), II Государственной Думы (зима – весна 1907 г.)⁸¹. Крестьянскими сходами активно принимались решения по вопросам, которые им было запрещено обсуждать, высказывались предложения по введению изменений в государственное устройство, самоуправление, по решению земельного вопроса и многое др.⁸² На проявившуюся активность сельских обществ последовала незамедлительная реакция со стороны правительства. В декабре 1905 г. министр внутренних дел П.Н. Дурново направил циркуляр губернатору А.А. Лодыженскому. В нём содержалось требование принять необходимые меры к восстановлению правильной деятельности сходов, а также предупредить об ответственности за составление общественных приговоров по предметам, не подлежащим их ведению⁸³. Заключались эти меры в немедленной отмене в установленном порядке всех незаконно составленных приговоров. Должностные лица общественного самоуправления, допустившие созыв общих собраний домохозяев и составление таковых приговоров, смотря по степени вины, должны были привлекаться к дисциплинарной ответственности либо отдаваться под суд, а лица, участвовавшие в составлении приговоров, – к ответственности на основании ст. 63 и 95 Общего Положения. В феврале 1906 г. губернским присутствием министерский циркуляр был разослан по земским начальникам региона. Они в свою очередь в марте 1906 г. распространили по волостным правлениям предписания с требованием в дальнейшем не допускать обсуждения и составления общественных приговоров по предметам, не подлежащим ведению общественных собраний. В противном случае виновные могли быть подвергнуты законному наказанию⁸⁴.

Итак, сходы являлись основой крестьянского самоуправления. На территории Вологодской губернии они были представлены тремя видами: селенным, сельским и волостным. Общие собрания домохозяев являлись представительными органами местного населения, которые выражали интересы жителей крестьянской общины, решения на них принимались кол-

лективно. В основе их формирования лежало Общее Положение о крестьянах, а также правительственные указы. Однако на практике домохозяева зачастую отходили от законодательных норм, опираясь на устоявшиеся в обществе традиции. В итоге на исследуемой территории наблюдались различия в процессе организации мирских «сходов» сельского населения.

§ 2. Должностные лица волостной и сельской администрации

Выборный аппарат должностных лиц крестьянского самоуправления имел двухуровневую организацию. Первый составлял сельский староста, который обязательно присутствовал в каждом обществе. Кроме того, крестьяне отдельных общин дополнительно избирали из представителей своего общества сборщика податей, сельского писаря, смотрителя хлебного запасного магазина и др. должностных лиц. 3 марта 1896 г. Прокшинским сельским сходом Богородской волости Вологодского уезда был избран уполномоченный для наблюдения за исправным поступлением казённых податей и земских повинностей, а также для принятия мер к их взысканию⁸⁵. В 1913–1914 гг. в Подъельском волостном правлении Усть-Сысольского уезда служил рукоприкладчик⁸⁶.

Следующая ступень (высшая) – волостной старшина с правлением, в которое входили непосредственно он сам, писарь, все старосты и сборщики податей волости. В волостях, представлявших собой сельское общество, должность старосты исполнял старшина. Сформированный в деревне аппарат самоуправления был наделён административно-полицейскими полномочиями. Крестьяне воспринимали его как исполнительный орган решений схода, воплощавший в себе власть «мира». Общественное самоуправление волости сосредоточивалось в руках «волостного старшины, сельского старосты, волостных судей и сборщиков податей»⁸⁷.

Должности старшины, старосты и сборщика податей являлись выборными. Общим Положением для первых двух был установлен трёхлетний срок службы, а для последнего – одногодичный. Однако в отдельных обществах происходило избрание главы «мира» на год. Произошло это в 1880 г. в Богородской волости Вологодского уезда⁸⁸. Законодательно было установлено обязательное избрание к должности старшины и старосты по кандидату (помощнику). Они должны были заменять их в случае отстранения от службы, болезни или смерти. 3 октября 1887 г. уездный исправник Тотемского уезда Е.Л. Красиков вызвал в полицейское управление г. Тотьма старшину Пятовской волости для личного объяснения причин «малоуспешного поступления денежных сборов» с крестьян волости. На период отсутствия последнего его обязанности поручались кандидату⁸⁹.

На практике в ряде сельских обществ, особенно в северо-восточных уездах губернии, крестьяне часто избирали вместо одного двух канди-

датов⁹⁰. В волостях и сельских обществах, располагавшихся на больших территориях, практиковалось избрание для старшин и старост помимо кандидатов дополнительных помощников для более эффективного исполнения ими служебных обязанностей. 16 августа 1916 г. на сельском сходе Готовской волости Яренского уезда, представлявшей одно общество, прошли выборы помощников старшине, а также к ним кандидатов. В результате были избраны: по с. Готовскому с д.д. Паньковской и Вылибской крестьянин Г.С. Бурдин 35 лет и к нему кандидатом – А.А. Павлов 49 лет; по д.д. Кучмозерской, Боровской и Ветлужской – В.М. Вурдов 49 лет; по д.д. Макарыбской и Зерзябской – Я.С. Обрезков 43 лет⁹¹. Данная практика применялась в Чувашии, где деревни также нередко состояли из нескольких общин, расположенных на больших расстояниях⁹².

На все остальные посты по усмотрению местного населения кандидаты либо выбирались, либо нанимались. К ним относились следующие должности: писарь, сторожа волостного правления и церкви, полицейские сотские и десятские, смотритель хлебного запасного магазина, лесные сторожа (полесовщики), пожарные сторожа и др. лица. Срок службы для них, как правило, ограничивался годом. Согласно Общему Положению избирать рекомендовалось людей благонадёжных и несудимых, а на должность старшины и старосты к тому же из числа домохозяев не моложе 25 лет. Данных условий сельские общества придерживались, предпочитая видеть во главе «мира» человека, пользовавшегося общественным земельным наделом. «Для того, чтобы <...> быть избранным в старосты и сборщики податей, необходимо пользование долей общинной земли», – уточнил неперемный член Вельского по крестьянским делам присутствия В.А. Багриновский, обследуя в 1878 г. Усть-Вельское общество одноимённой волости Вельского уезда⁹³. В конце 1906 г. Богоявленским волостным правлением Усть-Сысольского уезда было направлено предписание старосте Слободского сельского общества, в котором старшина напоминал ему о необходимости провести выборы на следующее трёхлетие (1907–1910 гг.) для охраны крестьянских дач подгородной запасной части волости полесовщика, пожарного старосты и кандидатов к ним по два человека каждому. Требования к кандидатам: «узаконенного возраста, т.е. не моложе 25 и не старше 60 лет, не состояли под судом и в других общественных должностях, были хорошего поведения, способны и благонадёжны к местной службе и не были единственными работниками в семье»⁹⁴.

Опубликованием 25 мая 1864 г. Высочайше утверждённого положения Главного комитета «О сроке выборов в должности по общественному крестьянскому управлению»⁹⁵ было положено начало установлению единых сроков выборов должностных лиц крестьянского самоуправления. Мировым съездам губерний по согласованию с губернским присутствием

поручалось самостоятельно разработать и принять единые сроки выборов либо для всего региона, либо отдельно для каждого уезда или его участка, «смотря по местным удобствам». После утверждения хронологических периодов все волости подразделялись на три очереди таким образом, что ежегодно выборы производились только в $\frac{1}{3}$ волостей участка. Вскоре этот порядок стал реализовываться на исследуемой территории, для чего Вологодским губернским по крестьянским делам присутствием был утверждён проект преобразования волостей⁹⁶.

В большинстве уездов временем избрания должностных лиц были определены первый и четвёртый кварталы года и лишь в некоторых волостных правлениях – весенне-летний период⁹⁷. В 1903 г. земский начальник шестого участка Вологодского уезда А.А. Можайский на запрос Богородского волостного правления «о времени проведения выборов» в волости писал: «...определённое ст. 117 Общ. Пол. постоянное в году время для производства выборов в общественные должности волостного и сельского управления крестьян назначено губернским присутствием январь месяц»⁹⁸. В свою очередь, Тотемский уездный съезд в 1905 г. уведомил земского начальника пятого участка С.И. Турбина о том, что «избрание должностных лиц крестьянского общественного управления по Кожуховской волости отнесено к третьей очереди»⁹⁹.

Введением централизованных выборов преследовались следующие цели. С одной стороны, уездным чиновникам легче было отслеживать смену должностных лиц в обществах и осуществлять контроль над деятельностью волостных правлений. Установив конкретные сроки, мировой посредник точно знал, где и когда пройдёт избирательная кампания. С другой – правительство стремилось к чёткой централизации управления в государстве и его унификации. При существовании разрозненных выборов достичь этого было проблематично. Единые – к тому же постоянные – сроки повышали эффективность их проведения. Это облегчало старшинам и старостам, в обязанность которых входили организация и проведение подобных мероприятий, созывать сходы. В частности, они могли предупредить домохозяев, намеревавшихся отправиться на заработки или промыслы, о предстоявших выборах.

Входившие в аппарат крестьянского самоуправления должности делились на две категории: исполнявшие за жалованье или безвозмездно. Во второй половине XIX в. к первой могли относиться старшины и старосты, их помощники, писари с помощниками, волостные судьи, сторож волостного правления и др. В соответствии с ведомостью расходов Богородского сельского общества Вологодского уезда за 1892–1894 гг. жалование получали староста и писарь, а кандидат старосты, сотский, десят-

ский, смотритель запасного хлебного магазина трудились бесплатно¹⁰⁰. В некоторых сельских обществах Вологодской губернии высшие административные чины общества вплоть до 1917 г. не получали денежного вознаграждения. Согласно ведомости о мирских расходах по Пятовской волости Тотемского уезда в 1887 г. жалованье полагалось старшине, старосте Пятовского общества, волостному и сельскому писарям, а также сторожу правления. В то же время старосты Медведевского и Матвеевского обществ его не имели¹⁰¹. В 1905 г. из 25 старост, избранных в Панфиловской волости Грязовецкого уезда, лишь один (Федотовского общества) исполнял свои обязанности безвозмездно¹⁰². В 1911 г. по Верхнераменскому волостному правлению Кадниковского уезда из 12 сельских старост только два получали жалованье¹⁰³. Причины подобных различий заключались в отсутствии законодательно установленных норм обязательного вознаграждения лиц крестьянского самоуправления. Решение о назначении денежного жалованья принималось на сходе каждым обществом индивидуально. Это, впрочем, было характерно для соседних с губернией регионов¹⁰⁴.

В начале XX в. вознаграждение за службу стало назначаться сборщикам податей, волостным судьям и церковным старостам. Однако по-прежнему исполнение многих постов оставалось бесплатным. Л.И. Сурина, подсчитав общее количество служивших в Вильгортском волостном правлении и Сретенском сельском управлении этой же волости Усть-Сысольского уезда, не получавших жалованье, указала, что в 1882 г. по волости исполнялось 68 подобных должностей, а в 1900 г. по Сретенскому обществу – 83¹⁰⁵.

Избрание (или наём) представителей сельского общества на службу осуществлялось на сходах, которые завершались принятием приговора. Данные решения обязательно утверждались уездным чиновником. Последний, в случае вынесения отрицательного решения, мог как предложить обществу избрать новое лицо, так и рекомендовать кандидатуру на своё усмотрение. Однако сельские общества защищали собственные интересы перед вышестоящим начальством и не всегда соглашались с его решением. Один из таких случаев был зафиксирован в Богородской волости, представлявшей одно сельское общество. 6 февраля 1879 г. мировым посредником второго участка Усть-Сысольского уезда А.Д. Кишкиным был назначен на должность сельского писаря Е. Шевелев. На последовавшем затем сельском сходе (8 февраля) домохозяева выразили несогласие с его мнением, отметив незнание кандидатом хозяйственной части счетоводства и незнакомство с жителями общества. В результате ими было принято решение оставить писарем Е. Игушева, который уже служил в этой должности более четырёх лет¹⁰⁶.

Прежде чем приступить к исполнению обязанностей, утверждённые в должности лица приводились к присяге «на верность службе», текст которой находился в волостном правлении. Крестьяне не всегда охотно соглашались пройти эту процедуру, приводя различные доводы для отказа. «Иной отговаривается тем, что одежда на нём не чиста, потому не может приступить к присяге, – отмечал корреспондент «Этнографического бюро» К. Кириллов в 1899 г., – другой – что скажет всю правду без присяги, считая её тяжким грехом; третий ссылается на то, что он родственник лицу, о котором ведётся дело»¹⁰⁷. Законодательно от неё был освобождён староста, но и он приводился к присяге. Осуществлять эту процедуру должен был уездный чиновник, тем не менее преимущественно она возлагалась на священника. Для этого устанавливалась конкретная дата, когда в волостное правление приглашались все избранные. 2 февраля 1907 г. в Слободском сельском обществе Богоявленской волости Усть-Сысольского уезда к присяге были приведены староста М.И. Коданёв, а также смотритель хлебного запасного магазина отставной унтер-офицер Т.Д. Полин, 18 февраля – сборщик податей В. Юркин и десятские В.Д. Попов, М.Л. Коданев, В.Д. Коданев, С.В. Коданев¹⁰⁸. После произнесения клятвы каждый подписывался под ней, указывая свою должность. В случае неграмотности присягнувшего от его имени ставил подпись крестьянин того же общества, которому он доверял это право. По окончании процедуры данный документ передавался на хранение в волостное правление или направлялся по месту службы крестьянина.

В тексте произносимой клятвы, который вплоть до революции оставался неизменным, подчёркивалось превосходство монархической власти над правами нижних сословий населения. Озвучивая его, человек, поступавший на службу, обещал соблюдать закон и защищать власть, и права самодержца, и вышестоящих органов. Он обязывал себя, в первую очередь, подчиняться их воле и законам, а не желаниям крестьян, т.е. того слоя населения, которое его избрало, и обычаям своего «мира». Причина этого заключалась в том, что при вступлении в должность избранное лицо право управления на местах получало от императора и, как следствие, действовало «Его Именем и по Его повелениям». Следовательно, в документе выражалось отношение населения к верховной власти – бесспорное подчинение воле самодержца и правительственного аппарата. Исследователи крестьянской общины в Коми крае считают, что с помощью данного акта правительство старалось вызвать у общинников большее уважение к выборным должностям, а также пресечь злоупотребления со стороны присягнувших крестьян¹⁰⁹.

Староста и старшина, являвшиеся главой сельской и волостной администрации соответственно, исполняли широкий круг обязанностей. Их

полномочия, согласно Общему Положению и циркуляру МВД от 13 декабря 1902 г. за № 24, распространялись на всех лиц, проживавших в пределах сельского общества или волости бывших податных состояний, а также отставных и бессрочноотпускных нижних чинов¹¹⁰. Старосте, отмечал корреспондент Ф.А. Гудков в 1898 г., в пределах его общества предоставлялась такая же власть, как и старшине в пределах волости¹¹¹. Они созывали и распускали крестьянские сходы, предлагали к обсуждению на них вопросы, следили за порядком во время заседания общих крестьянских «сходов» и т.п. Так, во время сельского схода на старосту возлагалось выполнение двух основных миссий: руководство процессом обсуждения выдвинутых вопросов и слежение за общественным порядком. Лишь в двух случаях он обязан был уступить своё первенство на сходе старшине: 1) во время проведения учёта заведования им мирскими суммами; 2) при обсуждении поступивших на него жалоб от крестьян¹¹². 23 января 1911 г. состоялся сход Коберского общества Койгородской волости Усть-Сысольского уезда, которым руководил старшина Карманов. На нём был произведён учёт местному старосте «в приёме и расходовании им мирских денег за время с 1 января 1910 по 1 января 1911 г.»¹¹³.

Полномочия руководителей крестьянской администрации были прописаны в Общем Положении и в исследуемый период не претерпели существенных изменений¹¹⁴. Основными из функций, возлагавшихся на них, являлось исполнения финансово-податных и административно-полицейских обязанностей. Подтверждением этому является тот факт, что за неудовлетворительное их исполнение они наиболее часто подвергались административному наказанию и штрафу. «Главная обязанность сельского старосты, – указывали крестьяне Богословской волости Вологодского уезда, – оброк собрать. Если он по этому справен, то ничего не боится. Эта же самая обязанность и поставляет его в большую зависимость от земского начальника, который за неисправленный взнос податей может посадить старосту от одного дня до месяца на высадку»¹¹⁵. Права старосты и старшины, как и других должностных лиц крестьянского самоуправления, достаточно широко освещены в историографии с привлечением архивного и этнографического материалов¹¹⁶.

Вся канцелярская работа возлагалась на писаря, который был более образованным, чем старшины и старосты, и постоянно находился при них. Крестьяне Бережнослободской волости Тотемского уезда так характеризовали взаимоотношения старшины и писаря: «...да и служить то что? – писарь всегда с ним (со старостой. – С.П.) – научит»¹¹⁷. Обладая по закону лишь правом ведения письменного делопроизводства, на практике писарь становился востребованным лицом в структуре крестьянского

самоуправления, оказывая влияние на местных должностных лиц. На рубеже XIX–XX вв. он являлся главным рычагом всего волостного управления в административном и судебном отношении. Нередко от его деятельности зависела эффективность исполнения своих обязанностей старшиной и старостой. В 1905 г. «руководитель» Новожиловского общества Вожегодской волости Кадниковского уезда подал жалобу земскому начальнику А.О. Ангелу на вновь избранного писаря, который «недоброкачественно ведёт делопроизводство», и просил заменить его прежним, с которым проработал семь лет. Свою просьбу он обосновал тем, что, являясь малограмотным, сильно зависел от последнего и его работы¹¹⁸. Особое воздействие на крестьянское самоуправление, включая волостные суды, данное должностное лицо имело в северо-восточных уездах губернии, где проживали зыряне, не знавшие русский язык. Лишь в волостях, где во главе правления стояли грамотные люди, он не имел столь существенного влияния, а сам находился в зависимости от них. Так, в Койгородском обществе одноимённой волости Усть-Сысольского уезда писарь, прежде чем принять какое-либо решение, касавшееся общественной службы, советовался со старшиной. И только после одобрения последнего выносил своё распоряжение¹¹⁹.

Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдался постоянный дефицит грамотных писарей, что беспокоило губернское начальство. Некоторые уездные чиновники в поисках кандидатов на эту должность прибегали к помощи местной прессы. В 1872 г. в «Вологодских губернских ведомостях» было опубликовано объявление мирового посредника Вельского уезда первого участка В.А. Ааронова «О вызове лиц на должность волостных писарей». При этом кандидаты должны были быть опытными, трезвыми и благонамеренными лицами, способными к исполнению данной должности. Далее указывался размер жалованья: «от 70 до 120 руб. и более, судя по занятиям, исполнительности и нравственности человека»¹²⁰. Однако подобные мероприятия не приносили существенных результатов. В 1916 г. губернатор В.А. Лапухин в циркуляре земским начальникам писал о недостатке «среди местного населения лиц, пригодных для писмоводства в волостных правлениях»¹²¹.

Ограниченное количество в губернии людей, способных к ведению делопроизводства по правлению, отражалось на процессе как их избрания, так и исполнения ими обязанностей. Во многих волостях региона писарь мог служить одновременно в нескольких сельских правлениях. В 1911 г. по Верхнераменскому волостному правлению Кадниковского уезда крестьянин Макаров состоял при должности по четырём обществам: Дмитриевскому, Претихинскому, Угольскому и Вороновскому, а по Аксентьевской волости избранный писарем Синявин трудился в трёх обществах¹²². Есте-

ственно, это затрудняло их деятельность, так как приходилось постоянно перемещаться между населёнными пунктами, а также ограничивало возможность крестьянского общества и уездного чиновника заменить служащего, который «злоупотреблял» своим положением. Отсутствие альтернативы в крестьянской общине отразилось на том, что писари, как правило, нанимались, а не избирались. При этом нередко на данную должность приглашались представители других сословий. В 1904 г. данный пост по Богородской волости Усть-Сысольского уезда занимал запасной старший писарь Санкт-Петербургской бригады отдельного корпуса пограничной стражи из мещан Усть-Сысольска М.Г. Сидоров¹²³.

В пореформенный период крестьяне предъявляли минимальные требования к образованности. Грамотным они считали человека, «умеющего сосчитать по бумажкам или монетам деньги, и подписать в известном случае фамилию»¹²⁴. Несмотря на это, во многих сельских и волостных правлениях Вологодской губернии писари были единственными грамотными служащими. Вопрос малограмотности среди лиц аппарата крестьянского самоуправления был затронут на одном из Вологодских губернских совещаний, но вариантов решения предложено не было¹²⁵. Между тем сложившееся положение являлось одной из причин низкой осведомлённости сельских жителей о службе и плохого понимания отдельных нормативных актов, что приводило к некачественному исполнению ими обязанностей при избрании на должность. В 1867 г. губернатор С.Ф. Хоминский обратил внимание губернского по крестьянским делам присутствия на факт, выявленный при личной беседе с сельскими и волостными начальниками. Многие из них плохо знали порядок составления приговоров об удалении из своей среды порочных членов¹²⁶. В мае 1905 г. Вологодское губернское присутствие по-прежнему отмечало случаи выявления незнания основной массой сельского населения законоположений¹²⁷. Хотя, как было отмечено во второй главе, в каждом правлении имелись книги с законами, и уездное начальство следило за их постоянным обновлением и пополнением.

Подобная картина наблюдалась не повсеместно. В 1911 г. после ревизии сельских правлений Аксентьевской волости земский начальник седьмого участка Кадниковского уезда П.И. Назарьев в отчёте отметил, что «старосты Подгорновского, Ульяновского и Чевакинского обществ люди толковые, с делом знакомы; прочие старосты (остальных 12 обществ. — С.П.) народ безграмотный и свои служебные обязанности усваивают плохо»¹²⁸. Аналогичное заключение им было сделано после проверки сельских обществ Верхнераменской волости. «Сельские старосты Езовского, Вичаговского, Куликовского, Малогорьковского, Семеновского, Угольского и Малаховского обществ люди толковые и с делами знакомы, —

отчитался земский начальник, — что же касается прочих старост (остальных пяти обществ. — *С.П.*), то таковые люди не грамотные, обязанности свои усваивают плохо»¹²⁹.

В среднем в отдельно взятой волости около половины должностных лиц являлись неграмотными. В 1865 г. по Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда по списку «волостных и сельских начальников, служащих по выбору», образованными являлись: старшина и его помощник; волостной заседатель; три из шести волостных судьи; один из шести старост и один из трёх сборщиков податей¹³⁰. В 1917 г. по Панфиловской волости Грязовецкого уезда из 25 сельских старост лишь 10 были грамотными¹³¹.

Избрание домохозяевами неграмотных крестьян в старосты было вызвано не только дефицитом образованных лиц в деревне, но и тем, что нередко на данном факте просто не концентрировалось внимание. Основными критериями при выборе кандидата выступали его взаимоотношения с коллективом, а также личные черты характера. Первоначально крестьяне обращали внимание на авторитет избранника в общине, его благосостояние, но постепенно порядок выборов превратился в формальность. В ряде «миров» подобный подход к избранию кандидата сохранялся вплоть до конца XIX в. В 1899 г. корреспондент «Этнографического бюро» А.А. Беляев, посетив Степуринскую волость Грязовецкого уезда, так охарактеризовал отношение местных домохозяев к общественной службе: «Общественные должности крестьяне считают великим, знатным и почётным делом. Поэтому большая часть крестьян стремится занять их, прибегая к разного рода средствам: задабриванию писаря, спаиванию вином выборных крестьян, чтобы больше отдали шаров за них. Но преимущественно, — заключает А.А. Беляев, — выбирались люди честные, трезвые и благонадёжные»¹³².

Для облегчения должностным лицам ведения документации губернское по крестьянским делам присутствие согласно предписанию министра внутренних дел рекомендовало волостным правлениям завести собственные печати¹³³. Одновременно создавались штемпеля для волостных и сельских должностных лиц с указанием их должности и названием волости (общества), где они состояли на службе. Использовались они в первую очередь неграмотными старшинами и старостами «для приложения к бумагам вместо подписи». Как следствие, указывал корреспондент И.Н. Ивонинский, в ряде местностей необразованный старшина по большей части ограничивал свою деятельность лишь приложением печати, которую у него было нелегко выпросить¹³⁴. Также она использовалась для заверения подписи «руководителя» правления под крестьянским приговором или иным документом, составленным при его участии. Например, договора между крестьянами Усть-Сысольского уезда и Главным управлением Кажимскими

горными заводами на подряд работ были заверены подписью и печатью старшины и старосты¹³⁵.

Во второй половине XIX – начале XX в. общественная служба являлась весьма затратным по времени занятием, требовавшим немало сил. Это зачастую отрицательно сказывалось на собственном хозяйстве крестьянской семьи. Кроме этого, выборные лица находились под жёстким контролем со стороны правительственной администрации и полиции, а возложенные на них полицейско-фискальные обязанности порождали недовольство со стороны общинников. Как следствие всего этого, большинство домохозяев смотрели на общественную службу как на нелёгкую повинность. Многие из них относили её к своего рода натуральной повинности. Подобное отношение к выборной должности проявляли домохозяева Поволжья. Здесь они готовы были даже передать её чиновникам¹³⁶.

Вскоре избрание на должности стало осуществляться в порядке очерёдности, которая могла нарушаться. В 1903 г. прихожане Богородской волости Вологодского уезда составили между собой очередь по охране приходской церкви с указанием чисел караула¹³⁷.

С точки зрения крестьян, самым тяжёлым было исполнение обязанностей нижних чинов полицейской службы в деревне – сотских и десятских, являвшихся единственными и непосредственными агентами полиции в селениях. Обременительным для сельского жителя было и несение бесплатных должностей, исполнение которых не позволяло им отправиться на заработки. В результате, как отметила Л.И. Сурина, зачастую вся эта тяжесть ложилась на беднейшую часть населения и середняков, так как на такие должности богатые за денежное вознаграждение нанимали вместо себя бедняка¹³⁸.

Исполняя свои обязанности, избранник должен был «балансировать» между вышестоящей властью и общиной, что удавалось не каждому. Нередко жители деревни требовали отстранения неугодного лица от занимаемой должности. Так, например, поступили в феврале 1906 г. домохозяева с. Визинги Усть-Сысольского уезда, выступив за снятие с должности ненавистных всем старшины и старосты¹³⁹. Как следствие, занятие общественной должности не являлось привлекательным для сельского обывателя.

Избранное лицо придумывало различные поводы для своего отстранения. В архивных фондах ГАВО сохранилось большое количество жалоб уездным начальникам со стороны крестьянских обществ на постоянное пьянство должностных лиц¹⁴⁰. В результате уездные чиновники увольняли «бездельника». Участники Вологодского губернского совещания с негодованием отзывались о подобных случаях. При этом они отметили, что это был самый распространённый способ избавления от ненавистной службы

среди «обывателей». «Практика показала, – было высказано на одном из совещаний, – что из десяти должностных лиц почти девять в этом находят для себя средство через год освободиться от службы»¹⁴¹.

В 1898 г. крестьяне Рябовской волости так охарактеризовали положение старшины: «Волостные старшины находятся в гораздо большей зависимости от крестьянства, чем урядники, ибо началом и продолжением своей службы они обязаны выборным. От этой должности многие отказываются всевозможными мерами, другие, напротив, напрашиваются, ожидая больших почестей. Но, прослуживши год, два, они вполне разочаровываются. Стать в прямое столкновение с крестьянами старшине невозможно, ибо массой они много сильнее его, поэтому ему приходится мироволить, смотреть, как говорится, сквозь пальцы на разные ненормальности, что в свою очередь ставит его в сложное положение перед подлежащим начальством, требующим всегда, чтобы он бразды управления держал крепко, точно и неуклонно исполняя всякое приказание»¹⁴².

Нередко крестьянин, уже являясь избранным на должность, подавал уездному начальнику прошение об освобождении от службы. Обосновывал своё желание он самыми разнообразными причинами: тяжёлым материальным положением; тем обстоятельством, что уже нёс службу по делам крестьянского самоуправления, и др. При этом многие из них не всегда являлись правдоподобными. Резолюция уездного начальства в таких случаях была отрицательной. 26 октября 1906 г. к земскому начальнику первого участка Усть-Сысольского уезда В.Н. Городецкому обратился крестьянин Слободского общества М.И. Коданев с просьбой освободить его от должности старосты, на которую он был избран сходом 8 октября 1906 г. В качестве причины отказа он указал состояние здоровья, а также семейные обстоятельства. «По случаю болезненного состояния и совершенной глухоты, – писал М.И. Коданев в обращении, – при том же, в будущем году старший сын должен поступить на военную службу и в семье его не останется работников, так как другие два сына ещё малы и в случае службы хозяйство его совсем запустится и придёт в упадок»¹⁴³. Для урегулирования вопроса чиновник послал запрос в сельское управление, на который получил ответ: «...избранное лицо нездоровым не замечается, считается в обществе самым зажиточным и вполне благонадёжным человеком, который может выполнять обязанности службы сельского старосты»¹⁴⁴. Как результат – «отказать в заявлении крестьянину и признать составленный приговор сельского схода верным, на основании ст. 62–64, 180 и 182 Общ. Пол.»¹⁴⁵. Нередко подобные прошения поступали от членов семьи должностного лица.

Не привлекала крестьян к занятию общественных должностей и материальная сторона вопроса. Размер денежного вознаграждения зависел от степени благосостояния общины и количества душ в ней. Согласно представленным в прил. 9 данным, в одном уезде зачастую наблюдались разные размеры жалований как по волостным правлениям (Ново-Никольская и Семенцовская волости Грязовецкого уезда), так и по сельским обществам. В конце XIX в. представители губернского совещания отметили, что жалование сельских писарей по губернии варьировалось от 3 до 220 руб.¹⁴⁶ В 1916–1917 гг. в Панфиловской волости Грязовецкого уезда доход сельских старост от исполнения общественной службы также сильно различался и составлял от 3 до 68 руб.¹⁴⁷ Подобная ситуация сложилась и в других регионах империи. Г.В. Бурлова, исследовав положение старост в Тамбовской и Рязанской губерниях, пришла к заключению, что низкое жалование вынуждало их искать всевозможные пути пополнения своего скудного бюджета¹⁴⁸.

Жалование должностного лица на протяжении нескольких лет оставалось неизменным. В исключительных случаях оно уменьшалось, как это произошло в 1887 г. в Пятовском волостном правлении (прил. 9). Согласно данным губернатора В.М. Страхова, в 1916 г. оклады волостных писарей, не превышавшие 360 руб. в год, составляли довольно значительную величину – 20%, «т.е. одну пятую часть всех окладов по 47 губерниям Европейской России»¹⁴⁹. Для сравнения: зарплата конторского писца на Нювчимском железодельном заводе (Усть-Сысольский уезд) в 1913 г. составляла 10 руб.¹⁵⁰

Таким образом, из исполнения выборной должности крестьяне не могли извлечь финансовую выгоду. Более того, на большинстве территории они наравне со всеми домохозяевами обязаны были нести подати и платить взимаемые с общины сборы. «В отбывании платежей и повинностей, – отметил в 1878 г. землемер В.М. Васильев, характеризуя финансовые привилегии служащих по Панфиловской волости Грязовецкого уезда, – старшины и старосты не пользуются никакой льготой»¹⁵¹. Аналогичная ситуация наблюдалась в Усть-Вельской волости Вельского уезда. «Должностные лица волостного и сельского управления никакими льготами в отбывании платежей и повинностей не пользуются», – констатировал неперменный член уездного по крестьянским делам присутствия В.А. Багриновский в 1878 г.¹⁵²

Уездные чиновники были прекрасно осведомлены о тяжёлом материальном положении крестьянских избранных. Поэтому они выступали против уменьшения им жалования, к чему стремились сельские общества. В начале 1914 г. выборные Подъельского волостного правления обрати-

лись к земскому начальнику четвёртого участка Усть-Сысольского уезда А.С. Михайлову с жалобой по поводу уменьшения им жалованья сельским сходом. Чиновник посчитал подобное решение последнего неправильным и не соответствующим исполняемому должностными лицами труду, поэтому он отменил решение «мира» от 3 ноября 1913 г. и потребовал восстановить содержание выборным волостного правления в прежнем размере¹⁵³.

В пореформенный период в представлении крестьян сформировался облик идеального старосты. Во-первых, он должен был соблюдать на «сходках» общинные традиции. Во-вторых, добросовестно исполнять свои функции, но не притеснять при этом местных жителей. В-третьих, заботиться об имуществе общества и оберегать его от растрат и хищений. К этому должны были стремиться все должностные лица. Однако представители «Этнографического бюро» отмечали, что в сельских обществах соответствовавшие указанным требованиям кандидаты встречались нечасто¹⁵⁴.

На практике избранные нередко забывали о возложенных на них коллективом надеждах и использовали свои полномочия в корыстных целях. В 1910 г. Вологодское губернское по крестьянским делам присутствие указало на распространённость среди старшин случаев сокрытия сумм, всякого рода штрафов и т.п., взыскиваемых по решениям судебных мест¹⁵⁵. Не указав их в денежных книгах правления, они использовали полученные средства для собственных нужд. Подобная картина наблюдалась в большинстве уездов губернии¹⁵⁶. После нецелевого использования собранных с населения денежных средств служащие зачастую покидали свои деревни, скрываясь от правосудия. Так, например, поступил старшина Шапшенской волости Кадниковского уезда в 1907 г., совершив растрату мирского капитала на сумму 398 руб. 36 коп.¹⁵⁷

Взыскание разнообразных штрафов с крестьян являлось широчайшим полем для обогащения представителей волостной администрации. Стремление домохозяев получить личную выгоду от исполнения общественной службы было характерно не только для северного крестьянства, но и соседних регионов страны¹⁵⁸. Г.А. Николаев отметил, что практически в каждом сельском обществе чувашей имелись лица, которые находили ту или иную должность мирского самоуправления удобной площадкой для реализации преследуемых ими корыстных целей¹⁵⁹.

Ответственность за хищения со стороны руководителей правлений, особенно если деньги предназначались для уплаты оброка, несли не только лица, совершившие проступок, но и всё общество. В этом проявлялась развитая в общине круговая порука, распространявшаяся на всех членов «мира». Поручительство крестьян за должностных лиц было закреплено

законодательно. В 1867 г. министр внутренних дел П.А. Валуев в предписании за № 3537 указал Вологодскому губернатору С.Ф. Хоминскому следующее: «...возложить сию ответственность (за растрату. – С.П.) на общество, не исключая и того случая, когда растрата произведена старостою, не обществом избранным, а назначенным мировым посредником»¹⁶⁰.

В ряде волостей региона среди выборных лиц было распространено взяточничество¹⁶¹. В 1899 г. крестьяне с. Покровское на Пучке Борисовской волости, а также Несвойской и Кубенской волостей Вологодского уезда среди взяточников указали «писарей и частью сотских»¹⁶².

При совершении какого-либо правонарушения выборное лицо освобождалось от занимаемой должности. В отдельных случаях по данному факту уездными правлениями заводились уголовные дела. В 1908 г. за потерю пакетов с документами на имя уездного исправника и пристава второго стана и невыполнение своих должностных обязанностей по сопровождению арестанта был привлечён к ответственности старшина Кортеросской волости Усть-Сысольского уезда М.Д. Кирушев¹⁶³.

Но не всегда осуждённый нёс ответственность за свои проступки. В начале XX в. в циркулярах уездной администрации сообщалось о том, что часто вместо должностного лица, приговорённого к аресту, наказание отбывало лицо «другое, по уговору между собою». Причиной этого указывалось отсутствие сопровождения данного человека со стороны сельской стражи к месту отбывания наказания¹⁶⁴.

В результате ненадлежащего исполнения избранныком служебных обязанностей отношение местного населения к нему было отнюдь не уважительным. Ярким примером этого являлись взаимоотношения, сложившиеся между крестьянами Бережнослободской волости Тотемского уезда со старшиной. «Волостные старшины не пользуются почтением среди местного крестьянства, – писал сельский учитель Л. Скворцов, – и редкий из крестьян при встрече снимет старшине шапку или даст ему дорогу; а то немало и таких, которые ответят ему грубою бранью, даже и в таком случае, когда он находится при исполнении служебных обязанностей»¹⁶⁵. Подобная картина наблюдалась в большинстве уездов губернии¹⁶⁶.

В то же время нередко поступавшие на волостные и сельские власти жалобы не имели под собой оснований и являлись клеветой. В 1880 г. из 324 претензий, направленных в уездные учреждения на членов волостных правлений, лишь 109 оказались справедливыми, а на сельских должностных лиц – 126 из 368¹⁶⁷. В 1905 г. Тотемский уездный съезд административного присутствия рассмотрел дело по обвинению старшины Кожуховской волости в преступлении по должности. В результате было решено «отменить статью, по которой его обвиняли за отсутствием состава пре-

ступления»¹⁶⁸. Неоправданные обвинения крестьянских должностных лиц со стороны общинников фиксировались и в других сельских обществах Российской империи.

Обобщая сказанное, отметим следующее: структура должностных лиц крестьянского самоуправления состояла из двух уровней, которые соответствовали административно-территориальным образованиям. Старшина, старосты, а также сборщики податей объединялись в коллегиальный орган общественной власти – волостное правление. Избрание кандидатов на службу осуществлялось из представителей местного сельского населения, за исключением должности писаря, который зачастую нанимался общиной. При непосредственном решении самих домохозяев её мог занять выходец из других сословий. Выборный аппарат воспринимался местным населением в качестве исполнительной власти в деревне.

§ 3. Взаимоотношения органов крестьянского самоуправления с уездной администрацией Вологодской губернии

Деятельность любой управленческой и общественной системы базируется на чётком выстраивании определённых взаимоотношений между её структурными подразделениями, не являлось исключением и крестьянское самоуправление в Вологодской губернии. Организация в северной деревне вертикали власти (село – волость) включала в себя как сотрудничество внутри каждого уровня и нижестоящей инстанции с вышестоящей, так и определённый уровень подчинённости. Старшина, возглавлявший крестьянский аппарат самоуправления, регулировал деятельность сельских обществ в административной, хозяйственной и полицейской части. Осуществлялось это посредством направления старосте поручений и предписаний, которые поступали от представителей уездной администрации: мировых посредников, земских начальников, станowych приставов, уездных лесничих и т.д. В конце 1906 г. старшина Богоявленской волости Усть-Сысольского уезда выслал старосте Слободского общества П. Юркину документ, в котором напоминал о необходимости проведения выборов на будущее трёхлетие (1907–1910 гг.) «для охранения крестьянских дач полесовщика, пожарного старосты и кандидатов к ним по два человека каждому»¹⁶⁹. Подобное сотрудничество представителей волостной и сельской власти являлось общероссийской практикой¹⁷⁰.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что организованная в северной деревне двухуровневая система самоуправления строилась на координации деятельности сельских должностных лиц со стороны волостной администрации. «Староста в своём обществе – власть, собственно, вполне самостоятельная, и от волостного правления его зависимость должна вы-

ражаться только своевременным представлением разных сведений и донесений об исполнении приговоров сельских и селенных сходов, – отмечали крестьяне Спасской и Шевденицкой волостей Тотемского уезда. – Но так как в старосты выбираются часто люди малограмотные, а иногда совсем безграмотные, то этим самым они становятся в необходимость обо всем справляться в правлении и только точно исполнять его приказания, чтобы дело не стояло»¹⁷¹. Подобную картину взаимоотношений представителей общественного самоуправления рисовали жители целого ряда волостей Грязовецкого и Кадниковского уездов. При этом они указывали, что зачастую староста во всём подчинялся земскому начальнику, волостному правлению и старшине и исполнял без уклонения все их распоряжения¹⁷².

Данная практика взаимодействия двух инстанций общественной власти существовала вплоть до отмены крепостного права и являлась естественным явлением в государственной концепции построения системы управления земледельцами. Так, 4 февраля 1852 г. волостной голова Вилгортской волости Усть-Сысольского уезда Л. Юшков направил Богоявленскому сельскому старшине Н. Изъюрову предписание с просьбой объявить крестьянам о начавшемся наборе в постоянную лесную стражу в Сольвычегодское лесничество¹⁷³. Н.П. Денисова, рассмотрев структуру управления в чувашской общине в первой половине XIX в., констатировала, что волостное правление осуществляло наблюдение за сельскими обществами по административной, полицейской и хозяйственной части, во многом дублируя функции последних. При этом решение проблем населения в две стадии ставило деятельность «мира» под строгий надзор администрации¹⁷⁴.

Воспринимаясь в качестве низшей ступени государственного управления на местах, что было показано ранее в процессе анализа как законодательной деятельности правительства, так и непосредственно самой структуры самоуправления, общественные органы рассматривались бюрократическим аппаратом власти в качестве связующего звена между основной массой населения – крестьянством – и административными учреждениями. Поэтому вполне очевидно, что эффективность деятельности государственного управления в деревне во многом зависела от уровня организации системы крестьянского самоуправления и непосредственного функционирования её органов. Для этого уездной администрации необходимо было осуществлять постоянный контроль за их работой, который реализовывался в процессе двухстороннего контакта волостных и сельских должностных лиц, главным образом, с мировыми посредниками (с 1889 г. – земскими начальниками). С.А. Трушков справедливо считает, что установление жёсткого надзора за деятельностью органов крестьянского самоуправления являлось важнейшей государственной задачей¹⁷⁵.

Согласно ст. 63 и 85 Общего Положения представители сельской власти должны были беспрекословно исполнять все правомочные требования мирового посредника и всех установленных законом властей по предметам их ведомства¹⁷⁶.

Обладая правом самостоятельного устройства системы управления своим обществом путём выбора должностных лиц и посещения общих собраний, на практике крестьяне реализовывали его под непосредственным руководством региональных представителей государственной власти, что выражалось в следующих основных формах: 1) разрешение созывать общие собрания домохозяев, в частности волости; 2) проверка и утверждение приговоров крестьянских сходов; 3) одобрение кандидатов, избранных сельским населением на службу. Остановимся более подробно на каждом из выделенных направлений.

Как было указано ранее, оповещение крестьян о предстоящей «сходке» находилось в компетенции старшин и старост, что было закреплено законом. Но если вторые распоряжались этим правом свободно, то первые не обладали самостоятельностью в вопросе определения времени сбора волостного схода. Одним из ярких тому подтверждений является предписание исполняющего дела мирового посредника Тотемского уезда от 7 августа 1866 г., в котором он указал старшине Пятовской волости не только дату созыва – 9 августа, но и время – к 7 часам утра¹⁷⁷.

На практике старшина обязан был не только получать у вышестоящего начальника разрешение на созыв выборных десятидворных в правлении, но и согласовывать с ним тематику выносившихся на обсуждение вопросов. В феврале 1867 г. мировой посредник первого участка Усть-Сысольского уезда А.П. Товиев потребовал от старшины Богоявленской волости В.И. Распутина немедленно выслать ему сведения о времени общего сбора участников и перечень планирующихся к обсуждению тем¹⁷⁸.

Волостной сход собирался только с разрешения уездного начальства или в случае поступивших от него предписаний, о чём указывалось в значительном количестве постановлений собраний домохозяев¹⁷⁹. Среди них приговор от 20 сентября 1888 г. Пятовской волости Тотемского уезда, в преамбуле которого писарь отметил: «...сход, собранный с разрешения Тотемского уездного по крестьянским делам присутствия...»¹⁸⁰. 14 октября 1905 г. старшина Петряевской волости Кадниковского уезда отправил запрос земскому начальнику А.О. Ангелу с просьбой разрешить созыв схода 30 октября, приложив к нему перечень вопросов, которые предполагалось решить¹⁸¹.

Одной из целей введения обязательного требования оповещения уездных должностных лиц о запланированном волостном собрании являлась возможность его посещения ими. Необходимо отметить, что как мировые

посредники, так и земские начальники нередко присутствовали на подобных мероприятиях. Их приезд, во-первых, дисциплинировал крестьян, которые в подобные дни всегда появлялись в правлении трезвыми и в чистой одежде, а во-вторых – положительно сказывался на ходе заседания: оно проходило спокойно, без ругани и выпивки. Крестьяне Спасской волости Тотемского уезда указали, что тишина на сходе наблюдается только в двух случаях: 1) когда на нём находится земский начальник или иное лицо какой-либо более высокой власти, чем старшина и 2) когда идёт голосование баллотировочными шарами¹⁸².

Необходимое требование признания решения схода законным – его одобрение уездным чиновником – было направлено на предотвращение неправомочной деятельности «сходов», которыми принимались заключения, не подлежавшие их ведению. Данная практика контроля существовала на протяжении всего исследуемого периода. Выражалась она в проверке всех приговоров мировыми посредниками (с 1889 г. – земскими начальниками) и чиновниками по крестьянским делам, которая завершалась либо их утверждением, либо отменой. Как правило, внимание уделялось анализу формальной стороны составления документа и его соответствия нормам Общего Положения. Однако это значительно ограничивало самостоятельность земледельцев, так как теперь они должны были больше внимания обращать на соответствие принятого положения законодательным нормам, а уж потом на собственные желания и интересы.

В 1887 г. чиновник по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда А.Ф. Арсеньев после ознакомления с приговором крестьян Богоявленского сельского общества от 10 декабря признал его недействительным, сославшись на примечание 3 ст. 51 Общего Положения. В частности, домохозяевами было принято решение о найме на 1888 г. на должность волостного писаря крестьянина А.Ф. Ожегова и о переводе волостного правления в другое помещение. Однако эти вопросы входили в компетенцию волостного схода, так как Богоявленская волость состояла из двух сельских обществ¹⁸³, и они не были первоначально включены в перечень проблем, вынесенных на рассмотрение¹⁸⁴.

В январе 1914 г. земским начальником четвёртого участка Усть-Сысольского уезда А.С. Михайловым был отменён приговор Деревянского сельского общества от 13 декабря 1913 г. об избрании старшины, его трёх помощников и кандидатов к нему, ввиду признания его не соответствующим ст. 188 Общего Положения. Крестьянами были избраны в помощники старшины М.А. Чувьуров, В.М. Чувьуров и А.С. Степанов на срок по году каждый по очереди, в то время как законодательством для всех выборных лиц, кроме сборщика податей, устанавливался трёхлетний срок службы¹⁸⁵.

При каждом аннулировании приговора, как уже ранее отмечалось, уездным начальством объяснялось, где была совершена ошибка или какая статья закона нарушена. Признание составленного земледельцами документа незаконным не было личной прерогативой представителя уездной администрации. После вынесения отрицательного «вердикта», он направлял его вместе с предписанием в уездный съезд, который на административном заседании выносил окончательное решение. В этом видится стремление государства, с одной стороны, оградить крестьян от злоупотреблений уездных должностных лиц, а с другой – минимизировать ошибки в деятельности самих чиновников.

В мае 1895 г. земский начальник шестого участка Вологодского уезда Н.А. Можайский отменил приговор сельского схода Чернятинского общества Богородской волости от 28 января, на котором был избран старостой крестьянин Колегов. Своё решение он обосновал преждевременностью новых выборов, так как срок службы действующего старосты Молодцова ещё не истёк. Вынесенное решение было подтверждено Вологодским уездным съездом 22 апреля, который постановил: «Преждевременный выбор крестьянина Колегова в сельские старосты Чернятинского общества признать не правильным и приговор от 28 января отменить»¹⁸⁶.

Однако деятельность уездной администрации не ограничивалась только аннулированием незаконных приговоров, она всё чаще начинала вклиниваться во внутренние дела общины, что выражалось в навязывании сходам своего мнения в решении внутриобщинных проблем. Нередко постановления принимались не в результате коллективного обсуждения, а по поручению уездного должностного лица. Данная тенденция особенно усилилась с введением института земских начальников. На это, в частности, указывали крестьяне Заднесельской волости Кадниковского уезда в конце 1890-х гг.: «С введением земских начальников стало обычным явлением, что сельские и волостные сходы своими приговорами только оформляют, так сказать, волю начальника»¹⁸⁷. Как следствие, Г.А. Евреинов, отметив существование коллегиального состава волостного схода лишь на бумаге, считал, что «крестьяне как сословие в этой второй инстанции своего сословного управления решительно не нуждаются»¹⁸⁸.

Апогеем зависимости органов крестьянского самоуправления от представителей уездной администрации стало предоставленное последним право утверждения в должности выбранных обществом лиц (об этом уже говорилось в предыдущем параграфе), что также являлось ярким проявлением стремления правительственного аппарата включить общинную структуру самоуправления в иерархию государственного устройства управления. Обращает на себя внимание факт, что это положение касалось не

только руководящих постов волости, а всех выборных должностей. Если административный состав сельской власти утверждался уездными начальниками, то остальные лица (лесничие, сотские, десятские и т.д.) – представителями учреждений, к введению которых они относились. Приведём несколько примеров.

В августе 1866 г. исполняющий обязанности мирового посредника по Тотемскому уезду одобрил выбор старост крестьянами сельских обществ Пятовской волости¹⁸⁹. 10 мая 1874 г. лесничий Усть-Сысольского лесничества А.И. Некраш направил в Киберское волостное правление реестр лиц, утверждённых Управлением государственных имуществ в полесовщики и пожарные старосты, а также кандидатов к ним на трёхлетие (1874–1876 гг.), избранных обществом¹⁹⁰. 14 января 1883 г. пристав первого стана Усть-сысольского уезда А.Н. Якубов затребовал от старшины Киберско-Спасской волости Пунегова, чтобы ему выслали список избранных обществом полицейских сотских и десятских с копией приговора для последующего утверждения их в должности¹⁹¹. О согласовании с «надлежащим начальством» кандидатур полицейских сотских сообщалось на Вологодском губернском совещании Редакционной комиссии МВД в конце XIX в.¹⁹² В начале 1913 г. земский начальник второго участка Усть-Сысольского уезда С.Н. Ламанский утвердил на трёхлетие старшиной Киберской волости домохозяина Куратова¹⁹³.

Подводя промежуточный вывод, можно уверенно говорить о том, что в анализируемый исторический период крестьянские исполнительные органы находились под постоянной опекой представителей губернской власти. Н.М. Дружинин, исследовав взаимоотношения мировых посредников со старшинами и старостами в годы становления в сельской местности аппарата самоуправления, раскритиковал их поведение в отношении общественных должностных лиц. «По старой крепостной привычке, – пишет в своей работе академик, – мировые посредники предпочитали отдавать беспрекословные приказы старостам и старшинам, которые по закону зависели от них и должны были подчиняться их распоряжениям»¹⁹⁴. В свою очередь А.А. Александров считает, что волостные и сельские общественные органы находились под надзором не мировых посредников, а помещиков, которые посредством первых руководили сельским обществом¹⁹⁵.

В последующем наблюдалось ужесточение контроля над деятельностью «руководителей» обществом со стороны представителей уездной администрации. Старшина нес ответственность не только перед крестьянами, но и земским начальником за всё, что происходило в деревне. За плохое (с официальной точки зрения) выполнение служебных обязанностей выборные лица могли подвергаться штрафу до 5 руб., непродолжитель-

ному аресту (до 7 дней) и суду¹⁹⁶. В 1911 г. старшина Петряковского правления был дважды оштрафован земским начальником седьмого участка Кадниковского уезда на 9 руб. 50 коп. «за не наблюдение по приведению в исправность пожарных машин», а старшина и писарь Сиземского общества Вологодского уезда были оштрафованы на 2 и 1 руб. соответственно за «медленное исполнение распоряжения» земского начальника¹⁹⁷. В этом же году начальник третьего участка Вологодского уезда подверг аресту старосту Порозовского общества Вепревской волости на семь суток за «не своевременное представление в волостное правление сведений по продовольственной задолженности населения»¹⁹⁸. Б.Н. Миронов видит в этом тенденцию к превращению крестьянских выборных в чиновников¹⁹⁹.

Уездные начальники весьма активно пользовались правом наказания нерадивого «подчинённого». В 1866 г. исполняющий обязанности мирового посредника по Тотемскому уезду, воспользовавшись нормой ст. 122 Общего Положения, отстранил от занимаемой должности старшину, мотивируя своё решение следующим образом: «как совершенно не исполняющий своей прямой обязанности». На его место он предложил «допустить» кандидата удалённого старшины – крестьянина Алексея Васильевича Юркина²⁰⁰. Увольнение с должности земледельцев, не справлявшихся с обязанностями, являлось крайней мерой борьбы представителей уездной администрации с малой эффективностью функционирования органов местного самоуправления. Как правило, применялись такие методы воздействия, как приглашение в уездное правление для дачи объяснений, вынесение предупреждения, наложение штрафа, заключение под арест и т.д. Например, в июне 1862 г. мировой посредник третьего участка Грязовецкого уезда А.Н. Шарыгин на неоднократно поступавшие от крестьян Ново-Никольской волости жалобы на невыполнение старшиной своих обязанностей и его постоянное пьянство, а также вследствие безответственного отношения к указаниям вышестоящего уездного начальника отреагировал приговором должностного лица к аресту на пять суток²⁰¹.

В 1880 г. в Вологодской губернии было удалено от должности 18 и 36; подвергнуто выговорам, замечаниям и штрафам 167 и 249 старшин и старост соответственно²⁰². В начале XX в. только по ст. 61 и 62 Положения «О земских участковых начальниках»²⁰³ было вынесено несколько тысяч наказаний. Так, в 1900 г. по ст. 61 было зафиксировано 2815 случаев, а по ст. 62–1626; в 1901 г. – 1962 и 1699 фактов соответственно²⁰⁴. В 1902 г. земским начальником Кадниковского уезда по второму участку Е.Е. Петровым был удалён с должности волостной писарь, а два старшины, волостной писарь и 19 старост – подвергнуты административным взысканиям²⁰⁵. В 1913 г. особым по крестьянским делам управлением по Глотовской во-

лости Яренского уезда были подвергнуты различным взысканиям и штрафам, а также получили выговоры, замечания старшина и шесть волостных писарей²⁰⁶.

Итак, органы крестьянского самоуправления находились под постоянной «опекой» представителей уездной администрации и зависели от них. Последнее отмечали сами крестьяне, на что ранее обращалось внимание. Проявлялось это не только в процессе избрания на службу, но и в повседневной деятельности. В 1898 г., характеризуя взаимоотношения земского начальника с руководителями Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда, корреспондент «Этнографического бюро» Ф.А. Гудков отметил, что вышестоящий чин «бдительно следит за надлежащим исполнением своих обязанностей должностными лицами сельскообщественного и волостного управления», и навещает волостные правления по несколько раз в месяц²⁰⁷.

Посещение уездными начальниками крестьянских правлений с целью проверки эффективности их работы и исполнения ими распоряжений вышестоящего начальства было обычным явлением. В начале XX в. Вологодское губернское присутствие «рекомендовало» земским начальникам «ревизии подведомственных им волостных правлений и волостных судов производить не менее двух раз, а ревизии сельских управлений не менее раза в год»²⁰⁸. Завершались они составлением акта, в который вносились сведения: 1) о должностном лице; 2) о текущем состоянии делопроизводства – ведении следующих книг: приговоров, учёта мирского запасного капитала и мирских сумм; 3) о ведении противопожарной, податной и продовольственной деятельности. В конце акта ревизии составлялось общее заключение инспектирующего, в котором излагались выявленные нарушения и давались рекомендации по их устранению.

После осмотра Важкурского сельского управления Небдинской волости Усть-Сысольского уезда 15 ноября 1911 г. земский начальник первого участка В.Н. Городецкий постановил: «Вменить Важкурскому сельскому управлению в обязанность: а) составить расписание тех противопожарных снарядов, которые каждый домохозяин обязан иметь у себя и являться с ним на пожар, каковое расписание представить на рассмотрение и утверждение схода; б) подворную книгу за каждый текущий год заполнять статистическими сведениями на срок не позднее 1 декабря. Сельскому старосте вменить в обязанность: пересмотреть список домохозяев, имеющих право голоса на сходе и представить таковой на рассмотрение и утверждение схода. Сельскому писарю Артемьеву вменить в обязанность: более основательно ознакомиться с Общим Положением о крестьянах, с постановками к оному разъяснениями и действующими циркулярами, знакомя с тем же и сельского старосту»²⁰⁹. Копии подобных актов направлялись

начальниками в губернское присутствие для утверждения и в сельское общество для принятия к действию и выполнения пожеланий инспектирующего. Представители уездной власти достаточно серьёзно относились к подобным мероприятиям. Как правило, их замечания являлись обоснованными и были направлены на повышение эффективности, как организации, так и функционирования крестьянского самоуправления.

Нередко подобный визит государственного лица заканчивался перестановками в рядах сельской администрации, а также увольнением служащего крестьянина. Столь кардинальные меры, как и в предыдущем случае, были направлены на установление порядка в управленческой структуре и стабильной деятельности института самоуправления. 15 мая 1883 г. чиновник по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда Ф.А. Арсеньев уволил писаря Киберской волости Куликова ввиду того, что тот допускал «неисправности» в делопроизводстве и являлся малограмотным. На его место он назначил писаря Богоявленской волости Михаила Никифорова²¹⁰. В марте 1908 г. земский начальник седьмого участка Кадниковского уезда после ревизии Шапшенского волостного правления выявил факт растраты мирских средств на сумму 398 руб. 98 коп. Так как старшина скрылся, не предоставив никаких объяснений, было принято решение об отстранении его от должности, которое 23 марта было одобрено административным присутствием уездного съезда²¹¹.

Подчинённость крестьянского общественного самоуправления губернской администрации наиболее чётко прослеживалась в системе делопроизводства. Направлявшиеся в сельские общества распоряжения зачастую содержали рекомендации для руководства волостным и сельским органом власти, а также предписания выборным должностным лицам, обязательные для исполнения. Конечным адресатом выступало сельское управление в лице старосты. В 1897 г. крестьяне Заднесельской волости Кадниковского уезда обрушились с критикой на сложившуюся между крестьянскими правлениями и уездными чиновниками систему делопроизводства. «С введением земских начальников, — отзывались они, — положение старост значительно ухудшилось, по крайней мере, у нас. Эта близко стоящая к народу власть свой контроль над крестьянской жизнью свела к бесконечному бумагомаранию, требуя от старост представления избираемых, учётных, раскладочных и землепеределных приговоров в двух экземплярах, чего прежде вовсе не было»²¹².

В особых случаях губернатор отходил от общепринятой системы и напрямую направлял свои распоряжения не только уездным начальникам, но и волостным правлениям. При этом первым в данном случае поручалось наблюдать за «правильным исполнением означенного требова-

ния»²¹³. В годы Русско-турецкой войны (весной 1878 г.) генерал-лейтенант С.Ф. Хоминский в ответ на циркуляр МВД от 5 марта за № 11 направил волостным правлениям Вологодской губернии распоряжение, в котором подтвердил все лежащие на них обязанности по призрению нуждающихся семейств нижних чинов²¹⁴. Затем он издал ещё один циркуляр, предписывавший волостным правлениям «разъяснять, в случае надобности, потерпевшим от войны лицам – куда им следует обращаться с просьбами о вспомоществовании»²¹⁵.

Общественные органы самоуправления в лице старшин и старост всё чаще становились исполнителями волеизъявления правительственного аппарата и губернской администрации, что было характерно для многих регионов страны²¹⁶. М.В. Нежина, изучив функционирование местной администрации в Приморском крае, отметила, что основной целью деятельности волостных и сельских учреждений стало не соблюдение интересов избравшего их общества, а исполнение приказаний начальства²¹⁷. Руководители крестьянских правлений обязаны были докладывать о выполнении предписания вышестоящему должностному лицу, что, в свою очередь, также усложняло процедуру делопроизводства. На каждый документ, поступивший в волость, старшина и староста должны были отвечать²¹⁸.

Подводя итог, подчеркнём, что органы крестьянского самоуправления находились под постоянным наблюдением представителей уездной администрации, которое зачастую сводилось к всестороннему контролю. В то же время они заботились о повышении работоспособности общественных должностных лиц и их благосостоянии. Ранее уже отмечалось, что с их стороны уделялось пристальное внимание повышению правовой грамотности сельского общества. Ими направлялись на места различные сборники постановлений и законов. Земские начальники разъясняли сельским жителям, находившимся на службе, непонятные для них нормы Общего Положения и постановлений правительства как при личной встрече, так и через представителей местного самоуправления.

Зная о тяжёлом материальном положении крестьянских избранников, понимая, что нередко им приходится исполнять служебные обязанности в ущерб собственному хозяйству, уездные чиновники противились желанию сельских обществ уменьшить тем размер жалованья. Данная существующая проблема была замечена губернской администрацией. 19 января 1916 г. руководитель губернии В.М. Страхов в циркуляре за № 495 предложил «земским начальникам обратить самое серьёзное внимание на необходимость всемерной заботы о материальном обеспечении писарей тех волостей, в которых оклады содержания по местным условиям представляются явно недостаточными. При этом им поручалось на ближайших

волостных сходах, посвященных составлению сметы мирских расходов, лично разъяснять домохозяевам о целесообразности повышения данных сумм»²¹⁹. В итоге волостные должностные лица получали жалование значительно выше, чем члены сельского правления.

Одним из аргументов в подтверждение того, что выстроенный принцип взаимоотношений органов крестьянского самоуправления с уездной властью был, в том числе, направлен на повышение уровня их организации в северной деревне, является ответ Вологодского губернского совещания Редакционной комиссии МВД по пересмотру законодательства о крестьянах, данный на предложение заменить выборность – назначением. «Отказаться от замещения должностных лиц по выбору и перейти к назначению их правительственною властью нежелательно и неудобно, – высказывались участники совещания, – так как лица, назначаемые Правительством, неизбежно будут стоять вне интересов общественной жизни, а служебные нарушения, причиняющие имущественный ущерб, не будут гарантированы, и общество не будет являться ответственным за лицо, не им избранное»²²⁰.

Итак, взаимоотношения представителей крестьянского самоуправления с уездной администрацией строились на подчинении нижестоящей инстанции управления вышестоящей, что являлось естественным. Выступавшие связующим звеном в вертикали государственного управления крестьянством выборные должностные лица и сходы находились под контролем со стороны уездных начальников, который при этом развивался в направлении ужесточения. В результате волостные и сельские руководители, с одной стороны, становились исполнителями волеизъявления своего начальства, а с другой – они должны были представлять и реализовывать интересы сельского общества.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в Вологодской губернии существовала система крестьянского самоуправления, состоявшая из крестьянских сходов и выборных должностных лиц. Посредством их регулировалась повседневная деятельность членов сельского общества, решались хозяйственно-экономические, административно-полицейские, социально-бытовые и др. вопросы. Этим органам были присущи черты демократизма, которые проявлялись в представительстве на сходе интересов членов общины, коллективном принятии решений, в механизме выбора всеми домохозяевами должностных лиц и их отчётности по истечении срока службы на «сходке» и т.д.

Крестьянский выборный аппарат одновременно являлся исполнителем решений «мира» и поручений представителей уездной администрации. Как следствие, он выступал связующим звеном между сходами и региональными учреждениями государственной власти, что отражалось

на его повседневной деятельности. В частности, если сельские избранники главным образом взаимодействовали с «миром», то волостные – с уездными начальниками. Поэтому именно старшина являлся «вестником» правительственных нововведений в общине.

Воспринимаясь бюрократическим аппаратом как низшее звено в системе местного управления деревней, крестьянские органы находились под постоянным контролем губернских и уездных чиновников, что отражалось как на их взаимоотношениях, так и на организации делопроизводства. Наиболее выраженную форму это приобрело с введением института земских начальников. При этом наибольший надзор проявлялся в отношении старшины.

Новые явления в социальной и экономической жизни региона вносили изменения в формирование органов самоуправления. В частности, происходило расширение участников крестьянских сходов; на общее собрание домохозяев выносились новые аспекты обсуждения, в первую очередь связанные с землевладением; усиливалось положение селенных сходов в решении внутриобщинных вопросов и т.д. Наблюдалось падение авторитета несения общественной службы в выборных должностях. В большинстве случаев земледельцы начинали воспринимать её как повинность, отвлекающую от занятия сельским хозяйством и промыслом. Однако по уездам Вологодской губернии данные процессы происходили неравномерно, что было обусловлено уровнем развития социально-экономических отношений в конкретном регионе и нашло отражение в различиях, выявленных между сельскими обществами и волостями как в пределах уезда, так и между ними.

Примечания

1. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. С. 33, 473, 541.
2. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 46, 69.
3. Еремян В.В., Федоров М.В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.). М., 1998. С. 146.
4. Русские крестьяне. ... Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. С. 52.
5. Общее положение о крестьянах // Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906 г.). 2-е изд. СПб., 1908. С. 55.
6. Мухин Д.А. Практика проведения сходов крестьянами Вологодской губернии [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 17 online. С. 157. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/17online/> (дата обращения: 15.03.2013).

7. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–13об.
8. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 159.
9. Там же. Ч. 2 ... С. 53.
10. См., например: Никитина Г.А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1990 гг.). Ижевск, 1993. С. 49; Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. С. 28; Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX в. (1861 – февраль 1917 гг.). Сыктывкар, 2013. С. 58.
11. Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987. С. 50–56.
12. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–23об., 217–218.
13. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М., 1984. С. 84.
14. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община, рубеж XIX–XX вв. – 1917 г.: по материалам губерний земледельческого центра страны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 62; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, М.А. Миненко, И.В. Побережников. М., 2003. С. 81; Чуваши: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары, 2009. Т. 2. С. 29.
15. ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 552а. Л. 9; НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.
16. Решение Гражданского Кассационного департамента правительствующего Сената. 1884 г. № 67 // Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.). 8-е изд., значит. доп., испр. и перераб. СПб., 1911. С. 73.
17. Документы по истории крестьянской общины. 1861–1880 гг. / сост. Л.И. Кучумова, отв. ред. А.М. Анфимов, Б.Г. Литвак: в 5 т. М., 1991. Т. 5. С. 24–25.
18. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 510. Л. 15об.
19. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 40об.
20. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1877. Т. 50. Отд. 2. № 55291.
21. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27. Л. 31–31об.
22. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 115, 117.
23. Указ второго департамента Правительствующего Сената от 10 июня 1888 г. № 3371 // Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Свод Законов, особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1912 г.). 10-е изд., значит. доп., испр. и перераб. СПб., 1916. С. 150.
24. Высочайше утверждённое положение департамента Государственного Совета от 10 июня 1913 г. // Сборник узаконений ... 10-е изд. ... С. 151.
25. Дедюлин С.А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах (ответы на вопросы министра внутренних дел). СПб., 1902. С. 91.
26. Беннигсен Э.П. К вопросу о пересмотре законодательства о крестьянах из заметок практика. СПб., 1902. С. 9–10.

27. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 33.
28. Никитина Г.А. Указ. соч. С. 58.
29. Петров Н.А. Община и обычное право чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2000. С. 72; Чуваши: история и культура ... С. 30.
30. Документы по истории ... С. 52, 87, 108, 132, 160.
31. Чарушин А.А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск, 1911. С. 5–6.
32. Плоцкая О.А. Обычное этническое право коми (зырян): монография. Сыктывкар, 2013. С. 92.
33. Документы по истории ... С. 64.
34. Там же. С. 77.
35. Там же. С. 119.
36. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 171.
37. Там же. С. 676.
38. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1: Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). С. II, 247.
39. Русские крестьяне. ... Ч. 4: Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 117, 347.
40. Там же. Ч. 2 ... С. 395.
41. Прокофьева Т.П. Местное самоуправление в России глазами крестьян // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нём. М., 1998. С. 394.
42. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 33.
43. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 505. Л. 32.
44. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 779.
45. НАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 275. Л. 16.
46. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 159.
47. Там же. С. 33, 541; Ч. 2 ... С. 395, 675; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., С. 551; Ч. 4 ... С. 80; ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 40об., 53.
48. Свод заключений ... С. 185.
49. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 542; Ч. 2 ... С. 60.
50. Там же. Ч. 1 ... С. 159; Ч. 4 ... С. 348.
51. Вронский О.Г. Указ. соч. С. 64.
52. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 510. Л. 15об.
53. Русские крестьяне. ... Ч. 3 ... С. 552.
54. Краткий экономический очерк Вологодской губернии // Ежегодник Вологодской губернии за 1911 г. Вологда, 1911. С. 115.
55. НАРК. Ф. 47. Оп. 2. Д. 89. Л. 29, 37.
56. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 232. Л. 10об.
57. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Указ. соч. С. 63.
58. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 542.
59. Сельское и городское самоуправление на Урале ... С. 84.

60. Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 10; Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. М., 1905. С. 9.
61. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 159.
62. Там же. Ч. 2 ... С. 779.
63. Там же. Ч. 1 ... С. 473.
64. Циркуляр МВД от 28 ноября 1898 г. № 19 // Сборник узаконений ... 8-е изд. ... С. 101.
65. Указ второго департамента Правительствующего Сената от 8 декабря 1906 г. № 8366 // Там же. С. 101.
66. ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 552а. Л. 150–151.
67. Там же. Л. 99–99об.; Ф. 97. Оп. 1. Д. 9. Л. 21–22.
68. Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 30.
69. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–62.
70. Документы по истории ... С. 9.
71. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 160, 473; Ч. 2 ... С. 53, 60, 171; Ч. 4 ... С. 81, 117, 238, 347, 443.
72. Документы по истории ... С. 52, 64, 77.
73. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 395.
74. Документы по истории ... С. 108.
75. Там же. С. 173.
76. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 93. Л. 7об.
77. ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 6; Ф. 679. Оп. 1. Д. 14, 15, 60; Ф. 680. Оп. 1. Д. 7–9, 15.
78. Там же. Ф. 750. Оп. 1. Д. 26. Л. 42–57.
79. Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. 127. Л. 8–9.
80. Сельское и городское самоуправление на Урале ... С. 88.
81. Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1995. С. 57–58.
82. Прокофьева Т.П. Указ. соч. С. 390–406.
83. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 9. Л. 5–5об.
84. Там же. Л. 8; Ф. 279. Оп. 1. Д. 515. Л. 7об.–8.
85. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 62. Л. 13.
86. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.
87. Скворцов Л. Бережнослободская волость, Тотемского уезда (Этнографический очерк) // ВГВ. 1880. 18 февраля. С. 1.
88. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–4об.
89. Там же. Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 181–182.
90. НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 20. Л. 39–39об.
91. Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 89. Л. 22–22об. Кандидаты к В.М. Бурдову и Я.С. Обрезкову в тексте приговора не указаны. Поэтому мы склонны предполагать, что они не были выбраны.
92. Денисова Н.П. Административно-фискальные и правовые функции общины у чувашей // Вопросы истории дореволюционной Чувашии: сборник статей / под ред. Н.Е. Егорова, В.А. Прохорова. Чебоксары, 1984. С. 52.
93. Документы по истории ... С. 28.
94. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 517. Л. 4–4об.

95. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40943.
96. ГАВО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 67. Л. 34.
97. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 33. Л. 131–131об., 170–170об.; Ф. 47. Оп. 1. Д. 89. Л. 22об.–23.
98. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.
99. Там же. Ф. 680. Оп. 2. Д. 3. Л. 108.
100. Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. 52. Л. 37.
101. Там же. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 30–31.
102. Там же. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.
103. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 39–42об., 45.
104. Никитина Г.А. Указ. соч. С. 63; Трушков С.А. Специфика деятельности мировых посредников в Вятской губернии (1861–1874 гг.) // Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение (к 150-летию отмены крепостного права в России): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Киров, 19–20 мая 2011 г.). Киров, 2011. С. 71.
105. Сурина Л.И. Крестьяне Приустысьсольских волостей Вологодской губернии в конце XIX и начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. С. 324.
106. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.). Научный отчёт. Сыктывкар, 2008 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 757. Л. 79.
107. Русские крестьяне. ... Ч. 3 ... С. 510.
108. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 541. Л. 6.
109. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края ... С. 77.
110. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 62, 82; ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 127. Л. 7–7об.
111. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 54.
112. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 48.
113. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 245–246.
114. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 58, 60, 62–65, 81–86.
115. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 544.
116. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 1960. С. 144–145; Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1981. Т. 106. С. 340–341 и др.
117. Скворцов Л. Указ. соч. С. 1.
118. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 80–81.
119. Русские крестьяне. ... Ч. 4 ... С. 445.
120. О вызове лиц на должность волостных писарей // ВГВ. 1872. 13 мая. С. 1.
121. ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3456. Л. 5.
122. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 39об., 48–48об.
123. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края ... С. 214.
124. Скворцов Л. Указ. соч. С. 1.
125. Свод заключений ... С. 534.
126. ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 47.
127. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

128. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 39.
129. Там же. Л. 48.
130. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–15.
131. Там же. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 13. Л. 12–13об.
132. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 12.
133. Распоряжения по крестьянскому делу. Постановление Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия. Заседание 2 ноября 1861 г. // ВГВ. 1861. 25 ноября. Приложение.
134. Русские крестьяне. ... Ч. 3 ... С. 67.
135. НАРК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 25, 27.
136. Петров Н.А. Указ. соч. С. 67.
137. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.
138. Сурина Л.И. Указ. соч. С. 325–326.
139. Чупров В.И. Коми край в трёх русских революциях. Сыктывкар, 1985. С. 41.
140. ГАВО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 67. Л. 27–28; Ф. 65. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–4об.; Ф. 76. Оп. 1. Д. 433 и др.
141. Свод заключений ... С. 730.
142. Русские крестьяне. ... Ч. 3 ... С. 560.
143. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 541. Л. 1–1об.
144. Там же. Л. 3–3об.
145. Там же. Л. 4.
146. Свод заключений ... С. 610.
147. ГАВО. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 13. Л. 12–13об.
148. Бурлова Г.В. Сельский староста: полномочия и деятельность во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Тамбовской и Рязанской губерний) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. Т. 85. № 5. С. 83.
149. ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3456. Л. 5.
150. НАРК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 332. Л. 139.
151. Документы по истории ... С. 12.
152. Там же. С. 25.
153. НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–2об.
154. Русские крестьяне. ... Ч. 1 ... С. 543; Ч. 4 ... С. 349.
155. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 55. Л. 37.
156. ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 26; Ф. 64. Оп. 1. Д. 67. Л. 68–68об.; Ф. 76. Оп. 1. Д. 1609. Л. 10–10об.; Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3, 34.
157. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 31–31об.
158. Бирюков А.В. Указ. соч. С. 50.
159. Чуваши: история и культура ... С. 30.
160. ГАВО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 18. Л. 45.
161. Русские крестьяне. ... Ч. 3 ... С. 292.
162. Там же. Ч. 1 ... С. 477.
163. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 22.
164. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 127. Л. 3.
165. Скворцов Л. Указ. соч. С. 1.

166. Попов С.А. Сопротивление крестьян должностным лицам волостных и сельских правлений в 1860–1880 гг. // История перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность: материалы I Международной научной конференции (г. Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. С. 51–53.

167. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881. С. 39.

168. ГАВО. Ф. 680. Оп. 2. Д. 3. Л. 94–95.

169. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 517. Л. 4.

170. Бирюков А.В. Указ. соч. С. 45.

171. Русские крестьяне. ... Ч. 4 ... С. 84.

172. Там же. Ч. 2 ... С. 60, 173, 397, 677.

173. НАРК. Ф. 89. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–3об.

174. Денисова Н.П. Указ. соч. С. 49.

175. Трушков С.А. Указ. соч. С. 70.

176. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 63, 85.

177. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

178. НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

179. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 33; Ф. 54. Оп. 3. Д. 15. Л. 140–140об.; Ф. 279. Оп. 1. Д. 524.

180. ГАВО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 21.

181. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 215–216об.

182. Русские крестьяне. ... Ч. 4 ... С. 81.

183. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 230.

184. НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 309. Л. 43.

185. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–3об.

186. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 52. Л. 14об.

187. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 676.

188. Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. 2-е изд. СПб., 1904. С. 122.

189. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 68об.

190. НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 25. Л. 5–6об.

191. Там же. Д. 29. Л. 40об.

192. Свод заключений ... С. 672.

193. НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 15. Л. 178–178об.

194. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978. С. 42.

195. Александров А.А. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX в.: сборник статей / отв. ред. Н.П. Лигенко. Ижевск, 1996. С. 84.

196. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 125; СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2. № 40156; О порядке взыскания вознаграждения за вред и убытки, причинённые должностными лицами, служащими по выборам: указ Правительствующего Сената по первому департаменту от 29 декабря 1881 г. за № 45960 // ВГВ. 1882. 25 января. С. 1.

197. ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2787. Л. 1–2; Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 30.
198. Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2787. Л. 2об.–3.
199. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд. СПб., 2000. Т. 1. С. 464.
200. ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.
201. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–4об.
202. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. ... С. 39.
203. ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. № 6196.
204. Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901. С. 56; Обзор Вологодской губернии за 1901 г. Вологда, 1902. С. 94.
205. ГАВО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.
206. НАРК. Ф. 47. Оп. 2. Д. 61. Л. 5об.
207. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 53.
208. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 80.
209. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 121. Л. 6.
210. Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 29. Л. 42.
211. ГАВО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 31–31об.
212. Русские крестьяне. ... Ч. 2 ... С. 678.
213. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 2050. Л. 14, 16.
214. Там же. Л. 7.
215. Там же. Л. 12–13.
216. Вронский О.Г. Указ. соч. С. 68; Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2012. С. 96.
217. Нежина М.В. Система самоуправления в Приамурском крае: исторический опыт формирования: вторая половина 50-х XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2007. С. 43.
218. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 94. Л. 196–197; Ф. 54. Оп. 3. Д. 29. Л. 76–76об.; Ф. 72. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–2об. и др.
219. ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3456. Л. 5.
220. Свод заключений ... С. 710.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществлённая в 1861 г. правительством Российской империи отмена крепостного права и последовавшее затем реформирование удельной и государственной деревень способствовали формированию идентичных правовых условий для развития всех ранее существовавших категорий крестьян. Ликвидировалась опека со стороны помещиков, и ослабевало попечительство со стороны государства в бывшей государственной деревне. С этого момента уровень жизни крестьян в значительной степени зависел от них самих. Поземельная община, представленная двумя видами (простой и сложной), была преобразована в сельское общество, которое государственными институтами власти воспринималось исключительно в качестве административно-хозяйственной единицы. Тем самым были заложены правовые основы для трансформации институтов, регулировавших отношения между крестьянами на основе норм обычного права в систему правового регулирования, базирующуюся на кодифицированных юридических нормах. Однако сохранявшиеся на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в крестьянском социуме позиции традиционного уклада общинной жизни затрудняли этот процесс.

В образованных сельских обществах была организована структура крестьянских органов управления, функционирование которых основывалось на самоуправлении. Создавались они по административно-территориальному принципу и были представлены двумя уровнями – сельскими и волостными органами власти, включавшими в себя сходы и правления, где первое звено базировалось на общине. В Вологодской губернии преобладал её сложный вид, что, впрочем, было характерно для губерний нечернозёмной полосы. На большей части представленного региона она совпадала с сельским обществом. Исключение составляли три юго-западных уезда (Вологодский, Кадниковский и Грязовецкий), где в среднем оно объединяло от двух до четырёх поземельных общин.

Основой местного самоуправления выступали крестьянские сходы, которые являлись общественным органом власти на местах. Они были представлены тремя видами: селенным, сельским и волостным. На них решались все вопросы, связанные с повседневной деятельностью общества: хозяйственно-экономические, административно-полицейские, социально-бытовые и др., а также представлялись интересы каждого землепользователя. При этом значение первых двух было преобладающим. В заседаниях мирских «сходов» принимали участие все крестьяне-домохозяева общества, а волостных – выборные из них десятидворные. Организовывались они по мере необходимости старостой и старшиной. Определение време-

ни созыва общественного собрания было предоставлено непосредственно «руководителям» сельского общества и волости. Несмотря на предоставление самостоятельности в решении данного вопроса, на практике старшина был ограничен в этом праве, а волостные сходы созывались только с разрешения представителя уездной власти. Оформлявшийся по результатам общественного собрания приговор, являлся результатом коллективного решения и считался правомочным при условии присутствия на нём не менее $\frac{2}{3}$ домохозяев, имевших право голоса. При этом по важным делам, связанным, например, с землепользованием и податными обязанностями коллектива, должны были дать согласие не менее $\frac{2}{3}$ присутствующих, а по второстепенным вопросам – простое большинство.

Сельские и волостные правления являлись выборным органом самоуправления и формировались из представителей местного населения, преимущественно из крестьян. В Вологодской губернии функционировали следующие должности: старшина, староста, волостной и сельский писари, сборщики податей, смотритель хлебного запасного магазина, десятские, сотские, полесовщик и многие др. Волостное правление являлось коллегиальным органом самоуправления. В него входили старшина, писарь, старосты и сборщики податей всех сельских обществ, объединённых в волость. Представленный аппарат управления воспринимался местным населением в качестве исполнительной власти в деревне. Он был наделён многочисленными функциями, главные из которых – выполнение финансово-податных и административно-полицейских обязанностей. Являясь исполнителями решений общих собраний домохозяев, а также поручений уездных чиновников, выборные выступали связующим звеном между сходами и губернской администрацией. Это непосредственно отразилось на их повседневной деятельности. Если сельские избранники взаимодействовали главным образом с «миром», то волостные – с уездными начальниками. Старшина являлся «вестником» государственных нововведений в крестьянскую общину.

Сформированная в сельской местности структура органов самоуправления стала административной ячейкой государственного управления на местах, деятельность которой регламентировалась законом. Правительством был разработан комплекс нормативных актов, направленных на регулирование их деятельности. Принятие их было обусловлено развитием социально-экономических процессов в деревне. На протяжении исследуемого исторического периода, несмотря на модернизационные процессы, наблюдавшиеся внутри представленной структуры, основополагающим правовым актом оставалось Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 1861 г. Последующая законода-

тельная инициатива правительства сводилась к дополнению или корректированию его норм и была представлена тремя направлениями: 1) права и обязанности выборных должностных лиц и сходов, 2) процедура ведения делопроизводства органами крестьянского самоуправления и 3) осуществление контроля над их деятельностью со стороны представителей губернских и уездных институтов управления.

Правительство Российской империи стремилось к унификации структуры сельских и волостных органов власти. В проанализированный период наблюдалось отсутствие законодательных актов, посвящённых непосредственно их функционированию как на территории Европейского Севера в целом, так и Вологодской губернии в частности. Опубликованные во второй половине XIX – начале XX в. указы, регулировавшие общественные отношения в регионе, относились к социально-экономической сфере. Они стали реакцией правительства на возникшие в сельском обществе кризисные явления и включали в себя целенаправленные мероприятия по их стабилизации. Отдельным направлением правительственной политики на представленной территории выделялись постепенное законодательное закрепление централизации управления сельским обществом и ужесточение контроля над представительными органами власти в нём.

Принимавшиеся законы обязательно доводились до всех жителей деревни. Осуществлялось это четырьмя способами. Во-первых, волостным и сельским правлениям было вменено в обязанность приобретение сборников узаконений и распоряжений правительства для последующего ознакомления с ними крестьян. Особое внимание представители Министерства внутренних дел уделяли наличию в каждом сельском обществе последних переизданий Общего Положения. Во-вторых, губернское правление публиковало юридические акты в «Вологодских губернских ведомостях». Обычно они издавались в виде указов Правительствующего Сената и циркуляров Министерства внутренних дел. В-третьих, губернские и уездные чиновники направляли в сельские общества циркуляры и отпуски. Однако данные материалы были доступны ограниченному количеству сельских жителей, так как ознакомиться с ними в печатных изданиях мог только крестьянин, умеющий читать, поэтому самым распространённым и эффективным методом оставалось их чтение на сходах должностным лицом (писарем, старшиной, старостой).

В результате проведения реформ 1860-х гг. в Вологодской губернии была создана единая структура крестьянского самоуправления, деятельность которой контролировалась централизованными органами государственного управления. Начавшиеся преобразования сопровождались постепенным превращением существовавшей ранее неформальной са-

модельной общинной организации из института обычного в институт государственного права, в низшее звено государственного управления, деятельность которого регламентировалась законом. Однако начавшиеся в 1860-х гг. процессы не были мгновенными и продолжались на протяжении всего рассматриваемого периода.

Новые веяния проникли в социальную и экономическую жизнь северной деревни, внесли изменения в организацию системы крестьянского самоуправления. Так, общие собрания домохозяев стали собираться регулярно, происходило расширение их участников в лице женщин-домохозяек и лиц, не владевших общинным наделом. На них всё чаще выносились новые аспекты обсуждения, не ограничивавшиеся только хозяйственной деятельностью (землевланием и землепользованием). Это были вопросы, связанные с образованием, благотворительностью и др. Обсуждение проблем зачастую обретало форму борьбы между группами участвующих в процессе, что выражалось в применении различных вспомогательных средств (угощение водкой, привлечение «горланов» и др.).

Лица, занимавшие выборные посты, приобретали подобие чиновничьего статуса – их обязательно приводили к присяге, многим из них выплачивали жалованье за службу. При этом число должностей, за которые предполагалось вознаграждение, на протяжении рассмотренного периода увеличивалось. Ряд из них (старшина, староста, сборщик податей) обязательно отчитывался перед участниками схода и представителями уездной власти о проделанной работе. В деятельности служащих по выбору стали проследиваться черты административного управления сельским обществом, что отражалось как в их взаимодействии с уездными чиновниками, так и в организации делопроизводства. Усиливался контроль над структурой крестьянского самоуправления со стороны представителей губернской администрации. Особенно чётко это наблюдалось после введения института земских начальников, который в регионе было сформирован в два этапа (в 1889 и 1899 г.). В целом же, несмотря на развитие отмеченных признаков, должностные лица крестьянского самоуправления не стали чиновниками.

Вытеснение традиционного новым в структуре крестьянского самоуправления в Вологодской губернии происходило в соответствии с общероссийской тенденцией, однако этому процессу были присущи и отличительные черты:

- 1) созывы сходов происходили преимущественно в осенне-весенние месяцы;
- 2) наблюдалось увеличение численного состава собраний домохозяев при продвижении с юго-запада на северо-восток губернии;
- 3) законодательная норма о согласии $\frac{2}{3}$ участников, которые имели право голоса на «сходке», по вопросам, входившим в ст. 54 Об-

щего Положения, в понимании крестьян трансформировалась в обязательное требование для признания схода состоявшимся независимо от обсуждаемого вопроса;

- 4) на большинство должностей имело место избрание по несколько кандидатов, а также дополнительных помощников старостам, старшинам и сборщикам податей;
- 5) на служебные посты, исполнение которых законодательно разрешалось в течение года, избрание на три года;
- 6) сохранение значительного количества должностей, исполнение которых оставалось безвозмездным;
- 7) среди выборных лиц (от 50% и выше) был высок процент безграмотных;
- 8) человек, претендующий на должность писаря, нанимался, а не избирался.

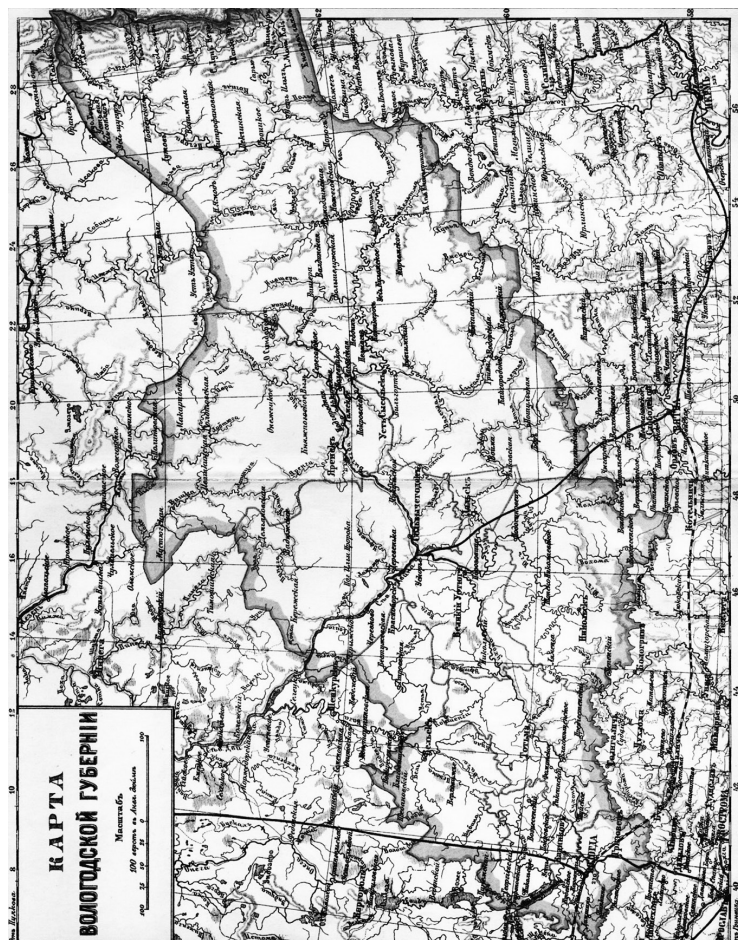
Разные темпы модернизации сельских обществ в уездах отразились в том, что в формировании крестьянского самоуправления в Вологодской губернии существовали различия:

- 1) в роли селенных сходов в решении повседневных вопросов;
- 2) в статусе на крестьянских сходах женщин и лиц, не владевших общинным наделом;
- 3) в отношении домохозяев к сходам (выражалось в падении у крестьян интереса к общим собраниям);
- 4) во влиянии «горланов» на ход обсуждения вопросов на сходе и принятие окончательного решения;
- 5) в вопросах оплаты деятельности старост (они не везде получали жалованье);
- 6) в отношении крестьян к несению общественной службы.

Итак, во второй половине XIX – начале XX в. в Вологодской губернии была организована двухуровневая структура крестьянского самоуправления. Она была представлена сходами и выборными должностными лицами. Через них сельское общество регулировало повседневную деятельность своих членов, решало хозяйственно-экономические, административно-полицейские, социально-бытовые и др. вопросы. Органам самоуправления были присущи черты демократизма, что проявлялось в представительстве на мирском собрании интересов членов общества, коллективном принятии решений, в механизме выбора должностных лиц и их отчётности по истечении срока службы перед всеми домохозяевами. Структура самоуправления развивалась в рамках законодательства Российской империи, направленного на унификацию и централизацию системы управления на местах. Однако на её устройство оказывали существенное влияние сохранявшиеся в сельских обществах традиции общинной жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Территория Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Источник: Вологодская губерния [Электронный ресурс].

URL: <http://metalloiskateli-info.ru/gubernii-i-oblasti-tossijskoj-imperii/vologodskaya-guberniya/>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Ведомость денежных сборов, собиравшихся с крестьян Вологодской губернии в 1868 г.

Наименование уездов	Денежные сборы, руб.						
	Государственные повинности	Губернские повинности	Частные повинности	Капитал народного производства	На рекрутскую одежду	Общественный сбор	Мирские расходы
Вологодский	47837,32 $\frac{3}{4}$	5932,38	4093,71 $\frac{1}{2}$	0,9	713,69 $\frac{1}{2}$	26366,15 $\frac{1}{4}$	10789,62 $\frac{3}{4}$
Грязовецкий	24923,76 $\frac{1}{2}$	2883,63 $\frac{1}{2}$	2045,53 $\frac{1}{2}$	1,05	279,04	6471,19 $\frac{1}{2}$	20595,54
Кадниковский	55069,57 $\frac{1}{2}$	8993,06 $\frac{1}{4}$	9548,16 $\frac{1}{4}$	—*	—	9045,87	14117,87 $\frac{1}{2}$
Вельский	23486,23 $\frac{3}{4}$	3299,50 $\frac{3}{4}$	936,09	—	—	9095,09 $\frac{1}{2}$	33375,01 $\frac{1}{2}$
Тотемский	34026,93 $\frac{1}{4}$	5232,17 $\frac{3}{4}$	3323,72 $\frac{3}{4}$	94,69 $\frac{1}{4}$	—	19604,33 $\frac{3}{4}$	46494,70 $\frac{1}{2}$
Велико-Устюжский	30206,08 $\frac{1}{4}$	6020,53	2380,95 $\frac{1}{2}$	—	31	12996,03	45295,69
Никольский	46729,38 $\frac{1}{4}$	6843,91	612,17	—	—	17659,29	49245,24
Сольвычегодский	17910,74 $\frac{3}{4}$	2868,38 $\frac{3}{4}$	1797,41 $\frac{1}{2}$	—	—	22079,68 $\frac{1}{4}$	40379,73
Яренский	6818,16 $\frac{1}{2}$	1700,40 $\frac{1}{4}$	949,18	—	—	4801,5	13555,02
Усть-Сысольский	14606,74 $\frac{3}{4}$	3137,24 $\frac{1}{2}$	1629,84	0,09	—	19441,07 $\frac{1}{2}$	27111,69
Во всей губернии	301614,96	46911,23 $\frac{1}{4}$	27316,79	96,73 $\frac{1}{4}$	1023,73 $\frac{1}{2}$	147560,22 $\frac{3}{4}$	300960,13 $\frac{1}{4}$

Составлено по: ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Т. 2. Д. 1829. Л. 190б.–20.

* В использованном источнике нет данных.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

**Законодательство о крестьянском самоуправлении
во второй половине XIX – начале XX в.**

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
1	1861	36657	Высочайше утверждённое Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.
2		36660	Высочайше утверждённое Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений.
3		36661	Высочайше утверждённые Правила о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.
4		37297	О том, какими правилами должны руководствоваться волостные суды, старшины и старосты, при отправлении своих обязанностей.
5		37298	Об установлении особых знаков для должностных лиц из крестьян.
6	1862	37945	О том, чтобы узаконения, воспреещающие нищенство, были поставлены на вид волостным правлениям и сельским обществам временно-обязанных крестьян.
7	1863	39209	О порядке перехода временно-обязанных крестьян в общества государственных.
8		39792	Высочайше утвержденное Положение о крестьянах, водворённых на землях имений государевых, дворцовых и удельных.
9		39841	Об освобождении крестьянских обществ от употребления гербовой бумаги при составлении доверительных мирских приговоров, выдаваемых поверенным на хождение по делам сих обществ.
10		39959	Об отвращении затруднений от мелкого состава сельских обществ.
11		39984	О правах волостного схода по делам рекрутским в обществах крестьян, вышедших из крепостной зависимости.
12		40156	О предоставлении начальникам губерний права налагать взыскания на волостных старшин и их помощников, а также удалять их от должностей.
13	1864	40511	О порядке составления приговоров об удалении вредных и порочных членов из тех обществ крестьян временно-обязанных и собственников, кои заключают в себе менее 300 душ.

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
14	1864	40943	О сроке выборов в должности по общественному крестьянскому управлению.
15		40975	О пределах власти общественного крестьянского управления над членами общества, служащими по найму на частных горных заводах.
16		41273	О порядке записки приговоров сельских сходов по делам о разрешении семейных разделов.
17	1865	41698	О порядке покупки волостными правлениями из уездных казначейств паспортных бланков и гербовой бумаги для билетов.
18		41985	О взыскании за оскорбление должностных лиц волостного и сельского управлений.
19		42027	О размере вознаграждения должностным лицам общественного крестьянского управления, назначенным не по избранию обществ.
20		42682	О порядке определения на места, а также наказания лесных сторожей, назначаемых для охранения отводимых в пользование крестьян смолокурных кварталов и находящихся при оных казенных роц в удельных имениях Архангельской и Вологодской губерний.
21	1866	42899	О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а так же местных по крестьянским делам учреждений.
22		43014	О порядке отмены решений волостных судов.
23		43147	Об изменении существующего порядка заведывания мирскими оброчными статьями обществ государственных крестьян.
24		43501	О пространстве и пределах власти губернаторов.
25	1867	44738	Об установлении порядка и сроков для принесения крестьянами жалоб на сельские и волостные сходы по делам рекрутской повинности.
26		44866	О разъяснении некоторых вопросов, возбужденных при применении Высочайше утвержденного, 1 июня 1865 года, мнения Государственного Совета о порядке представления в распоряжение правительства порочных людей их обществами.
27	1868	45452	Относительно порядка рассмотрения и ревизии дел о преступлениях по должности лиц волостного и сельского управления крестьян временно-обязанных и собственников.

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
28	1868	46180	О разъяснении 115 статьи Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.
29	1870	48550	О порядке привода к присяге лиц лесной стражи.
30		48713	О том, может ли быть соединяема должность волостного старшины с должностью члена земской управы.
31		48946	О мерах к обеспечению государственной оброчной подачи при продаже и раздроблении бывшими государственными крестьянами земель их надела.
32		49096	О том, могут ли быть соединены в одном лице должности почетного мирового судьи и волостного старшины.
33	1871	49665	Об установлении платы за засвидетельствование договоров и сделок в волостных правлениях.
34		50119	О том, какое значение могут иметь приговоры сельских и мещанских обществ, составленные в отмену подобных же приговоров сих обществ о непринятии в их среду, или предоставлении в распоряжение правительства лиц порочного поведения на основании статьи 556 Т. IX Уст. о сост. и статей 335 и 340 Т. XIV Уст. о пред. и прес. прест. по Прод. 1868 г.
35		50309	О возложении на Комиссию для подробного обсуждения вопроса о волостных судах исследования положения сих судов.
36	1872	51463	О порядке составления в промышленных местностях мирских приговоров по делам о выкупе.
37	1875	55291	О замене на сельских сходах домохозяев, находящихся в отлучке.
38	1876	56357	О предоставлении исправникам права налагать взыскания на волостных и сельских должностных лиц за неисполнение ими обязанностей по призыву в мирное время.
39	1877	56909	О порядке отчуждения имуществ малолетних крестьян.
40		57179	Высочайше утвержденный 18 апреля 1877 г. список должностям по государственной и общественной службе, исполнение коих освобождает от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота и от службы в государственном ополчении.
41		57209	О порядке удаления из сельских обществ порочных людей по мирским приговорам.
42	1877	57697	О том: властен ли волостной суд приговаривать к телесному наказанию временно и бессрочноотпускных нижних чинов.

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
43	1878	58075	О порядке взыскания частных долгов с крестьянских обществ по решениям судебных мест.
44	1882	919	По вопросу об установлении мер к обеспечению возмещения растрат общественных сумм должностными лицами крестьянского общественного управления.
45	1885	2939	О порядке засвидетельствования доверенностей, выдаваемых сельскими обществами и товариществами крестьян.
46		2645а	По вопросу о праве волостных судов присуждать к телесному наказанию лиц, состоявших некоторое время в военной службе и уволенных в первобытное состояние.
47	1886	3578	О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирскою полевою землею.
48	1887	4378	О порядке разделения селений, составляющих одно сельское общество, на отдельные общества.
49	1889	6162	Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежавшим ведения судебных мест с участием присяжных заседателей.
50		6196	Высочайше утвержденные: I. Положение о земских участковых начальниках, II. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение, III. Временные правила о волостном суде в тех же местностях и IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках.
51	1889	6337	Об учреждении рисунка и описания знака должности волостного судьи.
52	1890	7205	О предоставлении волостным заседателям права носить, при отправлении служебных обязанностей, особые знаки.
53		7206	О приводе к присяге судей в волостных судах, образованных по Положению 19 февраля 1861 г.
54	1892	8518	Об изменении статьи 29 временных правил о волостном суде в местностях, где введено Положение о земских участковых начальниках.
55		9071	О порядке назначения опеки над имуществом умерших крестьян, бывших приписанными к волостям, и над личностью и имуществом остающихся после них малолетних детей.

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
56	1893	10011	Об определении в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках, размера денежного вознаграждения волостного старшины, волостного писаря, помощника волостного писаря и сельского старосты.
57	1896	12806	Об изменении порядка обжалования решений волостных судов.
58		12886	О некоторых изменениях в действия статьи 360 Уложения о наказаниях, относительно ответственности обществ за убытки, причиненные преступными деяниями избранных ими лиц.
59	1899	16493	О распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на Никольский, Велико-Устюгский, Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский уезды, Вологодской губернии.
60	1903	23022	О возложении на волостные правления, гминные, станичные и другие соответствующие им управления выдачи патентов на право продажи табачных изделий туземного приготовления в местностях третьего разряда.
61	1904	24182	О присвоении крестьянским начальникам права удалять от должности письмоводителей инородных управ и о порядке рассмотрения уездными съездами крестьянских начальников дел, решенных волостными и сельскими судами и волостными управами.
62		24738	Об изменении порядка разрешения лицам, удаленным за порочное поведение по приговорам сельских обществ, временного или постоянного пребывания на родине.

Составлено по: ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36; 1865–1868. Т. 37–41; 1871. Т. 42; 1873. Т. 43; 1874–1875. Т. 45–47; 1877–1880. Т. 50–53. Собр. 3. СПб., 1886. Т. 2; 1887–1889. Т. 5–7; 1891. Т. 9; 1893. Т. 10; 1895. Т. 12; 1897. Т. 13; 1899. Т. 16; 1902. Т. 19; 1905. Т. 23; 1907. Т. 24.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Законодательные акты, относившиеся к Вологодской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
1	1861	37427	О размере надела в Яренском и Усть-Сысольском уездах, Вологодской губернии, для отвода крестьянам, приписанным к заводам.
2	1862	37877	О назначении высшего и низшего размеров надела крестьян землею в Устюгском уезде Вологодской губернии.
3		38891	О причислении 8-ми душ временно-обязанных крестьян Устюгского уезда к казенной волости.
4		38971	Об отмене, в отношении государственных крестьян, в Сольвычегодском, Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, предстоящего в 1863 г. рекрутского набора и об отсрочке этого набора в Архангельской губернии до более благоприятного времени.
5		39085	Об освобождении от предстоящего в 1863 г. набора мещан и временно-обязанных крестьян Сольвычегодского, Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии и удельных крестьян Сольвычегодского уезда.
6		39251	О приостановлении взыскания в 1863 г. дополнительного сбора к оброчной подати с государственных крестьян Архангельской и Екатеринославской губерний и некоторых уездов Вологодской и Пермской губерний.
7	1863	39312	Об освобождении от дополнительного на 1863 г. сбора к подушной подати государственных крестьян и всех сельских обывателей губерний Архангельской и Екатеринославской и некоторых уездов Вологодской и Пермской губерний.
8	1865	42767	Об отмене рекрутского, в 1866 году, набора с пострадавших от неурожая государственных крестьян некоторых уездов Вологодской губернии.
9		42843	Об отмене предстоящего рекрутского набора с пострадавших от неурожая хлеба мещан и временно-обязанных крестьян Усть-Сысольского, Яренского и Сольвычегодского уездов Вологодской губернии.

№ п/п	Год	№ закона	Наименование законодательного акта
10	1868	45923	О предоставлении Министру государственных имуществ права определять величину лесного налога по губерниям: Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской, в размере и менее $\frac{1}{4}$ таксы и вовсе освобождать от оною крестьян, в исключительных случаях, по крайней бедности, в размере не более одногодичного, каждый раз, сметного исчисления.
11	1869	47211	О смете расходов и раскладке сбора на губернские и уездные учреждения по крестьянским делам в Вологодской губернии на трехлетие с 1869 г.
12		47514	Инструкция о порядке определения крестьянского надела и о способе исчисления оброчной подати с государственных крестьян в губерниях: Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской и Уфимской.
13		47660	О сложении недоимки рекрут, образовавшейся по набору 1866 года на мещанах и крестьянах всех наименований Усть-Сысольского, Яренского, Сольвычегодского и частью Вельского уездов, Вологодской губернии.
14	1870	48889	Об отсрочке работ по составлению и выдаче владенных записей государственным крестьянам Архангельской губернии и об изменении окладов оброчной подати с тех же крестьян Архангельской, Олонецкой и некоторых уездов Вологодской губерний.
15	1876	55867	Об устройстве половников, проживающих на владельческих землях в Вологодской губернии.
16	1882	877	Об изменении и дополнении некоторых законоположений о производстве земельно-устроительных работ в губерниях Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской.
17	1896	13258	О поземельном устройстве государственных крестьян, самовольно водворившихся в Кажимских заводах.

Составлено по: ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36; 1865–1866. Т. 37–38; 1867. Т. 40; 1873–1874. Т. 43–45; 1878. Т. 51; Собр. 3. СПб., 1886. Т. 2; 1899. Т. 16.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

**Соответствие нормативных правовых актов, опубликованных
в «Вологодских губернских ведомостях», с указами, вошедшими
в Полное собрание законов Российской империи**

№ п/п	Год	Название законодательного акта*	Выпуск ВГВ	№ закона
1	1861	<i>Об открытии в Вологде губернского присутствия по крестьянским делам**</i>	25 марта	36660
2		<i>Краткое изложение прав и обязанностей крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости</i>	15 апреля	36657; 36658 и 36662
3		Об учреждении особых знаков для должностных лиц из крестьян	16 сентября	37298
4		Общий циркуляр МВД по крестьянскому делу от 14 октября 1861 г. за № 10 «О подсудности государственных крестьян Мировым посредникам»	4 ноября	36660
5		<i>Об условиях увольнения безземельных крестьян из обществ</i>	16 декабря. Приложение	36657 и 36662
6	1862	<i>О разъяснении ст. 32 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений</i>	3 марта	36660
7		<i>О времени, с какого должны быть исчисляемы сроки льгот от повинностей для безземельных крестьян, не приписавшихся к обществам в определённый 6-ти месячный срок</i>	11 августа. Приложение	36657 и 36662
8		<i>О пределах власти волостных судов</i>	25 августа. Приложение	36657
9		<i>Относительно порядка назначения в рекруты в волостях крестьян временно-обязанных и собственников</i>	10 ноября. Приложение	36657
10	1863	О переходе крестьян, вышедших из крепостной зависимости, в общество государственных	23 февраля. Приложение	39209

* Приводятся в соответствии с названием, указанным в «Вологодских губернских ведомостях».

** Публикуются только отдельные статьи нормативных правовых актов.

№ п/п	Год	Название законодательного акта*	Выпуск ВГВ	№ закона
11	1863	<i>Следует ли обязывать волостные правления доносить судебным следователям, тот час по получении сведений, о всех преступлениях, подлежащих судебному рассмотрению</i>	6 апреля	36657
12		О переходе временно-обязанных крестьян в общества государственных	13 апреля	39209
13		Об освобождении от дополнительного на 1863 г. сбора к подушной подати государственных крестьян и всех сельских обывателей губерний Архангельской и Екатеринославской, а также уездов Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского Вологодской и Чердынского Пермской губерний		39251
14		Об отвращении затруднений, возникающих вследствие мелкого состава сельских обществ	28 сентября. Приложение	39959
15		<i>О порядке назначения волостных старшин в волостях, образуемых из удельных селений</i>	30 ноября. Приложение	39792 и 36652
16		О порядке наложения начальниками губерний взысканий, за лично усмотренные ими проступки по должности, на волостных старшин, их помощников и сельских старост	30 ноября. Приложение	40156
17	1864	О порядке составления приговоров об удалении вредных и порочных членов из тех обществ крестьян временно-обязанных и собственников, кои заключают в себе менее 300 душ	14 марта. Приложение	40511
18		Об отвращении затруднений от мелкого состава сельских обществ	11 июля	39959
19		О порядке наложения взысканий на волостных старшин их помощников и сельских старост	18 июля	40156
20		<i>Об устройстве сельского состояния в удельных имениях</i>	1 августа	39792

№ п/п	Год	Название законодательного акта*	Выпуск ВГВ	№ закона
21	1864	О порядке составления приговоров об удалении вредных и порочных членов из тех обществ крестьян временно-обязанных и собственников, кои заключают в себе менее 300 душ	15 августа	40511
22		О сроке выборов к должности по общественному крестьянскому управлению	12 сентября	40943
23		<i>О пределах власти общественного крестьянского управления над членами общества, служащими по найму на частных горных заводах</i>	<i>19 сентября</i>	<i>40975</i>
24		О записке приговоров сельских сходов по делам о семейных разделах	12 декабря	41273
25	1865	О гербовой бумаге, отпускаемой в волостные правления	24 апреля	41698
26		<i>Об отнесении за счёт удела расхода по написанию копии с уставных грамот по удельным селениям для г. министра финансов</i>	<i>19 июня</i>	<i>39792</i>
27		О взыскании за оскорбление должностных лиц волостного и сельского управления	3 июля	41985
28		О прекращении волостными правлениями сбора удельных доходов и ведения по оным отчётности	17 июля	39792

Составлено по: Вологодские губернские ведомости (год и выпуск указаны в таблице); ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863, 1865–1867. Т. 36–40.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Вопросы, подлежавшие ведению сельского схода в соответствии со ст. 51 Общего Положения во второй половине XIX – начале XX в.

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
1	Выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход.	Действовало		Дополнено		
2	Выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход, а в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках, также избрание кандидатов в волостные судьи.	Не существовало		Действовало		
3	Удаление из общества вредных и порочных членов его; временное устранение крестьян от участия в сходах, не дольше, как на три года.	Действовало		Изменено		
4	Удаление из крестьянского общества тех из проживающих в его среде членов оного, дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности; временное устранение крестьян от участия в сходах, не более как на три года.	Не существовало		Действовало		
5	Изъявление согласия по ходатайствам лиц, удалённых за порочное поведение по приговорам сельских обществ, на временное или постоянное пребывание их в среде сих обществ.	Не существовало				
6	Принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам общества, через особых выборных.	Действовало				
7	Назначение опекунов и попечителей; проверка над их действиями.					

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
8	Увольнение из общества членов его и приём новых.	Действовало				
9	Решение дел, относящихся до общественного пользования мирской землёй, как-то: передел земель, накладка и скидка тягол, окончательных раздел общественных земель на постоянные участки и т.п.	Действовало		Дополнено		
10	Решение дел, относящихся до общественного пользования мирской землёй, как-то: передел земель, накладка и скидка тягол, окончательных раздел общественных земель на постоянные участки и т.п., а так же дела о разделе сельского общества на два или несколько сельских обществ.	Не существовало		Действовало		Изменено
11	Дела, относящиеся до общинного пользования мирскою землёю, как то: передел земель, накладка и скидка тягол, укрепление в личную собственность участков общинной земли, окончательный раздел общинных земель на постоянные участки, переход к владению в отрубных участках и т.п., а так же дела о разделе сельского общества на два или несколько сельских обществ и о выделе угодий в отдельное владение селений, входящих в состав сельского общества.	Не существовало				Действовало
12	При участковом или подворном (наследственном) пользовании землёй распоряжение участками мирской земли,	Действовало				Изменено

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
12	по какому либо случаю остающимися праздными или не состоящими в подворном пользовании.	Действовало				Изменено
13	При участковом или подворном (наследственном) пользовании землёю распоряжение участками мирской земли, по какому либо случаю остающимися праздными или не состоящими в подворном пользовании, выдача удостоверительных приговоров, а так же переход к владению в отрубных участках.	Не существовало				Действовало
14	Проведение совещаний и ходатайств об общественных нуждах; организация благоустройства, призрения и обучения грамоте.	Действовало				
15	Разрешение семейных разделов.					
16	Назначение сборов на мирские расходы.					
17	Раскладка всех лежащих на крестьянах казённых податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей; ведение счетов по означенным податям и сборам.	Действовало		Изменено		
18	Раскладка всех лежащих на крестьянах окладных и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным сборам.	Не существовало		Действовало		

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
19	Учёт должностных лиц, избранных сельским обществом, назначение им жалования или иного за службу вознаграждения.	Действовало				
20	Ведение дел по отбыванию воинской повинности, в той степени, в которой они касаются сельского общества.					
21	Раскладка оброка и издельной повинности по тяглам, по душам, или иным принятым способам там, где повинности в пользу помещика отбываются за круговую порукою целого общества.	Действовало		Отменено		
22	Принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок.			Дополнено		
23	Принятие мер к предупреждению и взысканию недоборов и недоимок.	Не существовало		Действовало		
24	Назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода вспомоществований.	Действовало		Изменено		
25	Дела по обращению хлебных общественных запасов в денежные общественные капиталы; по назначению ссуд из местных запасных магазинов или заменяющих оные общественных продовольственных капиталов, по замене общественных продовольственных капиталов, хлебными запасами и др. дела, указанные в Уставе об обеспечении народного продовольствия и во временных Правилах по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей.	Не существовало		Действовало		

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
26	Предоставление доверенностей на хождение по делам общественным.	Действовало				
27	Все те случаи, по общему закону или по правилам положений о крестьянах требуется согласие или решение сельского общества.					
28	Замещение должностей сотских и десятских уездной полиции.	Не существовало		Действовало		
29	Отобрание паспортной книжки и другие дела, представленные ведению схода на основании Устава о паспортах.					
30	Дела о переименовании селения в город.					

Составлено по: ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 51; Сборник указаний и распоряжений правительства, относящихся до крестьянского общественного управления и крестьянских учреждений / сост. А. Скоров. М., 1883. С. 13–14; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906 г.). 2-е изд. СПб., 1908. С. 57–77; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.). 8-е изд., значит. доп., испр. и перераб. СПб., 1911. С. 75–97; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Свод Законов, особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1912 г.). 10-е изд., значит. доп., испр. и перераб. СПб., 1916. С. 156–183.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Вопросы, подлежавшие ведению волостного схода в соответствии со ст. 78 Общего Положения во второй половине XIX – начале XX в.

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
1	Выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда.	Действовало		Изменено		
2	Выборы волостных должностных лиц, а в местностях, в которых не введено в действие Положение о земских участковых начальниках – так же выборы очередных судей волостного суда из крестьян, участвующих в волостном сходе.	Не существовало		Действовало		
3	Выборы уездных земских гласных от сельских обществ в местностях, в коих введено в действие Положение о губернских и уездных земских учреждениях, причём волостным сходам предоставляется назначать избранным от них гласным содержание из волостных мирских сборов.	Не существовало		Действовало		
4	Постановление о всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел целой волости.	Действовало				
5	Назначение и раскладка мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости.					
6	Принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам волости через особых выборных.					
7	Выдача доверенностей на хождение по делам волости.					
8	Принятие мер по общественному призрению; учреждение волостных училищ; распоряжения там, где они есть, по волостным запасным магазинам.					

№ п/п	Вопросы	Год				
		1861	1883	1908	1911	1916
9	Проверка действий и учёт должностных лиц, волостью избранных.	Действовало				
10	Поверка рекрутских списков и раскладка рекрутской повинности, по правилам, изложенным в ст. 192-207.	Действовало	Изменено			
11	Дела по отправлению воинской повинности на основании Устава о сей повинности.	Не существовало	Действовало			
12	Назначение опекунов и попечителей к сиротам и имуществу умерших, приписанных к волостям крестьян, приобретших недвижимое имущество или жительствовавших вне границ надела сельских обществ, но в пределах ведомства волостного правления, или же безземельных, а так же проверка действий сих опекунов и попечителей.	Не существовало		Действовало		
13	Утверждение приговоров сельских обществ, заключающих в себе менее трехсот душ, об удалении тех из проживающих в их среде членов оных, дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности.					
14	Другие дела, отнесённые к ведению волостного схода подлежащими Положениями, Уставами и особыми указаниями.					

Составлено по: ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 78; Сборник указаний и распоряжений правительства, относящихся до крестьянского общественного управления и крестьянских учреждений / сост. А. Скоров. М., 1883. С. 37–38; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском сос-

тоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906 г.). 2-е изд. СПб., 1908. С. 97–101; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.). 8-е изд., значит. доп., испр. и перераб. СПб., 1911. С. 120–123; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Свод Законов, особое прил. к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1912 г.). 10-е изд., значит. доп., испр. и перераб. СПб., 1916. С. 211–214.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Посещаемость крестьянских сходов
во второй половине XIX – начале XX в.

Уезд	Волость, село, деревня		Вид схода	Дата созыва схода	Присутствовало	Должно присутствовать			
Вологодский	Богородская волость		Волостной	27 июня 1876 г.	36	50			
				28 ноября 1876 г.	44				
				27 декабря 1876 г.	42				
				20 ноября 1877 г.	42				
				27 января 1880 г	39				
				22 июня 1880 г.	45	49			
				30 ноября 1880 г.	45				
				24 мая 1881 г.	44				
	Богородская волость		Сельский	12 апреля 1864 г.	40	47			
				7 апреля 1864 г.	29				
				12 июня 1864 г.	38				
				20 декабря 1864 г.	34				
				27 февраля 1866 г.	47				
				12 января 1908 г.	47	63			
				27 декабря 1881 г.	27	34			
				3 марта 1896 г.	13	13			
				11 января 1896 г.	40	40			
				12 января 1908 г.	24	35			
				1 октября 1895	64	86			
				12 января 1908 г.	51	80			
				17 января 1908 г.	23	42			
				с. Грибцовское		Селенный	12 февраля 1912 г.	6	9
								13	17
	5	7							
	1 марта 1912 г.	23	25						
	9 февраля 1912 г.	14	21						
	Сычевская волость		Сельский	10 сентября 1911 г.	22	22			
				15 октября 1911 г.	20	28			
				11 сентября 1911 г.	18	25			

Уезд	Волость, село, деревня		Вид схода	Дата созыва схода	Присутствовало	Должно присутствовать
Кадниковский	Вожегодская волость	с. Подольное	Сельский	17 февраля 1905 г.	10	13
		с. 2-е Угольское		16 февраля 1905 г.	24	32
	Кумзерская волость, с. Княжое			15 мая 1905 г.	32	36
	Петряевская волость	с. 1-е Малое		20 октября 1905 г.	18	22
		с. 2-е Малое		27 сентября 1905 г.	23	31
		с. 2-е Денисовское		18 октября 1905 г.	30	42
		с. Дорское		16 ноября 1905 г.	24	27
		с. Курьяновское		23 октября 1905 г.	138	200
	Петряевская волость		Волостной	19 декабря 1907 г.	70	92
	Азлецкая волость			22 декабря 1907 г.	62	81
Шевницкая волость		8 февраля 1908 г.		28	37	
Куракинская волость		7 декабря 1894 г.		59	73	
Вожбальская волость		8 декабря 1894 г.		105	120	
Мосьевская волость		11 декабря 1894 г.		45	64	
Никольская волость		21 января 1908 г.		110	149	
Тотемский	Пятовская волость	с. Пятовское	Сельский	27 декабря 1914 г.	282	552
	4 апреля 1916 г.			291		
	27 декабря 1916 г.			284	555	
	Калининская волость	с. Калининское		18 декабря 1894 г.	286	434
				21 января 1895 г.	290	434
	с. Режское	28 декабря 1894 г.		273	320	
		Куракинская волость		с. Синеньженское	22 февраля 1895 г.	308

Уезд	Волость, село, деревня		Вид схода	Дата созыва схода	Присутствовало	Должно присутствовать	
Тотемский	Вожбалская волость	с. Давыдково	Сельский	10 января 1895 г.	15	18	
		с. Вожбалское		20 февраля 1895 г.	99	117	
				5 марта 1895 г.	89		
				1 ноября 1895 г.	87	116	
	Мосьевская волость	с. Заозерское		4 января 1895 г.	170	286	
				8 января 1895 г.	71	156	
Усть-Сысольский	Вильгортская волость	с. Сретенское		29 декабря 1913 г.	490	734	
	Благовещенская волость	с. Гарьинского		7 января 1917 г.	210	298	
				5 февраля 1914 г.	123	213	
		с. Слободское		16 января 1905 г.	86	167	
				1 апреля 1905 г.	114		
				12 июня 1905 г.	129		
				26 июня 1905 г.	124		
				9 октября 1905 г.	127		
				15 января 1906 г.	124		
	Богоявленская волость	с. Богоявленское		24 ноября 1913 г.	270	403	
	Слободская волость	с. Слободское		15 декабря 1913 г.	148	209	
	Шешкинская волость	с. Шешкинское		17 ноября 1913 г.	243	361	
	Корткеросская волость	с. Корткеросское		20 января 1914 г.	242	362	
				5 января 1914 г.	115	166	
	Мажская волость	с. Мажское		3 февраля 1914 г.	236	354	
				30 января 1914 г.	160	236	
	Визингская волость			Волостной	5 сентября 1911 г.	33	62
					9 декабря 1912 г.	52	65
19 августа 1913 г.					49		
24 декабря 1912 г.					32	42	
Койгородская волость							

Уезд	Волость, село, деревня		Вид схода	Дата созыва схода	Присутствовало	Должно присутствовать
Яренский	Готовская волость	с. Готовское	Сельский	1 марта 1916 г.	167	329
				17 марта 1916 г.	227	
				24 марта 1916 г.	171	
				14 июня 1916 г.	176	
				16 августа 1916 г.	171	
				9 октября 1916 г.	170	
				7 ноября 1916 г.	225	
				17 ноября 1916 г.	171	

Составлено по: ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2781. Л. 7, 8, 10; Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 8, 49об., 159, 218, 223, 225, 268, 298; Оп. 2. Д. 6. Л. 2, 21, 27; Ф. 97. Оп. 1. Д. 172. Л. 1, 2, 4, 6; Д. 227. Л. 3, 5, 6об.–8, 11, 15, 17, 20, 25, 27об., 34, 40; Д. 62. Л. 13, 16, 37; Оп. 3 Д. 2. Л. 10об., 11об., 13об., 15, 22; Ф. 680. Оп. 1. Д. 65. Л. 2; Ф. 750. Оп. 1. Д. 28. Л. 1об., 15об., 19об.; Ф. 679. Оп. 1. Д. 552а. Л. 3, 5, 9, 12, 24, 31, 41, 46, 60, 104, 112, 126, 208; НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 186. Л. 2, 5, 8об., 20, 32об., 40, 47, 48, 62об.; Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 18; Д. 33. Л. 2, 5, 150; Ф. 47. Оп. 1. Д. 89. Л. 1, 2об., 8об., 14об., 18об., 26, 29, 37; Ф. 279. Оп. 1. Д. 510. Л. 3, 22, 24, 28, 35; Д. 524. Л. 3об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

**Материальное вознаграждение крестьянских должностных лиц
за службу во второй половине XIX – начале XX в.**

Уезд	Волость / село (общество)		Год оплаты	Размер жалованья должностного лица, руб.			
				Волост- ной стар- шина	Сель- ский староста	Волост- ной писарь	Сель- ский писарь
Вологодский	Богородская волость		1905	150	– *	180	5,16
			1906	150	–	180	5,16
	Вепревская волость		1912	200	–	220	–
	Сычевская волость		1912	150	–	270	–
	Богородская волость	с. Богородское	1892	–	10	–	5
			1893	–	10	–	5
			1894	–	10	–	5
		с. Раевское	1908	–	18,60	–	–
			1914	–	18,60	–	–
		с. Воронцовское	1914	–	1,95	–	–
		с. Хохлевское	1908	–	25	–	–
			1914	–	50	–	–
		с. Рождественское	1914	–	17,20	–	–
		с. Грибцовское		–	21,32	–	–
Грязовецкий	Ново-Никольская волость		1865	120	–	108	–
	Семеновская волость		1868	150	–	121	–
	Панфиловская волость		1916	340	–	748,76	–
				500	–	720	–
	Панфиловская волость	с. 1-е Андраковское	1917	–	11	–	–
		с. 2-е Андраковское		–	5	–	–
		с. Балагурское		–	8,50	–	–
		с. Мышкинское		–	68	–	–
		с. Михайловское		–	12	–	–
		с. Ломковское		–	3	–	–
		с. Владышенское		–	Безвоз- мездно	–	–
		с. Беловское		–		–	–
		с. Старовское		–		–	–
		с. Алферовское		–		–	–
		с. Шумлевкое		–		–	–
		с. Бокотовское		–		–	–

* В использованном источнике данные не указаны.

Уезд	Волость / село (общество)		Год оплаты	Размер жалованья должностного лица, руб.			
				Волост- ной стар- шина	Сель- ский староста	Волост- ной писарь	Сель- ский писарь
Тотемский	Пятавская волость		1886	240	—	332,70	—
			1887	240	—	330	—
			1888	240	—	330	—
	Пятавская волость	с. Пятавское	1886	—	40	—	114,86
			1887	—	40	—	114,86
	с. Медведевское	1886	—	Безвоз- мездно	—	111,77	
		1887	—		—	111,77	
	с. Матвеевское	1886	—		—	118,12	
		1887	—		—	118,12	
Усть-Сысольский	Небдинская волость	с. Небдинское	1908	—	42	—	100
		с. Важкурское		—	42	—	84
	Ибская волость		1911	75	—	240	—
					—	340	—
	Киберская волость		1912	70	—	300	—
	Позтыкерская волость		1917	60	—	380	—

Составлено по: ГАВО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; Ф. 65. Оп. 1. Д. 14. Л. 11об.; Ф. 73. Оп. 1. Д. 2781. Л. 3об., 19; Ф. 97. Оп. 1. Д. 52. Л. 37; Д. 143. Л. 3, 20; Д. 172. Л. 2об., 8об.; Д. 249. Л. 8об., 10об., 12об., 14об., 16об.; Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 30об.–31; Оп. 2. Д. 5. Л. 14об., 17–20; Ф. 1050. Оп. 1. Д. 12. Л. 12–15; Д. 13. Л. 20–23об.; НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 18. Л. 120, 121; Д. 291. Л. 7; Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Д. 9. Л. 9, 12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГВ – Вологодские губернские ведомости
Госсовет – Государственный Совет
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
дес. – десятина
МВД – Министерство внутренних дел
НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
НАРК – Национальный архив Республики Коми
Общ. Пол. – Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости
Отд. – Отделение
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
Труды Института ЯЛИ – Труды Института языка, литературы и истории
Труды Коми НЦ УрО АН СССР – Труды Коми научного центра Уральского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Социально-экономические условия развития крестьянского самоуправления в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века.	27
§ 1. Социально-экономические особенности северной губернии	27
§ 2. Крестьянская община Вологодской губернии в исследуемый период	46
Глава 2. Деятельность государства по регламентированию крестьянского самоуправления в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века	60
§ 1. Российское законодательство о крестьянском самоуправлении..	60
§ 2. Особенности деятельности правительства по регламентации крестьянского самоуправления в Вологодской губернии.....	70
§ 3. Внедрение законодательных актов в крестьянскую среду северной деревни	79
Глава 3. Организация крестьянского самоуправления в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века	99
§ 1. Крестьянский сход в общественном самоуправлении.....	99
§ 2. Должностные лица волостной и сельской администрации.....	114
§ 3. Взаимоотношения органов крестьянского самоуправления с уездной администрацией Вологодской губернии.....	128
Заключение	147
Приложение	152
Список сокращений	178

ISBN 978-5-906394-33-0

Научное издание

Сергей Александрович Попов

**КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Подписано в печать 30.11.2016.
Усл. печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 300. Заказ № 92.

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.